

*10-летию  
Факультета международных отношений  
Воронежского Государственного Университета  
посвящается*

**РОССИЙСКИЙ  
ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ  
НАЦИОНАЛИЗМА**

**2012 / 2**

---

Российский журнал исследований национализма

№ 2, 2012  
Основан в 2012 году

---

Учредители:  
Факультет международных отношений  
Воронежского Государственного Университета;  
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран;  
Кафедра международных отношений и мировой политики

---

Редакционная коллегия  
к.и.н. *И.Б. Горшенева*  
к.и.н. *М. В. Кирчанов* (отв. ред. ВГУ)  
к.и.н. *А. В. Погорельский*  
к.и.н. *И. В. Форе́т*

Editorial Board  
*Dr. Irina B. Gorsheniova*  
*Dr. Maksym W. Kyrchanoff* (editor)  
*Dr. Irina V. Phoret*  
*Dr. Alexander V. Pogorelsky*

---

Адрес редакции  
394000, Россия, Воронеж  
Московский пр-т 88  
Воронежский государственный университет  
корпус № 8, ауд. 105

---

Все материалы, поступающие в Редакцию,  
проходят процедуру анонимного рецензирования.

---

Электронная версия настоящего издания  
доступна на официальном сайте Факультета международных отношений  
Воронежского государственного университета  
<http://www.ir.vsu.ru>

---

ISSN 2221-0792

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### Статьи

*М.В. Кирчанов*, Картвельский миф и этнические координаты развития грузинского национализма

*А.В. Погорельский*, Проблемы этногенеза «украинцев» в современной украинской историографии

*А.А. Болдырихин*, Проблемы постнационализма в контексте трансформаций идентичности: классический конструктивизм и его новейшие интерпретации

### Нация и национализм в донациональную и национальную эпоху

Социокультурные трансформации и идентичность в романизированных провинциях Римской Империи

*Е.М. Поляков*, Проблемы формирования этнической идентичности чеченцев

Национальная история России: «Национализм и другой исторический вопрос» в современных исторических дебатах на постсоветском пространстве)

*В.Ю. Кузнецова*, Концепция политического реализма Ганса Моргентау в программах праворадикальных политических партий Западной Европы

*А.В. Даркина*, Национальное в литературном творчестве Николая Рериха

### Обзоры

*И.В. Форет*, Проблемы национализма в современной российской историографии. Статья первая. Западные и восточные национализмы

### Критика

«Большой нарратив» в исследованиях нации и национализма в современной Болгарии

Проблемы гетерогенной Болгарии в современной болгарской историографии

Югославская тема в историографии современной Болгарии

Национализм и миф в современных болгарских гуманитарных исследованиях

Сведения об авторах

# СТАТЬИ

М.В. Курчанов

## КАРТВЕЛЬСКИЙ МИФ И ЭТНИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ РАЗВИТИЯ ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

*Автор анализирует картвельский миф в развитии грузинского национализма. Грузинский национализм в СССР принадлежал к числу наиболее мощных факторов в интеллектуальной и политической жизни Грузинской ССР. Автор полагает, что картвельская идея была активно использована грузинскими интеллектуалами для развития идентичности. Концепты великих предков и развитой государственной традиции также были важны для развития грузинского национализма.*

*Автор аналізує картвельський міф в розвитку грузинського націоналізму. Грузинський націоналізм в СРСР належав до числа наймогутніших чинників в інтелектуальному і політичному житті Грузинської РСР. Автор вважає, що картвельська ідея була активно використана грузинськими інтелектуалами для розвитку ідентичності. Концепти великих предків і розвиненої державної традиції також були важливі для розвитку грузинського націоналізму.*

*The author analyses Kartvelian myth in development of Georgian nationalism. Georgian nationalism in USSR belonged to the number of the most powerful factors in intellectual and political life of Georgian SSR. The author presumes that Kartvelian idea was actively used by the Georgian intellectuals for development of identity. The concepts of the great ancestors and developed state tradition were also important for development of Georgian nationalism.*

**Ключевые слова:** Грузия, Грузинская ССР, национализм, идентичность, национальные мифы, картвельская идея

**Ключові слова:** Грузія, Грузинська РСР, націоналізм, ідентичність, національні міфи, картвельська ідея

**Keywords:** Georgia, Georgian SSR, nationalism, identity, national myths, Kartvelian idea

Формирование и функционирование национальной идентичности невозможно без обращения со стороны националистов и националистически ориентированных интеллектуалов к проблемам прошлого. Прошлое является чрезвычайно важной темой для всех националистов. Именно в прошлом националисты склонны искать как славных и великих предков, так и ориентиры – политические институты, политические успехи, формы политического устройства, применимые на современном этапе. Всех националистов, которые конструируют националистически выверенные и написанные в этнических системах координат истории, чрезвычайно интересуют некоторые качества мифических, националистами конструируемых предков, которым ими же

приписываются идеальные качества – величие, мудрость, воинственность. Среди этих качеств, вероятно, важнейшим является качество автохтонности.

В современном мире, где политическое пространство институционализировано в виде суверенных государств-наций, качество автохтонности обретает особую актуальность и становится чрезвычайно востребованным в контексте возможных территориальных притязаний соседних наций-государств или динамично национализизирующихся меньшинств. Политическая и этническая карта современной Большой Европы от Португалии до Азербайджана является продуктом новейшей истории. Мир Европы, в тех границах, в которых мы ее знаем, сложился не более чем двадцать лет назад. Распад европейских империй после первой мировой войны, существенное форматирование политической карты Европы после второй мировой войны, значительные изменения, вызванные распадом многонациональных государств в начале 1990-х годов, привели к появлению новых государств, которые были вынуждены впервые в собственной истории писать свои национальные версии истории. В условиях написания национальных версий истории чрезвычайно актуальной стала задача защиты территорий новых государств от возможных притязаний со стороны соседей. Подобное территориальное воображение национализизирующихся обществ имеет и другое измерение, связанное с проблемами автохтонности как современных государствообразующих наций, так и их далеких предков. Вопросы древней истории всегда привлекают националистов, а образы прошлого, когда воображаемые великие предки заселяли огромные территории, являются чрезвычайно волнующими.

Подобные мотивы универсальны для ряда европейских националистов: в итальянском и румынском национализме чрезвычайно популярен миф о древних римлянах, которые не только создали империю, но и провели романизацию различных населяющих ее территорию племен; в немецком национализме особую роль играет нарратив о неких великих древних германцах как завоевателях и покорителей значительной части Европы; в русском национализме существует комплекс нарративов о древних славянах, славянском единстве, славянской Европе; в турецком и некоторых других национализмах тюркских народов чрезвычайно актуальна идея о великом тюркском мире прошлого. Аналогичные настроения характерны и для грузинского национализма и актуализированы в картвельском мифе.

В центре авторского внимания в настоящей статье – проблемы, связанные с картвельским мифом. Автор не рассматривает теоретиче-

ские проблемы, связанные с картвельским языкознанием или ранней историей картвельских народов. В статье предпринята попытка проанализировать состояние мифологизации картвельской проблемы, различные тактики и стратегии навязывания современной этничности отдаленному прошлому в контексте использования мифа о великих предках и картвельском мире, который существовал на территории Древней Европы до заселения ее индоевропейскими племенами.

Грузинский национальный миф основан на активном использовании нескольких нарративов, среди которых отдельную группу составляют картвельские. Картвельский уровень в грузинской национальной идентичности имел несколько измерений, связанных как с изучением картвельских языков<sup>1</sup>, так и истории картвельских народов. Грузинские националисты уделяют особое внимание тому, что грузины являются единственным картвельским народом, сохранившимся до настоящего времени и обладающим независимой государственностью. В связи с этим особое внимание акцентируется на особой древности грузин, на европейском характере грузинской культуры и идентичности. Европейский нарратив в этом контексте играет особую роль, так как частью грузинских интеллектуалов-националистов активно культивируется идея о чрезвычайно широкой распространенности носителей картвельских языков на территории Европы в прошлом и об их значительном вкладе в развитие и становление европейской цивилизации.

Для грузинского националистического текста начала 1960-х годов было характерно стремление доказать то, что картвелы-грузины были не просто автохтонным населением региона, но и то, что территория Грузии была одним из центров антропогенеза. Поэтому, грузинские интеллектуалы категорично заявляли, что «на территории Грузии человек жил с древнейших времен... Кавказ является одной из стран, где шел процесс очеловечивания обезьяны»<sup>2</sup>. С другой стороны, грузинские национально ориентированные интеллектуалы не только указывали на роль территорий Грузии в процессе эволюции человека, но и акцентировали внимание на географическом факторе. Например, Ш. Месхиа подчеркивал, что Грузия расположена «на юге *европейской* [курсив мой – М.К.] части Советского Союза»<sup>3</sup>, позиционируя тем самым грузин как советских европейцев. Другие грузинские интеллектуалы констатировали и то, что «грузинский народ является одним из древнейших народов мира»<sup>4</sup>.

Относительно племен, обитавших на территории Грузии в период каменного и бронзового века авторы акцентировали внимание на том, что они достигли более высокого уровня развития, чем их соседи<sup>5</sup>, а

культура региона отличалась значительным своеобразием и оригинальностью<sup>6</sup>. Нарратив о грузинской автохтонности в контексте древности грузин представлен и в работах грузинского историка Я. Киквидзе, который создал образ Грузии как одного из центров цивилизации и европейской культуры. Анализируя особенности развития традиционного общества и результаты неолетической революции Я. Киквидзе показал, что грузинские территории стали одним из центров генезиса цивилизации и политических институтов<sup>7</sup>.

Грузинскими интеллектуалами культивировался нарратив о непрерывности и преемственности в исторических процессах<sup>8</sup>, что было принципиально важно в контексте утверждение тезиса о том, что грузины являются не только одним из древнейших, но и автохтонным народом на территории Грузии. В грузинской историографии, которая была формой функционирования националистического дискурса, утвердилось мнение об автохтонности грузинского населения на тех территориях, которые в советский период входили в состав Грузинской ССР. В связи с этим Ш. Месхиа и другие грузинские историки полагали, что «предки грузин в основном обитали на территории современной Грузии»<sup>9</sup> в то время как родственные народы населяли Европу<sup>10</sup>. Появление собственно грузин связывалось грузинскими интеллектуалами с глубокой древностью, что, вероятно, было проявление доминирования этноцентризма в интерпретациях прошлого и отличительной особенностью развития «интеллектуального пространства»<sup>11</sup> в Грузинской ССР. В частности, подчеркивалось, что «примерно три тысячи лет назад далекие предки грузинского народа уже имели свой собственный облик. По языку и культуре они существенно отличались от других племен»<sup>12</sup>. Грузинские историки особое внимание акцентировали на том, что грузины являются «одним из древнейших народов мира»<sup>13</sup>.

Комментируя подобные концепции В.А. Шнирельман указывает на то, что «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности»<sup>14</sup>. По мнению В.А. Шнирельмана, грузинские интеллектуалы нередко выстраивали концепции, в рамках которых «современная этничность искусственно навязывается глубокой древности»<sup>15</sup>. Несмотря на столь очевидный этноцентризм в интерпретации прошлого, следование выработанным схемам и нормам исторического исследования<sup>16</sup>,

грузинские авторы все же признавали, что на территории Грузии «с древнейших пор проживали и другие племена», но вместе с тем подчеркивалось и их незначительное проникновение на исторические грузинские земли<sup>17</sup>. Поэтому, соседи грузинских племен локализовались грузинскими интеллектуалами «по соседству с Грузией»<sup>18</sup>.

Для грузинского националистического текста был характерен мощный примордиалистский тренд, что проявлялось в интерпретации проблем этногенеза и ранней истории грузин при активном использовании данных археологии<sup>19</sup>, которые воспринимались в качестве одного из аргументов не только древности грузин, но и их приоритетном праве на территории Грузии. В частности Ш. Дзидзигури (без ссылки ни на источник, ни на исследования предшественников) полагал, что «на рубеже II – I тысячелетий до н.э. на исторической арене появились мушки, которых считают *грузинами по происхождению* [курсив мой – М.К.]»<sup>20</sup>. Относительно мушков / месхов / мосхов Ш. Дзидзигури констатировал, что они являлись «грузинской этнической единицей»<sup>21</sup>. По мнению Ш. Дзидзигури, предки современных грузин были именно *грузинские* [курсив мой – М.В.] племена, которые постепенно объединились и создали *грузинскую* [курсив мой – М.К.] государственность<sup>22</sup>.

В рамках грузинской политической культуры доминировала этноцентричная модель восприятия истории, одним из форматоров которой следует признать грузинского историка Г. Меликишвили. Для теоретических построений Г. Меликишвили был характерен этноцентризм и примордиализм: «в отношении грузинского народа можно сказать, что в его состав вошли, наряду с издревле занимавшим территорию Грузии основным (грузинским) этническим элементом, также и разные, родственные ему, хурритские, урартские и хеттские племена, жившие к югу от исторической Грузии. И таким путем грузинский народ сделался наследником хеттской и хурри-урартской культур»<sup>23</sup>. Грузинские национально ориентированные интеллектуалы не превращали древних грузин в претендентов на хеттское историческое наследие, но при этом настаивали на том, что Хеттское государство с этнической точки зрения было разнородным, а среди его жителей были и носители картвельских языков<sup>24</sup>. Подобные формулировки, с одной стороны, служили удревнению грузинской истории, а, с другой, подчеркивали ее связь с политическими традициями государств, существовавших в древности на территории Малой Азии.

В рамках национальной версии грузинской истории урарты фигурировали почти как грузины: «в I тысячелетии до нашей эры из народов, родственных грузинам, особенно выдающуюся роль начали играть урартийцы. Могущественное государство урартских племен, занимавшее территорию, непосредственно примыкавшую с юга к исторической Грузии, существовало в IX—VI в.в. и временами включало в себя некоторые районы последней»<sup>25</sup>. Грузинские интеллектуалы особое внимание акцентировали на исторической и политической роли урартской государственности в развитии Ближнего Востока: «в конце IX века и в первой половине VIII века до нашей эры, во время царствований Ишнуини, Менуа, Аргишти I и Сардури II, стоящие во главе Урартского царства, правители Бианили добиваются больших успехов в деле укрепления могущества своего государства. Эта эпоха является эпохой расцвета могущества Урартского государства, которое сделалось одним из сильнейших государств Передней Азии. Ассирия, по сравнению с ним, отходит на задний план. Под властью урартских царей объединилась огромная территория»<sup>26</sup>. Этот государственно-политический нарратив играл особую роль в Грузинской ССР. Он имел два измерения: с одной стороны, грузинские интеллектуалы подчеркивали, что грузины в древности сами были создателями развитой государственности, а, с другой, испытывали влияние и сами влияли на древневосточные общества. Ш. Мехиа, например, подчеркивал, что грузины имели «культурные и экономические связи с хеттами, митаннийцами, урартийцами... древнегрузинские государства поддерживали связи с греками, Ахеменидским Ираном, с Селевкидами, Понтийским царством»<sup>27</sup>. Интерес со стороны грузинских национально ориентированных интеллектуалов к проблемам языкового и этнического континуитета в регионе был очень велик. Г. Меликишвили, например, писал: «по языку грузинский язык и родственные ему кавказские языки и поныне сохранили, главным образом в грамматическом строе, ряд характерных черт языков этих народностей Древнего Востока... несомненно, в эпоху расцвета шумерской, хеттской, хурритской цивилизаций на Древнем Востоке, кавказские (в том числе и грузинский) языки стояли несравненно ближе к языкам творцов этих цивилизаций»<sup>28</sup>.

Этнический тренд в национальной версии истории сочетался и с политическим, который проявлялся в попытках грузинских интеллектуалов показать и доказать то, что грузины унаследовали политический и исторический опыт великих цивилизаций прошлого: «этнически (по языку, культуре, антропологическому типу) грузинские племена близко стоят к значительной части древнейшего населе-

ния Месопотамии, Малой Азии и Ирана. Для шумерийцев, хеттов, эламитян, хурритов, урартийцев и других народностей, игравших большую роль в политической и культурной жизни Передней Азии в III-I тысячелетиях до нашей эры, судя по изображениям на памятниках изобразительного искусства той эпохи, а также по строению их черепа, свойственен физический тип, засвидетельствованный с древнейших времен и среди населения Грузии»<sup>29</sup>.

Грузинские интеллектуалы стремились доказать и связь древних грузин с хаттами, что автоматически должно было превратить древнегрузинские племена в предшественников Хеттского государства: «в III тысячелетии до нашей эры, в Малой Азии преобладали также племена, близко стоявшие по языку к современным кавказским народам... хеттская культура поздней эпохи, II тысячелетия до нашей эры, берет свое начало именно в протохеттской цивилизации»<sup>30</sup>. В этом контексте древние грузины в националистическом воображении наделялись политическими культуртрегерскими функциями в отношении соседних индоевропейских народов. Один из классиков исторической науки в Грузинской ССР Г. Меликишвили превратил кашков-картвелов в наиболее опасных противников хеттов<sup>31</sup>.

Акцентируя внимание на языковой и этнической стороне исторических процессов, грузинские интеллектуалы способствовали утверждению примордиалистской и поэтому этноцентричной версии восприятия истории, доказывая, что грузины принадлежат к числу наиболее древних народов мира: «грузинский язык и говорившая на нем этническая группа очень рано отделились от других представителей родственной группы и в продолжение тысячелетий своего обособленного от них существования успели далеко отойти от них. В эпоху существования великих восточных цивилизаций, в эпоху могущества хеттских и хурри-урартских государств, грузинский язык и говорившая на этом языке этническая группа, несомненно, уже обладали своей собственной индивидуальностью, которой они отличались даже от родственных древневосточных племен. Зарождению и углублению этих индивидуальных черт способствовало то обстоятельство, что предки нынешних грузин, а также северо-кавказских племен с древнейших времен сказались на Кавказе, обособившись от южных представителей этой группы родственных племен»<sup>32</sup>.

Идея «индивидуальности» древних грузин оказалась среди грузинских интеллектуалов чрезвычайно популярной. Например, Г. Меликишвили полагал, что древние грузины обладали не только своей уникальной культурой, но уже тогда их язык являлся

грузинским<sup>33</sup>. Язык играл одну из центральных ролей в функционировании грузинского национализма в советский период. Язык был не только проявлением политической уникальности (в конце 1970-х годов в результате массовых демонстраций Грузинская ССР смогла остаться единственной республикой, в которой грузинский язык сохранил статус государственного), но и этнической избранности грузин, который служил доказательством их этнического (а в более расширенном толковании и политического) континуитета с древними государствами, которые существовали на территории Грузии, в частности – с Урарту. Нарратив об урартско-картвельском политическом и лингвистическом континуите был популярен среди грузинских национально ориентированных интеллектуалов. Например, Г. Меликишвили в своих работах особое внимание уделял обоснованию этой преемственности, приводя в качестве примеров слова (სანი<sup>34</sup>, უბანი<sup>35</sup>, ცხოველი<sup>36</sup>, ქურძეხი<sup>37</sup>, ქოგლი<sup>38</sup>, ქური<sup>39</sup>, ცოლი<sup>40</sup>, ცელი<sup>41</sup>) из картвельских языков, которые, по его мнению, перешли в них из языка урартов. Г. Меликишвили подчеркивал и то, что язык Урарту являлся «языком аглютинативного типа», не являясь при этом индоевропейским и семитским, но имея общие особенности с древнегрузинским языком<sup>42</sup>.

Грузинские националисты-интеллектуалы, подобно русским националистам в СССР, которые культивировали идею о существовании древнерусской народности, настаивали, что в отдаленном прошлом сложилась единая древнегрузинская общность, которая постепенно «изолировавшись от своих южных сородичей, грузинская этническая группа в дальнейшем и сама распалась. Единый грузинский язык-основа распался на ряд языков: картский (грузинский), мегрело-чанский (лазский), сванский, а может быть еще на другие, впоследствии исчезнувшие языки. Можно показать, что уже в античное время этот распад являлся совершившимся фактом»<sup>43</sup>. Но и эти новые общности грузинскими историками воспринимались как исключительно грузинские, картвельские, что привело к идеализации истории в направлении ее последовательной национализации: «в продолжение целых столетий, а может быть и тысячелетий, грузинский язык (сперва как единый язык-основа, а впоследствии распавшийся на отдельные ветви) имел свою индивидуальность, которой он отличался даже от близко родственного ему языкового мира, из которого он сам когда-то вышел. Поэтому, вместе с существованием языка, имевшего свою индивидуальность, свой собственный, грузинский характер, на протяжении всего этого длинного периода времени, конечно, существовала также и говорившая на этом языке этническая группа, о кото-

рой мы можем говорить как о прямых, непосредственных предках нынешнего грузинского народа»<sup>44</sup>. Подобные нарративы, основанные на идее почти изначальности и внеисторичности грузин, вели к этнизации исторического текста, его смыканию с грузинским национализмом, что было совершенно естественно для авторитарного общества, где национализм не имели иных каналов для проявления и развития кроме гуманитарных исследований.

Шота Дзидзигури, подобно большинству грузинских интеллектуалов того времени<sup>45</sup>, интерпретировал этногенез грузин в примордиалистском духе: не вдаваясь в подробности, он полагал, что население Грузии, то есть «грузинские племена» сначала назывались урартами (в связи с этим, Дзидзигури указывал на то, что «многие явления в области спряжения глагола свидетельствует о поразительном сходстве урартского с картвельским... а вся система урартского склонения имен... обнаруживает исключительную близость к картвельским языкам»<sup>46</sup>), потом иберами, но позднее сменили название на картлийцев, а «картлийское наречие стало литературным языком грузинского народа»<sup>47</sup>, что подразумевало наличие развитой письменности и литературы у иберов.

Аргументируя эту национальную метаморфозу, Ш. Дзидзигури указывал на то, что «к основе **ибер (ивер)** сводятся многие варианты разновидности древнейших наименований картвельских племен»<sup>48</sup>. С другой стороны, Ш. Дзидзигури полагал, что картвельские племена были объединены «национальной идеей», которая «давно объединяла их в национальном и культурном отношениях... а так же физически»<sup>49</sup>. Это привело к тому, что «подтачивались основы существовавшего издревле партикуляризма», после чего, по терминологии Ш. Дзидзигури, возникли условия для «образования общегрузинского национального организма»<sup>50</sup>. Интерпретируя древнюю историю того, что позднее стало Грузией, Ш. Дзидзигури писал о Восточной и Западной Грузии в то время, как исторические названия этих территорий, Эгриси (ეგრისი<sup>51</sup>), Месхети (მესხეთი<sup>52</sup>) и Картли (ქართლი<sup>53</sup>), имели для него второстепенное значение. Примечательно, что само понятия «Абхазия» для Ш. Дзидзигури было исключительно географическим названием одной из исторически грузинских территорий<sup>54</sup>, лишенным этнического, негрузинского, содержания.

Параллельно внимание акцентировалось на том, что в древности грузины / грузинские племена занимали более обширные территории, чем современная для Ш. Дзидзигури Грузинская ССР<sup>55</sup>. Шота Дзидзигури полагал, что античные авторы так же писали именно о грузин-

ских племенах. Для Ш. Дзидзигури было характерно романтическое стремление удревнить историю грузин, ввести их в один ряд с народами древности. Именно поэтому он полагал, что «картвельские (грузинские) племена» халибов и халидзонов принимали участие в Троянской войне<sup>56</sup>. Далеким предкам грузин, халибам, Ш. Дзидзигури приписывал особую цивилизаторскую роль, полагая, что они добились больших успехов в обработке металла, чем их соседи, а «слава древнейших грузинских племен мусков дошла даже до евреев»<sup>57</sup>. Кроме этого Ш. Дзидзигури констатировал, что «большое значение для истории грузинской нации имеет то, что в первой половине V века до н.э. из четырех величайших народов (персы, мидийцы, саспейры и колхи) проживавших на территории Передней Азии, два народа – колхи и саспейры – были картвельского происхождения»<sup>58</sup>. Собственно грузинам Шота Дзидзигури приписывал цивилизаторскую роль на Кавказе, что проявилось, по его мнению, в картлизации – расширении ареала использования и доминирования картлийского (грузинского) языка. Ш. Дзидзигури полагал, что под сильное влияние грузин попали и горцы Кавказа, некоторые из которых «полностью огрузинились», а грузинский язык «глубоко проник в жизнь населения горных районов»<sup>59</sup>. Подобное усиление грузинского языка связывалась не просто с его особенностями, но и менталитетом носителей.

Особую роль грузинские интеллектуалы отводили проблемам языкового и этнического родства, поиску родственных народов на территории Европы. В качестве таковых были признаны баски<sup>60</sup>. Язык басков<sup>61</sup> воспринимался как наследие картвельского мира в преимущественно индоевропейском окружении современной Европы, как язык родственный грузинскому и связанный с другими картвельскими языками<sup>62</sup>. Баски, которые в интеллектуальном дискурсе Грузинской ССР 1970-х годов<sup>63</sup>, позиционировались как родственные грузинам нация, воображались как древнейший народ Европы<sup>64</sup>, который в прошлом, подобно грузинам, занимал более обширные земли, с которых был вытеснен более успешными соседями<sup>65</sup>. Сами баскские исследователи более консервативны, нейтрально констатируя, что «баскский – единственный язык в Европе, возникший еще до нашей эры, единственный язык, устоявший перед наступлением индоевропейских языков и единственный язык в Западной Европе, переживший вторжение латыни и романских языков»<sup>66</sup>.

В грузинском националистическом воображении баски имели репутацию древних, первых европейцев<sup>67</sup>, которые жили в Европе до прихода индоевропейских племен, являясь частью обширной

культурной общности, представители которой говорили на картвельских языках<sup>68</sup>. Ш. Дзидзигури подчеркивал, что в античную эпоху баскский язык<sup>69</sup> был распространен «на гораздо большей территории, чем в наши дни»<sup>70</sup>. Анализируя проблемы истории и культуры басков, Ш. Дзидзигури, положивший начало баскологическим исследованиям в Грузии<sup>71</sup>, проводил многочисленные параллели в развитии двух народов, между баскским и картвельскими языками<sup>72</sup>, доказывая, тем самым, их родственные связи<sup>73</sup>. В частности, подчеркивалось, что между грузинскими и баскскими народными песнями существует генетическое родство, а «грузинский и баскский язык очень похожи с точки зрения сохранности архаических элементов»<sup>74</sup>.

На протяжении существования Грузинской ССР интерес к баскам, заложенный классическими работами Н. Марра<sup>75</sup>, со стороны как грузинских интеллектуалов, так и властей эволюционировал. Один из крупнейших советских баскологов Ю. Зыцарь в одной из своих работ, носящий автобиографический характер, подчеркивал, что в Грузии существовал не только интерес к баскам, но сами баски в были в значительной степени мифологизированы, что привело к доминированию идей о крайне близком родстве двух народов: «в газетах подавалось все это так, что стоит баску встретиться с грузином, как они сразу же найдут многие общие слова, начиная с простейших, например с первых числительных». По воспоминаниям Ю. Зыцаря, в 1970-е годы на фоне попыток советского политического руководства установить связи с басками на него «последовал нажим на меня со стороны большой прессы с требованиями написать о родстве басков с грузинами»<sup>76</sup>.

Подобно грузинам баскам со стороны грузинских интеллектуалов приписывалась особая древность. Поэтому Ш. Дзидзигури цитировал Л. Паррико Гарсию, который утверждал: «единственный язык, уцелевший с доисторических времен, чудо, дарованное Испании неолитом, а может быть и палеолитом. Что это за язык? Ничто в Европе не может перенести человека XX века на пять или десять тысяч лет назад... в Испании достаточно послушать баскских крестьян... да ведь мы слышим неолитических пастухов!»<sup>77</sup>. Несколько позднее эту идею развил Звиад Гамсахурдия, подчеркивавший, что «баскский язык тоже считается протоиберийским языком, также, как и грузинский, но их разделяют настолько большие эпохи, на протяжении настолько большого промежутка времени они развивались отдельно, что на сегодняшний день установить генетическое родство усложняется. Установление этого родства про-

исходит больше топонимами, отдельными высказываниями, отдельными формами, а также методом культурно-исторического сравнения. Генетических языков, родственных с баскским и грузинскими, на сегодняшний день почти не существует, но это не означает, что баскский и грузинский миры в древнейшие времена не были едиными. Это был, как вам известно, один род, одна раса, но после они настолько стали отличаться друг от друга, что на сегодняшний день ученые уже затрудняются установить генетическое родство»<sup>78</sup>. Таким образом, избегая непосредственных констатаций баско-грузинского родства и картвельского прошлого Европы, грузинские национально ориентированные интеллектуалы фактически культивировали нарратив о Древней Европе как картвельском мире, сфере доминирования древнекартвельских культур и языков.

Позднее этноцентричный нарратив активно использовался и первым лидером независимой Грузии Звиадом Гамсахурдия. Вместо советских концепций этногенеза грузин Звиад Гамсахурдия предложил в значительной степени национализированную версию. 2 мая 1990 года З. Гамсахурдия говорил о том, что «первоначальное автохроническое население южной Европы – Пиринеев, Италии, островов Средиземного моря было иберийским. Этот народ называли протоиберами и от них происходит позднее европейское население». Особое внимание Звиад Гамсахурдия уделял идее о существовании древней европейской цивилизации, которая, по его мнению, была картвельской. З. Гамсахурдия полагал, что «до второго тысячелетия, а именно в период с древнейших времен до третьего тысячелетия, считается эпохой протоиберийского или палеомедитеррального человечества, эпохой расцвета его деятельности». В этом контексте грузинскими интеллектуалами культивировалась идея о том, что именно грузины являются древнейшей европейской нацией, связанной с формированием европейского культурного и цивилизационного типа в целом. З. Гамсахурдия культивировал идею общности древнего европейского населения, полагая, что «основной язык у этой расы или породы был один, но у него было много диалектических разновидностей; если эти разновидности приобретали характер отдельных языков, они все же оставались родственными и развивались как родственные языки». Гамсахурдия указывал на значительную роль древних картвелов в развитии Европы, полагая, что существовало «родство между грузинским и этрусским языками, картвельскими и лакидемонянскими племенами и со всей Малой Азией и миром Эгейского моря и, в первую очередь, с Троей». Троя, по мнению З. Гамсахурдия, являлась в культурном и языковом плане часть

«колхского», т.е. прокартвельского мира. Мифический Ахиллес в национальной версии грузинской истории, написанной с позиций картвельского родства, фигурирует как «пелазгиец по происхождению, т.е. представитель картвельских племен». Кроме этого Звиад Гамсахурдия настаивал на значительном влиянии со стороны картвельской культуры на древних греков. Гамсахурдия полагал, что пелазги по своему происхождению были карвтелами. В связи с этим древнегреческая культура, которая, по мнению З. Гамсахурдия, развивалась под мощным пелазгийским влиянием, была отражением древнекартвельской мифологии. С другой стороны, З. Гамсахурдия указывал на родство грузин с древними европейцами, полагая, что картвельские языки в древности были распространены на обширной территории Европы, в том числе – и в регионах, которые прилегают к современной Грузии: «большая часть населения Малой Азии принадлежала к этой породе, а месхи, или мосхи, кападокийцы, колхи, таосцы и другие являются представителями этого племени... это разветвления одного и того же типа, который в науке называется картвельским или протоиберийским»<sup>79</sup>.

Подводя итоги настоящей статьи во внимание следует принимать ряд аспектов. Картвельская идея имеет два измерения. Первое связано с картвелистикой и отличается академическим характером, проявляясь в изучении как грузинского, так и родственных (мегрельский, лазский, сванский) и гипотетически (баскский) родственных языков. Второе измерение политическое. Картвельская идея активно использовалась грузинскими национально ориентированными интеллектуалами в Грузинской ССР. Исторические aspirations и спекуляции, связанные с поиском великих предков, приписыванием картвельской идентичности древним этническим группам, чье происхождение спорно и дискуссионно, имели принципиальное значение для развития и функционирования грузинского исторического мифа в советский период. Грузинский миф как форма национальной идеологии в авторитарном обществе базировался на идее исключительной древности грузинской нации, приверженности большинства интеллектуалов к примордиалистскими версиям написания истории и склонности к поиску предков грузин или древних картвельских племен (в зависимости от степени радикальности или научной добросовестности того или иного автора) за пределами Грузии, как в сопредельных регионах Малой Азии, так и в Европе в целом.

Поиски, точнее – конструирование идеальных образов великих предков, на столь значительном географическом пространстве были

неслучайны. Интеграция доиндоевропейского населения в картвельский исторический и языковой контекст имела важные результаты. В рамках подобного восприятия истории грузины благодаря своим далеким предкам становятся не только одним из наиболее древних народов и первыми (или древними) европейцами, но и группой, которая не только исторически предшествует европейской цивилизации, но и внесла весомый вклад в ее генезис. Подобное восприятие истории позволяет интегрировать грузин в европейский исторический контекст, создавая и условия для интерпретации европейского исторического наследия части картвельской культурной, исторической и языковой традиции.

Значительная часть теорий, о которых речь шла выше, представляет собой продукт развития грузинского националистического воображения. С другой стороны, существует ряд академических теорий, в центре которых попытки реконструкции доиндоевропейской Европы. Националистическое воображение и академическая наука в результате синтеза могут приводить к неоднозначным результатам. Националистические и этноцентричные интерпретации истории способствуют укреплению идентичности, а сочетание академических и этноцентричных версий истории будет способствовать возникновению онолонаучного интеллектуального дискурса, результаты развития которого могут в одинаковой степени использоваться как для научных исследований, так и для возможных националистических мобилизаций.

---

<sup>1</sup> О картвельских языках в теоретическом плане см.: Schmidt Климов Г.А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте / Г.А. Климов. – М., 1962; Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков / Г.А. Климов. – М., 1964; Цагарели А.А. Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков / А.А. Цагарели. – Тбилиси, 1957; Bopp Fr. Die kaukasischen Glieder des indoeuropä ischen Sprachstamms / Fr. Bopp. – Berlin, 1847; Deeters G. Das kharthwelische Verbum / G. Deeters. – Leipzig, 1930; Schmidt К.-Н. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache / К.-Н. Schmidt. – Wiesbaden, 1962.

<sup>2</sup> История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 3.

<sup>3</sup> Месхиа Ш. История Грузии / Ш. Месхиа. – Тбилиси, 1968. – С. 3. См. также: Грузия. Краткий исторический очерк / Н.Ю. Ломоури, М.Д. Лордкипанидзе и др. – Тбилиси, 1966. – С. 5 – 6.

<sup>4</sup> Ломоури Н.Ю. История грузинского народа с древнейших времен до конца рабовладельческой формации / Н.Ю. Ломоури // Страницы истории Грузии / ред. Г. Пайчадзе. – Тбилиси, 1965. – С. 5.

<sup>5</sup> История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 6 – 8.

<sup>6</sup> Там же. – С. 13.

<sup>7</sup> Киквидзе Я.А. Земледелие и земледельческий культ в Древней Грузии (по археологическим данным) / Я.А. Киквидзе / пер. с грузинского Н.А. Мшвидобадзе. – Тбилиси, 1988. Ориги-

нальное грузинское издание вышло в 1976 году. См.: კიკვიძე ი. მიწათმოქმედება და სამიწათმოქმედო პულტი ძველ საქართველოში / ი. კიკვიძე. – თბილისი, 1976.

<sup>8</sup> См. подробнее: Чубинишвили Т. К древней истории Южного Кавказа. Древняя культура Южной Грузии (V – III тыс. до н.э.) и проблема становления «Куро-Араксской» культуры на Южном Кавказе / Т. Чубинишвили. – Тбилиси, 1971.

<sup>9</sup> Месхиа Ш. История Грузии. – С. 3.

<sup>10</sup> О Европе до ее заселения индоевропейцами см.: Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини / М. Гимбутас. – М. 2005; Gimbutas M. The Goddesses and Gods of Old Europe: 6500-3500 B.C. / M. Gimbutas. – Berkeley, 1982.

<sup>11</sup> О термине подробнее см.: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 222.

<sup>12</sup> История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 16.

<sup>13</sup> Месхиа Ш. История Грузии. – С. 3.

<sup>14</sup> Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 18.

<sup>15</sup> Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 18.

<sup>16</sup> Американские исследователи Л. Хэйн и М. Сэкден полагают, что «национальные нарративы, как и сами учебники, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые требуют постоянной ревизии и реинтерпретации» (Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3). Развитие грузинской историографии в СССР демонстрирует, вероятно, доминирование обратного – исторического консерватизма и преемственности раннее выработанным, национально ориентированным и этноцентристским, пониманиям и интерпретациям истории.

<sup>17</sup> О концепте «земля» в рамках националистического дискурса см.: Penrose J. Nations, States and Homelands: territory and territoriality in nationalist thought / J. Penrose // NN. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 277 – 297.

<sup>18</sup> История Грузии. Учебник для VIII – X классов. – С. 16.

<sup>19</sup> Археология в Грузинской ССР была одной из сфер доминирования национализма. См.: Лордкипанидзе О. Археология в Грузинской ССР / О. Лордкипанидзе. – Тбилиси, 1982.

<sup>20</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины / Ш. Дзидзигури. – Тбилиси, 1979. – С. 21.

<sup>21</sup> Там же. – С. 21. Комментируя подобные тенденции в интерпретации прошлого В.А. Шнирельман, полагает неверным отождествлять мушков и мосхов: «на самом деле мушки были народом родственным фригийцам... мосхи были носителями протогрузинского языка, но никакого отношения к мушкам не имели». См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 327.

<sup>22</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 7.

<sup>23</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>24</sup> Меликишвили Г. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья / Г. Меликишвили. – Тбилиси, 1954. – Т. 1. Наири-Урагу. – С. 71 – 72..

<sup>25</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Месхиа Ш. История Грузии. – С. 4, 5.

<sup>28</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>29</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Меликишвили Г. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. – С. 77.

<sup>32</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>33</sup> Меликишвили Г. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. – С. 5.

<sup>34</sup> სარი [sari] – ночь

<sup>35</sup> უბანი [ubani] – страна

<sup>36</sup> ცხოველი [cxoveli] – живой

<sup>37</sup> ქურძენი [kurdzeni] – виноград

<sup>38</sup> ქოგლი [kogli] – все

<sup>39</sup> ქური [kuri] – пята

<sup>40</sup> ცოლი [coli] – жена

<sup>41</sup> ცელი [celi] – год

<sup>42</sup> Меликишвили Г. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. – С. 104.

<sup>43</sup> Меликишвили Г. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР в июне 1951 года / Г. Меликишвили. – (<http://www.amsi.ge/istoria/div/meliqiSvili.html>)

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> См. подробнее раздел «“Похождения” древних грузин в Малой Азии» в исследовании В.А. Шнирельмана 2003 года. См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 293 – 318. Вероятно, в классическом виде модель написания истории Грузии, которая включает в себя объявление предками грузин племен картвельского неиндоевропейского происхождения, представлена в работах И. Джавахишвили, а так же в учебной литературе для грузинских школ и университетов в ГССР. См.: Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа / И. Джавахишвили. – Тбилиси, 1950. – Кн. 1 (Интеллектуально-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока); История Грузии / Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. – Тбилиси, 1950. – Т. 1 (С древнейших времен до начала XIX века). Критику подобного этноориентированного подхода см.: Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории / И.М. Дьяконов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / ред. М.С. Азимов. – М., 1981. – С. 90 – 100; Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки / И.М. Дьяконов, С.А. Старостин // Древний Восток: этнокультурные связи / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзинба. – М., 1988.

<sup>46</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 122.

<sup>47</sup> Там же. – С. 15.

<sup>48</sup> Там же. – С. 45.

<sup>49</sup> Там же. – С. 23.

<sup>50</sup> Там же. – С. 28.

<sup>51</sup> ეგრისი [Egrisi]

<sup>52</sup> მესხეთი [Mesxeti]

<sup>53</sup> ქართლი [Kartli]

<sup>54</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 13.

<sup>55</sup> Там же. – С. 10.

<sup>56</sup> Там же. – С. 7.

<sup>57</sup> Там же. – С. 8, 9.

<sup>58</sup> Там же. – С. 44.

<sup>59</sup> Там же. – С. 23 – 24.

<sup>60</sup> О басках и баскологии в теоретическом плане см.: Zytsar Y. Lehengo eta gaur eguingo Euskaltzaletasuna Georgian era Errusian / Y.Zytsar // Gernika. – 2008. – No 3. – (<http://www.gernika.ru/euskara/6-euskara/41-lehengo-eta-gaur-egungo-euskaltzaletasuna-georgian-eta-errusian-lehenengo-zatia->); Gernika. – 2008. – No 4. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/48->

---

lehengo-eta-gaur-egungo-euskaltzaleatasuna-georgian-eta-errusian-bigarren-zatia-); Lytov Dm. Euskaldunen eta Euskarareb jatorria: egungo begirada problemaren egoeraz / Dm. Lytov // Gernika. – 2009. – No 7. – (<http://www.gernika.ru/euskal-herria/7-euskal-herria/164-euskaldunen-eta-euskararen-jatorria-egungo-begirada-problemaren-egoeraz->)

<sup>61</sup> О баском языке в контексте теории иберийско-кавказского языкового родства см.: Зыцарь Ю.В. О родстве баскского языка с кавказскими / Ю.В. Зыцарь // Вопросы языкознания. – 1955. – № 5. – С. 52 – 64; Зыцарь Ю.В. Проблема языка басков в свете ее истории / Ю.В. Зыцарь // Ученые записки Орловского государственного педагогического института. – Т. XIII. Кафедра русского языка. – Вып. V. – Орел, 1958. – С. 3 – 55; Зыцарь Ю.В. Пиренейские этимологии / Ю.В. Зыцарь // Структурно-семантические исследования на материале западных языков. Межвузовский тематический сборник кафедр иностранных языков. – Куйбышев, 1974. – С. 305 – 323; Зыцарь Ю.В. Кавказско-древневосточные связи баскского *ola* «хижина», *alaba* «дочь» / Ю.В. Зыцарь // Кавказско-ближневосточный сборник. VI. – Тбилиси, 1980. – С. 165 – 178; Зыцарь Ю.В. О названиях раба, слуги и т. п. в картвельских и баском языках / Ю.В. Зыцарь // Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия языка и литературы. – 1980. – № 2. – С. 131 – 137; Зыцарь Ю.В. О баском глаголе «быть» / Ю.В. Зыцарь // Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия языка и литературы. – 1984. – № 1. – С. 127 – 150.

<sup>62</sup> О связях грузинского и баскского языков см.: *Erreflexioa euskaraz eta hizkuntza kartveliarretan* // Gernika. – 2010. – № 2. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/250-erreflexioa-euskaraz-eta-hizkuntza-kartveliarretan>); Arkhipov A. Euskararen lotura genetikoak eta Dene-Kaukasiar hipotesia / A. Arkhipov // Gernika. – 2008. – No 6. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/63-euskararen-lotura-genetikoak-eta-dene-kaukasiar-hipotesia->)

<sup>63</sup> Об изучении басков и баскского языка в Грузии см.: Makharoblidze T. Gaur egungo baskologia Kartveliarren emaitzak eta perspektibak / T. Makharoblidze // Gernika. – 2008. – No 2. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/26-gaur-egungo-baskologia-kartveliarren-emaitzak-eta-perspektibak-r>)

<sup>64</sup> О проблемах Древней Европы, об истории региона до прихода носителей индоевропейских языков см.: Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини / М. Гимбутас. – М., 2005; Gimbutas M. Old Europe c. 7000-3500 B.C.: the earliest European civilization before the infiltration of the Indo-European peoples / M. Gimbutas // The Journal of Indo-European Studies. – 1973. – Vol. 1. – No 1 – 2. – P. 1 – 20. См. также: The Lost World of Old Europe: The Danube Valley, 5000-3500 BC. / eds. A. David, J.Y. Chi. – NY., 2009; Ancient Europe 8000 BC – 1000 AD: An Encyclopedia of the Barbarian World / eds. P.I. Bogucki, P.J. Crabtree. – NY., 2004.

<sup>65</sup> О современном состоянии баскологии см.: Лытов Дм. Происхождение басков и баскского языка: современное состояние проблемы / Дм. Лытов // Gernika. – 2009. – № 7. – (<http://www.gernika.ru/euskal-herria/7-euskal-herria/164-euskaldunen-eta-euskararen-jatorria-egungo-begirada-problemaren-egoeraz->)

<sup>66</sup> Arejita A. Euskal hizkuntzaren jatorriaren enigma / A. Arejita // Gernika. – 2008. – No 2. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/28-euskal-hizkuntzaren-jatorriaren-enigma->)

<sup>67</sup> Подробнее о Древней Европе см.: Vammesberger A., Vennemann Th. Languages in prehistoric Europe / A. Vammesberger, Th. Vennemann. – Heidelberg, 2003; Vennemann Th. Europa Vasconica – Europa Semitica / Th. Vennemann. – Berlin 2003; Vennemann Th. Zur Frage der vorindogermanischen Substrate in Mittel- und Westeuropa / Th. Vennemann // Europa Vasconica / eds. P. Noel, A. Hanna. – Berlin, 2003. – P. 517 – 590; Vennemann Th. Basken, Semiten, Indogermanen. Urheimatfragen in linguistischer und anthropologischer Sicht / Th. Vennemann // Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 22.-28. September 1996 / ed. W. Meid. – Innsbruck, 1998. – P. 119 – 138; Steinbauer D.H. Vaskonisch – Ursprache Europas? / D.H. Steinbauer // Gene, Sprachen und ihre Evolution / ed. G. Hauska. – Regensburg, 2005.

<sup>68</sup> О языковой ситуации в Европе до прихода индоевропейцев см.: Ancient Languages of Asia Minor / ed. R.D. Woodard. – Cambridge, 2008; Languages in Prehistoric Europe / eds. A. Vammesberger, Th. Vennemann. – Heidelberg, 2003; Gimbutas M. The Language of the Goddess / M. Gimbutas. – NY., 1989; When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans / eds. J. Greppin, T.L. Markey. – Ann Arbor, 1990; Lehmann W.P. Pre-Indo-European / W.P.

---

Lehmann. – Washington, 2002; Mailhammer R. Diversity vs. Uniformity. Europe before the Arrival of Indo-European Languages / R. Mailhammer. – ([http://www.lrz.de/~mailhammer/htdocs/pdf/SWE\\_paper-MTP\\_draft.pdf](http://www.lrz.de/~mailhammer/htdocs/pdf/SWE_paper-MTP_draft.pdf)); Vennemann Th. Linguistic reconstruction in the context of European prehistory / Th. Vennemann // Transactions of the Philological Society. – 1994. – Vol. 92. – No 2. – P. 215 – 284; Woodard R.D. Ancient Languages of Europe / R.D. Woodard. – Cambridge, 2008.

<sup>69</sup> О современном состоянии дискуссий относительно баскского языка, в частности – его происхождения и связей с другими языками, см.: Arejita A. Euskal hizkuntzaren jatorriaren enigma / A. Arejita // Gernika. – 2008. – No 2. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/28-euskal-hizkuntzaren-jatorriaren-enigma->); Arkhipov A., Nuzhdin G. Euskararen historia / A. Arkhipov, G. Nuzhdin // Gernika. – 2008. – No 1. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/3-euskara>)

<sup>70</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 84.

<sup>71</sup> Об изучении басков и баскского языка в Грузии см. подробнее: ძიდიგური შ. ბასკების კავკასიური პრობლემა / შ. ძიდიგური. – თბილისი, 1981; გაბუნია ს. ბასკურ ქართულ ეთნოგრაფიული პარალელები / ს. გაბუნია. – თბილისი, 1995; სტურუა ნ., გაბუნია ს. ანთოლოგია ბასკური პოეზია / ნ. სტურუა, ს. გაბუნია. – თბილისი, 1991; ტაბალა ი, გვახარია ვ. ბასკურ ლექსები და სიმღერები / ი, ტაბალა, ვ. გვახარია. – თბილისი, 1982

<sup>72</sup> Подробнее о картвельских языках см.: Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание / Г.А. Климов. – М., 1986; Климов Г.А. Кавказские языки / Г.А. Климов. – М., 1965; Nostratic, Dene-Caucasian, Austric and Amerind: materials from the first international interdisciplinary symposium on language and prehistory, Ann Arbor, 8-12 November, 1988 / ed. V.V. Shevoroshkin. – Bochum, 1992; The indigenous languages of the Caucasus / ed. A.C. Harris. – Delmar, 1991. – Vol. 1. The Kartvelian languages.

<sup>73</sup> О месте баскского языка среди других языков см.: Bengston J.D. On the Genetic Classification of Basque / J.D. Bengston // Mother Tongue. – 1994. – No 22. – P. 31 – 36; Bengston J.D. Is Basque Isolated? / J.D. Bengston // Dhumbadji. – 1995. – Vol. 2. – No 2. – P. 33 – 44; Bengston J.D. Basque: An orphan forever? / J.D. Bengston // Mother Tongue. – 1995. – No 1. – P. 84 – 103.

<sup>74</sup> Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 111.

<sup>75</sup> Мapp Н.Я. Баскско-кавказские лексические параллели / Н.Я. Мapp. – Тбилиси, 1987.

<sup>76</sup> Зыцарь Ю. Из прошлого и гасоящего баскологии в Грузии и России / Ю. Зыцарь // Гernika. – 2008. – № 3. – (<http://gernika.ru/euskara/6-euskara/41-lehengo-eta-gaur-egungo-euskaltzaltasuna-georgian-eta-errussian-lehenengo-zatia->)

<sup>77</sup> Цит. по: Дзидзигури Ш. Баски и грузины. – С. 101.

<sup>78</sup> Гамсахурдия З. Духовная миссия Грузии / З. Гамсахурдия. – (<http://forumkavkaz.com/index.php?topic=47.0>)

<sup>79</sup> Гамсахурдия З. Духовная миссия Грузии / З. Гамсахурдия. – (<http://forumkavkaz.com/index.php?topic=47.0>)

## ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА «УКРАИНЦЕВ» В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Автор анализирует различные теории этногенеза украинцев. В Украине после восстановления политической независимости в начале 1990-х годов начала доминировать этноцентричная версия этногенеза украинской нации. Некоторые украинские историки приписывают украинскую идентичность древним славянским племенам. Радикальные сторонники национальной парадигмы пребывают в поиске украинской идентичности археологической культуры Триполье. Киевская Русь так же воображается как неотъемлемая часть генезиса украинцев.*

*Автор аналізує різні теорії етногенезу українців. В Україні після відновлення політичної незалежності на початку 1990-х років почала доминувати етноцентрична версія етногенезу української нації. Деякі українські історики приписують українську ідентичність стародавнім слов'янським племенам. Радикальні прихильники національної парадигми перебувають в пошуку української ідентичності археологічної культури Триполье. Київська Русь уявляється як невід'ємна частина генезису українців.*

*The author analyses different theories of Ukrainians ethnogenesis. The ethnocentric version of Ukrainian nation ethnogenesis began to prevail in Ukraine after renewal of political independence at the early 1990s. The some Ukrainian historians prescribe the Ukrainian identity to the ancient tribes of the Slavs. The radical supporters of national paradigm are in the searching of the Ukrainian identity in archaeological culture of Tripol'e. Kievan Rus' is also imagined as inalienable part of genesis of Ukrainians.*

**Ключевые слова:** Украина, украинцы, историческое воображение, национализм, этногенез

**Ключові слова:** Україна, українці, історична уява, націоналізм, етногенез

**Keywords:** Ukraine, Ukrainians, historical imagination, nationalism, ethnogenesis

После обретения независимости Украины в 1991 году начался процесс становления украинской нации. Важнейшей составляющей этого процесса стала разработка концепции национальной истории Украины, создание которой должно помочь сформировать украинскую идентичность. Важность этой цели была осознана сразу после обретения независимости, так как народ, не имеющий собственной идентичности и исторической памяти, не может быть полноценным субъектом исторического процесса. Недаром, став президентом, Леонид Кучма заявил, что главной задачей молодого государства является конструирование украинской идентичности: «Мы создали Украину, а теперь нам предстоит создать украинцев». На протяжении двух десятилетий, после обретения независимости украинские историки и идеологи украинства проделали значительный объем работы по созданию концепции национальной истории Украины и, хотя работа эта

еще далеко не завершена, уже сейчас можно отчетливо разглядеть контуры будущего здания украинской национальной истории. Одним из главных вопросов, который вызывает споры среди современных украинских историков, является проблема происхождения украинцев.

Национальная история любого народа начинается с рождения ее субъекта. Однако даже спустя два десятилетия после обретения независимости в общественном сознании украинцев нет общепризнанной концепции украиногенеза. Истоки украинского народа по-прежнему теряются в тумане нелепых фантазий и исторических спекуляций типа Священной трипольской Аратты «народного академика» Ю.Шилова. Несмотря на полное неприятие профессиональными украинскими историками этой квазинаучной версии, данная концепция этногенеза украинцев имеет достаточно широкий круг сторонников среди украинцев. Как известно, культура Триполья сформировалась 7,5 тыс. лет назад на территории Румынии, откуда ее носители продвинулись на Правобережную Украину. Следовательно, сторонникам трипольского происхождения украинцев придется признать, во-первых, что все они родом из Румынии и не являются автохтонами в Украине, а во-вторых, что украинцы самый древний народ в мире и им – 7500 лет! К тому же возникает вопрос, почему собственно трипольцы были украинцами, а не древними румынами? Ведь культура Кукутени, восточной ветвью которой было Триполье, продолжила свое развитие на территории Румынии параллельно с последним. Появление подобных версий этногенеза украинцев можно объяснить лишь тем, что после продолжительного пребывания в статусе «младшего брата» некоторым украинцам очень хочется представить себя в качестве древнейшего из народов мира. Замешанная на комплексе национальной неполноценности трипольская версия украиногенеза - это типичный пример псевдонаучного мифотворчества. Польза от нее современной Украине сомнительна, а вот вред совершенно очевиден, так как данная версия происхождения украинцев дискредитирует украинскую историческую науку.

Однако несмотря на появление огромного количества различных псевдоисторических теорий, в последние годы большинство украинских историков объявили себя сторонниками т.н. «раннесредневековой концепции происхождения украинцев». Эта теория основывается на работах дореволюционных украинских историков таких как М.Максимович, Н.Костомаров, В.Антонович, М.Драгоманов, М.Дашкевич. В начале XX в. раннесредневековая версия украиногенеза была окончательно сформулирована М.Грушевским. Он считал, что «Київська держава, право, культура були утвором однієї

народності, українсько-руської; Володимиро-московська - другої, великоруської... Київський період перейшов не у володимиро-московський, а в галицько-волинський XIII вік... Володимиро-московська держава не була ані спадкоємницею, ані наступницею Київської, вона виростає на своєму корені... Общеруської історії не може бути, як немає общеруської народності»<sup>1</sup>. А поскільки «Київська держава була утвором однієї народності, українсько-руської»<sup>2</sup>, то последняя, очевидно, возникла раньше Киевской Руси, и по М.Грушевскому происходит от антов IV – VI веков<sup>3</sup>.

После восстановления Украиной независимости в 1991 году появляется множество работ, посвященных этногенезу украинцев. Этой проблематике посвящены труды современных исследователей Я. Дашкевича, М. Брайчевского, Я. Исаевича, Г. Пивторака, В. Барана, С. Сегеды, В. Балущко и других. Позиция этих ученых базируется на разветвленной системе научных фактов и аргументов, созданных несколькими поколениями украинских исследователей на протяжении последних 150 лет. По мнению украинских историков, концепция «раннесредневекового происхождения украинцев» соответствует универсальным для европейских народов принципам этнообразования. В общих чертах данную концепцию можно представить следующим образом: Подавляющее большинство европейских народов, проживавших в зоне культурно-исторического влияния Римской империи, родились в Раннем Средневековье в V – VII веках (французы, немцы, англичане, испанцы, чехи, сербы, хорваты, поляки, украинцы и др.). Сначала все они прошли племенную фазу развития, начавшуюся на заре средневековья и закончившуюся в IX – X веках консолидацией родственных племен и этнографических групп в собственных государствах (Английском, Французском, Чешском, Сербском, Польском, Древнеукраинском и др.), нередко распространявшихся на этнические территории соседних народов, приобретая формы средневековых империй (Английская, Испанская, Французская, Польская, Киевская Русь).

В отсталых провинциях империй в процессе их колонизации метрополией зарождались молодые постимперские этносы. Они возникали вследствие синтеза местных традиций с языково-культурным комплексом имперского народа-завоевателя и начинали собственное историческое существование с момента обособления подчиненных провинций от империи. Так, на варварской периферии Римской империи родились романские народы (испанцы, португальцы, французы, румыны и др.). Испанская империя породила испаноязычных мексиканцев, чилийцев, аргентинцев, перуанцев, венесуэльцев, кубинцев

и т.д.; Английская – англоязычных американцев, канадцев, австралийцев; Португальская – бразильцев; Французская – квебекцев.

Согласно воззрениям украинских исследователей, современное состояние этнологических источников позволяет согласовать этногенез украинцев с указанными универсальными законами этнического развития средневековой Европы. Пертурбации, вызванные падением Римской империи, завершились относительной стабилизацией Европы в начале средневековья. Поэтому непрерывность развития европейских этносов в зоне бывшего культурно-исторического влияния Рима прослеживается именно с V-VII вв., когда и зародились упомянутые этносы Европы.

В Восточной Европе влияние греко-римской цивилизации распространялось через античные колонии Северного Причерноморья главным образом в пределах Украины. Поэтому этноисторическое развитие территории Украины опережало более отдаленные от античных центров регионы лесной полосы Восточной Европы и приближалось к темпам исторического развития стран Западной и Центральной Европы, развивавшихся под мощным влиянием греко-римской цивилизации.

Поэтому не случайно непрерывность этнокультурного развития на украинских этнических землях между Карпатами, Припятью и Киевским Поднепровьем, как и на землях других крупных европейских этносов, находившихся в зоне влияния Рима, прослеживается с конца V в. Данные археологии, языковедения, антропологии, письменные источники, по мнению сторонников данной теории, убедительно свидетельствуют о преемственности, непрерывности развития в Северо-Западной Украине единого этнического организма, от дулебов, склавинов, антов и до современных украинцев. Археологическими соответствиями упомянутых племен являются пражская и пеньковская культуры V-VII вв., трансформировавшиеся в «праукраинские» летописные племена волынян, древлян, полян, белых хорватов, уличей, тиверцев Северо-Западной Украины (лука-райковецкая культура VIII-IX вв.). Последняя была непосредственной генетической основой Южной Руси. Ее население состояло из семи родственных «праукраинских» летописных племен, стремительно интегрировавшихся в относительно единый «руський» народ. Именно этот средневековый этнос создал государство Русь, которое быстро трансформировалось в раннесредневековую империю, в X-XIII вв. осуществлявшую мощную экспансию на безграничные лесные пространства севера Восточной Европы. Вследствие колонизации «праукраинским» Киевом балтских и финских племен лесной полосы Восточной Евро-

пы возникли молодые балто-русьские (белорусы, псково-новгородцы) и финно-балто-русьские (русские) этносы.

Следовательно, по мнению украинских историков, как Древний Рим романизировал свою варварскую периферию, так княжеский «праукраинский» Киев русифицировал (от Русь, а не Россия) лесной север Восточной Европы. В соответствии с универсальными законами этнического развития отсталых провинций, на варварской периферии Римской империи возник спектр происходящих от римлян молодых романских этносов (испанцы, португальцы, французы, румыны). А вследствие колонизационных усилий «праукраинского» княжеского Киева на далекой северной периферии империи сформировались молодые этносы белорусов, псково-новгородцев, русских. Как романская группа народов возникла вследствие синтеза языка и культуры римлян и этнокультур колонизированных народов, так белорусы, псково-новгородцы и русские – продукт синтеза «праукраинцев» Южной Руси и колонизированных ими балтов и финнов лесной полосы Восточной Европы.

Исходя из данной теории украинскими исследователями делается вывод, что как собственная этническая история романских народов началась после распада Римского государства, так и молодые русские этносы выходят на историческую арену в процессе распада Киевской Руси. С позиций этой концепции украинской истории, так называемая эпоха феодальной раздробленности (XII – начало XIII века) фактически является периодом борьбы молодых белорусского, псково-новгородского, русского субэтносов за политическую независимость от «праукраинского» имперского Киева. «В неудержимом стремлении к самостоятельности молодые «русьские» этносы образовывали антикиевские военные коалиции в 1169 и 1203 гг., даже брали штурмом и разрушали столицу империи. В конце концов они освободились от опеки имперской метрополии, и Киевская Русь как государство фактически распалась еще до прихода татар»<sup>4</sup>.

«Украинский этнос лишился созданной им империи, но продолжил свое существование в безгосударственном состоянии на своих этнических территориях. В XVII веке он делает новую попытку создания собственного государства под предводительством Богдана Хмельницкого. Третья и четвертая попытки государственного строительства украинцами приходятся на 1917 – 1920 годы и современность»<sup>5</sup>.

По мнению украинских историков, преемственность исторического развития на этнических землях украинцев в Северо-Западной Украине прослеживается с раннего средневековья, то есть в течение

1500 лет. «Следовательно, украинцы, как и французы, англичане, чехи, сербы, поляки, зародились в послеримское время»<sup>6</sup>. Большинство народов Западной и Центральной Европы создают свои государства в IX-X вв., когда на украинских землях возникает и государство Русь. Поэтому непризнание Киевской Руси государством украинцев на древнерусском этапе их исторического развития противоречит универсальным законам этнического развития средневековой Европы. Ведь аналогичные ему государства, возникшие тогда же на землях французов, немцев, англичан, чехов, поляков, сербов, хорватов, мировая наука неопровержимо признает первыми государствами соответствующих этносов.

«Этногенез белорусов, псковско-новгородцев и русских также согласуется с универсальными законами этнообразования. Как латиняне в процессе колонизации периферии своей империи породили романские этносы, испанцы – испаноязычные этносы Южной Америки, англичане – англоязычные этносы Северной Америки и Австралии, так древнеукраинцы Руси (в изначальном понимании – Киевского Поднепровья) в процессе колонизации лесного севера Восточной Европы породили упомянутые молодые русские этносы. Если пользоваться родственной терминологией, то белорусы и русские – не братья, а дети украинцев, так же, как детьми латинян являются французы, испанцы, румыны; англичан – американцы, канадцы, австралийцы; испанцев – мексиканцы, чилийцы, аргентинцы, боливийцы и т.д. Поэтому начинать историю России с основания княжеского Киева, как это делают восточные соседи, так же бессмысленно, как начинать историю США с основания Английского государства или рождение матери считать началом биографии дочери»<sup>7</sup>.

Исходя из этого подхода, украинскими исследователями делается вывод, что смена европейскими народами их этнонимов не противоречит принципу непрерывности их развития. Поляки в средневековых хрониках фигурируют под именем ляхов, румыны – волохов, русские – московитов. Не являются исключением из правила и украинцы. На раннем племенном этапе своей этнической истории V-X вв. они не имели общего этнонима, а каждое «праукраинское» племя или племенное объединение носило собственное имя: дулебы, склавины, анты, волыняне, древляне, белые хорваты, уличи, тиверцы, поляне. Со времени консолидации в едином Киевском государстве «праукраинцы» начали называться руськими, русами, русинами.

«Поскольку государство распространилось на земли соседних этносов, то этноним государственного народа распространился и на подчиненные провинции, что свойственно всем государствам

имперского типа. С позднего средневековья присвоенный более сильным соседом этноним «русский» на землях Украины начал постепенно вытесняться новым – «украинец». Однако еще Богдана Хмельницкого называли «князем русским», а коренных жителей Галичины и их язык поляки называли русскими еще в начале XX в. Русины Карпат - это реликт старого этнонима украинцев, который окончательно был заменен новым лишь в нашем веке»<sup>8</sup>.

Таким образом, по мнению украинских исследователей, «ранне-средневековая концепция украиногенеза» согласуется с разработанной несколькими поколениями европейских ученых универсальной схемой этногенеза крупных европейских этносов.

Подводя итог анализу концепции этногенеза украинцев, разработанной в современной украинской историографии, необходимо отметить, что уровень ее аргументации остается крайне слабым. Выводы украинских историков изобилуют откровенными нелепостями, а зачастую и сознательными искажениями исторической правды и не находят никаких подтверждений в первоисточниках, в древнерусских летописях. Исходя из этого становится понятным, что задачей создания и пропаганды «раннесредневековой концепции украиногенеза» является отнюдь не поиск исторической правды, а стремление создать очередной исторический миф, обосновывающий идею о двух отдельных историях «российской» и «украинской». Несомненно, что искусственное разделение на «прошлое Украины» и «прошлое России» с исторической точки зрения абсолютно бессмысленно, оно не дает увидеть то или иное событие нашей общей истории в его подлинном масштабе. Совершенно очевидно, что положение о двух разных историях продиктовано интересами не науки, а украинского национально-го проекта, который нуждается в отдельной, целиком суверенной и древней истории. Поэтому борьба за умы и души украинского народа будет продолжаться и «раннесредневековая концепция украиногенеза» останется востребованной. А это значит, что ее сторонниками и впредь будут использоваться старые, а возможно и новые мифы.

---

<sup>1</sup> «Киевское государство, право, культура были творением одной народности, украинско-русской; Владимиро-Московское – другой, великорусской... Киевский период перешел не во Владимиро-Московский, а в Галицко-Волынский XIII века... Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросла на своем корне... Общерусской истории не может быть, как нет общерусской народности»

<sup>2</sup> «Киевское государство было образованием одной народности, украинско-русской»

<sup>3</sup> Цит. по: Зализняк Л. Происхождение украинцев: между концепцией «общерусской истории» и трипольской Араттой / Л. Зализняк. – ([http://zn.ua/SOCIETY/proishozhdenie\\_ukraintsev\\_mezhdu\\_kontseptsiey\\_obscherusckoy\\_istorii\\_i\\_tripolskoy\\_arattoy-47060.html](http://zn.ua/SOCIETY/proishozhdenie_ukraintsev_mezhdu_kontseptsiey_obscherusckoy_istorii_i_tripolskoy_arattoy-47060.html))

---

<sup>4</sup> Зализняк Л. Происхождение украинцев по данным современной этнологии / Л. Зализняк – ([http://zn.ua/SOCIETY/proishozhdenie\\_ukraintsev\\_po\\_dannym\\_sovremennoy\\_etnologii-50459.html](http://zn.ua/SOCIETY/proishozhdenie_ukraintsev_po_dannym_sovremennoy_etnologii-50459.html))

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

**ПРОБЛЕМЫ ПОСТНАЦИОНАЛИЗМА  
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ  
ИДЕНТИЧНОСТИ:**

**классический конструктивизм и  
его новейшие интерпретации**

*В этой статье автор анализирует основные тенденции и направления развития современных теорий национализма. Автор полагает, что большинство современных концептов и интерпретаций национализма генетически связаны с классическим конструктивизмом Эрнеста Геллнера и теорией «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона. Национализм анализируется в контексте социальных противоречий современного мира и трансформации национализма в постнационализм.*

*У цій статті автор аналізує основні тенденції і напрямки розвитку сучасних теорій націоналізму. Автор вважає, що більшість сучасних концептів і інтерпретацій націоналізму генетично пов'язана з класичним конструктивізмом Ернеста Геллнера і теорією «уявлених спільнот» Бенедикта Андерсона. Націоналізм аналізується в контексті соціальних суперечностей сучасного миру і трансформації націоналізму в постнаціоналізм.*

*The author analyses the main tendencies and directions in development of contemporary theories of nationalism in this article. The author supposes that contemporary concepts and interpretations of nationalism are genetically linked with classic constructivism of Ernest Gellner and theory of «imagined communities» of Benedict Anderson. Nationalism is analyzed in the context of social contradictions of contemporary world and transformation of nationalism in post-nationalism.*

**Ключевые слова:** национализм, нация, идентичность, теории национализма, конструктивизм, модернизм

**Ключові слова:** націоналізм, нація, ідентичність, теорії націоналізму, конструктивізм, модернізм

**Keywords:** nationalism, nation, identity, theories of nationalism, constructivism, modernism

Концепции нации и национализма являются одними из наиболее изучаемых, и вместе с тем, сколь ни парадоксально, одними из наименее изученных в современной науке, если учитывать количество трактовок и мнений, подчас диаметрально противоположных друг другу<sup>1</sup>. В силу большого разнообразия, широты и динамичности данного явления единого определения ему на сегодняшний день не существует. Чтобы проиллюстрировать данную ситуацию, достаточно заметить, что одних только трактовок национализма существует несколько десятков, самые известные из которых принадлежат таким ученым, как Б. Андерсон, Р. Хэндлер, Э. Геллнер, Дж. Бройли, М. Хрох, Э. Ренан,

Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер, О. Бауэр, А. Хэйстингс, М. Биллиг, Р. Байнер, М. Хечтер<sup>2</sup>.

Исследователей национализма можно условно разделить на два лагеря: модернистов, полагающих национализм исключительно продуктом современного общественного развития, и примордиалистов, которые трактуют нацию как величину постоянную, которая всегда существовала в неизменном виде. Эти два основных направления, в свою очередь, имеют целую систему ответвлений. Анализ наиболее значительных школ и направлений националистического дискурса приведен во многих исследованиях, но в данной работе не ставится цель подробно проанализировать все теоретические интерпретации национализма.

По мнению одного из классиков конструктивистского подхода<sup>3</sup>, Э. Геллнера, следует выделять два основных вектора для определения нации:

- Два человека принадлежат к одной и той же нации, только если они являются носителями одной и той же культуры, которая, в свою очередь, является системой идей, символов, ассоциаций, поведенческих и коммуникативных механизмов.
- Два человека принадлежат к одной и той же нации, только если признают принадлежность друг друга к одной и той же нации<sup>4</sup>.

Как утверждает Б. Андерсон, «национализм невозможно рассматривать иначе, чем в сравнительном и глобальном ключе, - и в тоже время очень трудно постичь и политически использовать его, не считаясь с его спецификой»<sup>5</sup>. По его мнению, за то время, которое существует концепция национализма, можно было бы «тщательно и всесторонне» осмыслить данный феномен. Тем не менее, пишет он, «трудно представить себе какое-либо иное политическое явление, которое до сих пор оставалось бы столь загадочным и приводило бы к большому разногласиям среди исследователей»<sup>6</sup>. Те же самые утверждения справедливы и для термина «нация», в особенности, если речь идет о политологическом контексте. Чтобы не углубляться в бескрайние дебри терминологии, приведем здесь наиболее часто употребляемые дефиниции, характерные для западной политической мысли.

Концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона является весьма интересной находкой в контексте данного исследования. Следует вдуматься в его слова: «Сообщество является воображаемым... так как представители даже самой маленькой нации никогда не будут знать в лицо всех остальных представителей этой же нации... но в их умах живет картина единства»<sup>7</sup>. Схожая концепция под названием

«абстрактное сообщество» находит свое отражение в работах П. Джеймса<sup>8</sup>.

Как считает Э. Геллнер, становление государства происходит абсолютно вне зависимости от нации, равно как и нации формируются независимо от государства<sup>9</sup>. Тем не менее, в самом наиболее часто употребляемом смысле термин «нация» сегодня обозначает «государство», или же сообщество людей, которые совместными усилиями стремятся создать некую разновидность государства. Будучи рассмотренная как государство, современная нация является суверенным сообществом и обладает значительным контролем за деятельностью своего правительства. Этот факт признается со стороны его граждан и со стороны других наций мира (к примеру, ассамблеей национальных государств наподобие ООН).

В качестве правового сообщества, нации присущ так называемый «гражданский национализм». Под этим термином понимается, что в состав нации входит каждый, кто одобряет и поддерживает политические принципы или конституцию данной нации, вне зависимости от цвета кожи, вероисповедания, расы и вероисповедания. В данном контексте нация определяется как «гражданская», то есть представляющая собой сообщество «равноправных граждан, патриотически объединенных при помощи определенной системы политических практик и ценностей»<sup>10</sup>. В качестве яркого примера гражданского национализма может служить Великобритания, которая, начиная с середины восемнадцатого века, старается образовать единое национальное государство на основе четырех различных национальностей (ирландцев, шотландцев, валлийцев<sup>11</sup> и англичан). В данном контексте построение национального государства предполагается на базе скорее гражданско-правового, нежели этнического национализма, то есть на основе всеобщей лояльности единому Парламенту, законодательству, верности короне. Насколько Великобритании это удалось, является во многом весьма спорным вопросом. Вопрос о преобладании английского национализма в рамках данного государства еще остается открытым. Менее противоречивыми примерами гражданско-правового национального общества являются американская и французская республики, после революций 1776 и 1789 годов соответственно. Но не следует забывать, что даже в этих обществах долгое время преобладали интересы обеспеченных людей белой расы<sup>12</sup>.

Второе наиболее распространенное понимание нации синонимично территории, которое не обязательно обозначает государство, но так или иначе подразумевает определенное место или часть суши, которая составляет так называемую «национальную территорию». От-

сюда можно проследить и концепцию «государствообразующего национализма» М. Хечтера<sup>13</sup>. Для полноценного существования нация должна географически охватывать всю данную территорию, «которая, как считают националисты, принадлежит им по праву и которая объединяет всех представителей данной нации»<sup>14</sup>. Если говорить об ирландском вопросе, в данном случае географический фактор чаще всего используется как основной аргумент в пользу объединения с островом и отделения от соседнего, британского острова. Тот факт, что остров Ирландии «со всех сторон окружен водой», широко используется в пропаганде сепаратистски настроенных националистов<sup>15</sup>. Проблема в том, что и Ирландская Республика, и Великобритания, считают Северную Ирландию частью своей «национальной территории». Само собой, многие нации существовали на протяжении веков и продолжают существовать без закрепления за собой какой-то определенной территории — как, например, евреи, курды и палестинцы. Но невозможно представить себе нацию без территориальной самоидентификации, которая, в свою очередь, позволяет говорить о независимости — одном из ключевых факторов формирования нации, согласно утверждению Дж. Бройли<sup>16</sup>.

Третье наиболее популярное определение нации — это этническая группа. Здесь самоидентификация индивидуумов происходит скорее по родовому, нежели по правовому принципу. В данном контексте нация определяется как этническое сообщество людей, стремящееся создать некое государственное образование, соответствующее уникальной самоидентичности данной этнической группы. К примеру, Германия, в отличие от национальных государств западного образца, где национальная принадлежность определяется сегодня в основном на основе единого гражданства (по рождению, проживанию или подданству), является ярким примером нации, где самоидентификация происходит все еще по этническому признаку<sup>17</sup>. Для такой нации идентичность является наследственным признаком, а не результатом выбора индивидуума, где общество держится на исторических корнях, а не с помощью правовых норм. Как считает Р. Кирни, «...независимо от истинной природы государства-общества, национальное государство представляет собой сообщество индивидуумов, которые живут, чтобы поддерживать и укреплять свое государство. В конечном счете, это и называется нацией»<sup>18</sup>. В данном случае, национальное сообщество<sup>19</sup> определяет мировоззрение, характер и быт отдельных индивидуумов, а не наоборот, то есть коллективное имеет преимущество перед индивидуальным<sup>20</sup>. Таким образом, тезис эпохи Просвещения о том, что якобы государство создало нацию, в данном контексте явля-

ется несостоятельным. Подобная модель этнического национализма для новых наций девятнадцатого столетия стала основополагающей. Фундаментом для объединения нации, для сплочения всех ее граждан стало не отвлеченное собрание законодательных актов, но основополагающие характеристики, присущие народу: язык, религия, традиции, обычаи и т.д. Поэтому можно с уверенностью сказать, что долгий и трудный путь нации как «das Volk» зародился в европейской политической мысли. Все народы Европы в девятнадцатом столетии находились так или иначе под диктатом империй: поляки и прибалтийцы – под российской короной, сербы – под гнетом турок, хорваты – под Габсбургами. И все они стремились воссоздать у себя немецкий идеал этнического национализма, тем самым подчеркивая свое право на самоопределение»<sup>21</sup>. Когда в 1871 году Германия объединилась под предводительством Отто фон Бисмарка и получила статус мировой державы, она тем самым сыграла значительную роль в качестве примера для «угнетенных наций» не только в имперской Европе, но и за ее пределами<sup>22</sup>.

Однако, в жестких условиях динамики современного быстро меняющегося мира, сама концепция национализма, даже не будучи еще до конца осмысленной и выраженной в стройной системе единогласно принятых дефиниций, уже подвергается серьезной критике как потенциально нерелевантная. Атака на концепцию национального самоопределения началась с исследования Я. Сойзал «Границы самоопределения», вышедшей в свет в 1994 году<sup>23</sup>. В данной работе автор приводит аргументы в пользу своей точки зрения о том, что национальное самоопределение постепенно вытесняется и отодвигается на второй план концепциями локальной и региональной принадлежности. Гражданскими правами в большей степени обладают лишь постоянные резиденты. Эти права, в свою очередь, не являются легитимизированными со стороны государства, хотя оно и является их гарантом; в новой обстановке легитимизация прав гражданина происходит в контексте практического дискурса, который, в свою очередь, представляет собой концепцию космополитично-универсальной личности в системе послевоенных соглашений о правах человека. Этот материальный процесс вызвал концептуальную эволюцию, впоследствии пойдя с ней параллельным путем: права перестали отождествляться с гражданством и национальной принадлежностью, идентичность перестала отождествляться с правами. Послевоенные иммигранты в Европу наделялись определенным комплексом прав уже по факту своей иммиграции, но они определяли свою идентичность самостоятельно, вне зави-

симости от этого, на всех уровнях — локальном, региональном, национальном или международном.

Эти исторические изменения имели два результирующих вектора. Первый заключается в разделении концепций идентичности и прав. Стало возможным быть полноправным берлинцем, не будучи при этом немцем (пример турецких иммигрантов в Германии), что способствовало размыванию границ идентичности и созданию нового категориального аппарата<sup>24</sup>. Второй вектор заключается в том, что поскольку самоопределение и национальное государство не оказывают столь существенного влияния на идентичность, они также и не оказывают значительного влияния на права. Как пишет Я. Сойзал, «права личности, пересмотренные и теперь определяемые в качестве прав человека в глобальном понимании, легитимизируемые на транснациональном уровне, подрывают концепцию национального самоопределения путем размывания территориальных границ национальных государств. Те же самые права человека, которые веками находились под охраной государства и гарантировались им же для своих граждан, теперь получили новое значение и перешли на уровень глобальных норм и компонентов наднационального дискурса. Именно на этом уровне универсалистского дискурса некий абстрактный индивидуум вытесняет собой концепцию гражданина... Экспансия и интенсивность личностных концепций являются предпосылками создания расширенного, постнационального «созвездия» концепций идентичности в послевоенную эру»<sup>25</sup>.

О размывании границ национального государства, получившем название детерриториализации, размышляет, в частности, Т. С. Левеллен. По его мнению, транснациональные мигранты (“multinational people”) размывают концепцию национальных государств и способствуют созданию «парадоксальной концепции детерриториального государства, или, говоря более точно, детерриториального пространства»<sup>26</sup>. Данная постмодернистская концепция является довольно сложной и суть ее заключается преимущественно в формировании *социального пространства*, которое находит свое определение скорее в контексте сетевых механизмов системного взаимодействия индивидуумов, чем через концепты политических или географических границ<sup>27</sup>. Теория детерриториализации предшествует дальнейшему процессу денационализации, о котором речь пойдет позднее.

В исследованиях Л. Г. Баш, Н. Г. Шиллер и К. С. Бланк, посвященных концепции детерриториализации, также активно используется термин «транснационализм», под которым понимают построение новых сообществ, выходящих за привычные рамки географических,

культурных и политических границ<sup>28</sup>. Ввиду всего вышесказанного, вывод для национальных государств и концепции национальной самоидентификации представляется следующим. «В мире, где права человека, и идентичность как право, являются производными величинами от глобального личностного дискурса, пределы всего национального в целом и национального самоопределения в частности, в данном случае являются нерелевантными»<sup>29</sup>.

Другой исследователь, С. Сассен<sup>30</sup>, использует похожие аргументы, утверждая, что возросшая важность глобальных экономических сил и процессов обусловила снижение роли национальных государств в системе контроля иммиграции. Но если государство не может контролировать иммиграцию, оно, в конечном итоге, не может контролировать и гражданство как таковое, так как оно является результатом легализации иммигрантов. По версии Сассен, мегаполисы всемирного значения, такие, как Лондон, Нью-Йорк, Токио, Дублин, и т.д., стали столицами высокопрофессиональной сферы услуг<sup>31</sup>. В этой сфере деятельности задействованы квалифицированные профессионалы, чей рабочий график зачастую ненормирован и уровень зарплат превосходит средний по стране. Высокий уровень доходов и соответствующий ему уровень потребностей, в свою очередь, вызывает приток низкоквалифицированной рабочей силы из других стран, которые заполняют нижний уровень пирамиды сферы услуг в системе поляризованной постиндустриальной экономики».

В связи с этим С. Сассен делает следующий вывод: «Глобальный город — это реконфигурация, частично денациональное пространство, которое подразумевает частичный пересмотр концепции гражданства. Результатом является процесс, обратный тому, который имел место быть на протяжении нескольких веков — национальный характер института гражданства сегодня уступает место частичной «денационализации» данного института»<sup>32</sup>. Однако, концепция глобального города не является новой. В 1965 году в свет вышла работа Х. Кокса «Мирской град», в которой автор во многом предвосхитил современное развитие событий, исследовав процессы секуляризации и урбанизации в масштабе быстро набирающей темп глобализации<sup>33</sup>.

Здесь стоит отметить один важный аспект. Рассматриваемые исследования уделяют большое внимание вопросу миграции населения в рамках Европейского Союза и особенно притоку иммигрантов из стран за пределами ЕС. В контексте нашего исследования более интересным представляется теоретический концепт дальнейшего развития Европейского Союза в качестве единой нации (если такое возможно), то есть формирование у подавляющего большинства граждан ЕС чув-

ства идентичности в первую очередь с объединенной Европой, и только уже потом, во вторую или даже третью очередь — чувства этнической принадлежности. В трудах С. Сассена, Л. Босниак и Я. Сойзал такая возможность не исключается.

Из наиболее поздних исследований концепции постнационализма следует также обратить особенное внимание на работу Л. Босниак «Свой и чужой: дилеммы современной принадлежности»<sup>34</sup>, в которой она утверждает, что «следует принимать идею национального гражданства как основную политическую концепцию, которая обычно используется для обозначения различных практик, прецедентов и институтов. Плюс к этому, необходимо понять, что некоторые из этих практик, прецедентов и институтов, связанных с концепцией национального гражданства, в последнее время начали трансформироваться (правда, несогласованно) и переходить в ненациональные или экстранациональные формы»<sup>35</sup>.

В теоретической аргументации постнационализма существует также определенное количество разногласий. Так, по некоторым версиям,<sup>36</sup> значительная волна постнациональной реконфигурации размывает и разделяет концепции гражданства и национального государства как базиса системы прав человека и идентичности. По другим версиям,<sup>37</sup> национальное государство и национальное гражданство все еще остаются значимыми категориями, но дополняются другими формами идентичности, правовых норм и практик самоопределения. С. Сассен, в частности, делает вывод, что концепция гражданства скорее «дестабилизирована», но не «девальвирована»<sup>38</sup>.

Если говорить о концепции европейского гражданства в постнациональном контексте, то для постнационалистов гражданство ЕС представляет собой фундамент для построения прочной теоретической базы. Я. Сойзал пишет: «Европейское гражданство является ярким примером концепции именно постнационального гражданства в наиболее разработанной и законодательно одобренной форме»<sup>39</sup>. Д. Джейкобсон и З. Килич поддерживают данную точку зрения: «С самого момента подписания Амстердамского соглашения Европейский Союз видит гражданство скорее как постнациональную правовую систему, начиная со свободы перемещения внутри Евросоюза и заканчивая защитой прав потребителя, чем гражданство в каком-либо из его «республиканских» трактовок... Таким образом, вполне логичным будет предположить, что европейское гражданство в конечном итоге эволюционирует и приведет к созданию некоего постнационального единства»<sup>40</sup>.

К похожему выводу приходит и Л. Босниак: *«Постнациональность является весомой теоретической концепцией... Она означает радикальную реконструкцию системы европейского гражданства»*<sup>41</sup>. В итоге, С. Сассен утверждает, что «из всех концепций гражданства, выходящих за рамки национального государства, паспорт Европейского Союза является, пожалуй, самой наглядной и официальной»<sup>42</sup>.

Критики постнационализма в корне не согласны с данным утверждением. Они утверждают, что гражданство Европейского Союза, напротив, только укрепляет концепцию национального гражданства. По настоянию стран-членов ЕС, гражданство Евросоюза основывается на национальном принципе и само по себе не создает ни одного дополнительного права. К примеру, по мнению Р. Хансена, самое существенное право, которое ассоциируется с гражданством ЕС – это право на свободное перемещение по территории Евросоюза<sup>43</sup>.

Частично поддерживая данный тезис, С. Сассен также полагает, что большинство современных исследований концепции идентичности имеет жесткую и необходимую привязку к концепции национального государства. Но, как пишет он, трансформационные процессы, происходящие сегодня, изменяют исходные условия, которые в прошлом являлись базисными для проведения четкой параллели между гражданством, идентичностью и национальным государством. Если это утверждение справедливо, тогда необходимо пересмотреть уже существующие концепции идентичности на предмет того, имеют ли они на сегодняшний день те же самые свойства, которые были для них характерны в течение долгого периода времени. *На сегодняшний день является очевидным тот факт, что институт идентичности имеет множество измерений, и лишь некоторые из них могут быть напрямую связаны с национальным государством, что дает нам повод говорить о постнациональной концепции*<sup>44</sup>.

Таким образом, можно проследить процесс развития концепции гражданства. Великая Французская Революция, отделив нацию от религиозности, сделала принципы нации универсальными и сформировала понимание нации, государства и гражданства в том виде, в котором они и просуществовали вплоть до 70 – 80-х годов XX века, после чего начался постепенный выход на постнациональный этап развития данных концепций.

Еще один критический взгляд на проблему представляет Э. Геллнер. По его мнению, императивы коммерческой и индустриальной мобилизации способствовало формированию многочисленного контингента рабочих и служащих, обладающих достаточной квалификацией для проведения необходимых работ, транзакций, обеспечения

функционирования государственного аппарата, и т.д. В результате европейские политические центры, в особенности крупные многонациональные государства, стали оказывать чрезмерное давление на периферийные сообщества, чтобы подчинить их влиянию центра, что привело к интенсивной политизации данных сообществ и становлению стихийного национализма<sup>45</sup>. При этом ситуацию усложняет еще и неравенство экономического развития различных регионов и этнических групп<sup>46</sup>. Данный подход встречает критический отзыв со стороны К. Кидда, который утверждает, что, хотя в целом точка зрения Э. Геллнера справедлива, все же не следует сбрасывать со счетов дисбаланс между развитием националистических тенденций и опережающих их процессов дальнейшего развития, в т.ч. появления новых экономических структур, носящих глобальный характер<sup>47</sup>.

Учитывая все вышесказанное, перед нами стоит еще более сложная задача: постараться понять, насколько же правы сторонники постнационального подхода в том, что мир неуклонно движется к тому периоду развития, когда границы национальных государств, по крайней мере, в Европе, вообще перестанут быть актуальными. Понимание всей важности этого явления, если оно вообще возможно, нельзя недооценивать. Если на этот вопрос можно будет ответить положительно, мы так или иначе придем ко второму, еще более важному вопросу, который ставится во главу угла всего данного исследования, а именно: *может ли снижение уровня актуальности национальных границ косвенно обусловить пропорциональное ему снижение уровня напряженности в конфликтных регионах мира и ослабление сепаратистских тенденций?*

Во-первых, следует сразу сделать одну очень важную оговорку. Полное нивелирование национальных границ действительно является теоретически возможным, но только в том случае, когда соседствующие национальные государства являются близкими друг другу по историко-культурным параметрам, этническому составу,<sup>48</sup> уровню экономического развития и, что самое главное, культурной толерантности и религиозной терпимости по отношению к представителям других вероисповеданий. Для европейского политико-правового поля такой вариант развития событий представляется наиболее возможным, хотя и наименее вероятным в ближайшей перспективе, если учитывать первоначальные результаты референдума по вопросу принятия единой общеевропейской конституции<sup>49</sup>. Тем не менее, сама концепция подобного перехода на постнациональный уровень уже изначально заложена в самой исторической ретроспективе развития Европы

как континента. В этом несложно убедиться, если бросить взгляд в прошлое.

Даже если принимать во внимание всю историю противостояния сверхдержав и масштабных военных конфликтов, которые сотрясали Европу на всем протяжении ее исторического развития, вплоть до середины XX века, очередность смены империй, определявших векторы развития и перекраивавших карту Европы и мира в целом, нельзя отрицать тот факт, что в конечном итоге между европейскими странами в настоящее время осталось не так уж много противоречий, которые могли бы спровоцировать многосторонний вооруженный конфликт или открытое неприятие одного государства другим. Этот факт было довольно сложно проследить, скажем, непосредственно после Второй Мировой войны, но в настоящее время, глядя с высоты современного уровня развития цивилизованного мира, становится более-менее очевидно, что между нациями, составляющими большинство населения и этнического состава европейских национальных государств, гораздо больше общего, чем особенного<sup>50</sup>. На протяжении долгого времени европейцев отличала общность культурного пути, высокая степень синхронности социально-экономического развития, а также значительный уровень взаимововлеченности в общеевропейские процессы и обусловленная этим взаимозависимость по целому ряду важнейших факторов государственного и общественного развития. Уже в этом одном можно рассмотреть первые предпосылки перехода к постнациональной концепции современности, которую мы в настоящее время имеем честь наблюдать, делая в целом небезуспешные попытки изучения данного явления и систематизации полученных знаний с целью применения их в практическом поле.

---

<sup>1</sup> The Nationalism Project. What is Nationalism? – (<http://www.nationalismproject.org/what.htm>)

<sup>2</sup> Например, см. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition / B. Anderson. – L. – NY., 1991; Hobsbawm E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality* / E. J. Hobsbawm. – Cambridge, 1992; Billig M. *Banal Nationalism* / M. Billig. – L., 1995; *Theorizing Nationalism* / ed. R. Beiner. – Albany, 1999; Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* / R. Brubaker. – Cambridge, 1996; Breuilly J. *Nationalism and the State* / R. Breuilly. – Chicago, 1985.

<sup>3</sup> В некоторых источниках используется термин «этносимволизм».

<sup>4</sup> Gellner E. *Nations and Nationalism* / E. Gellner. – Ithaca, 1983. – P. 6 – 7.

<sup>5</sup> *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяллавцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М., 2002. – С. 8

<sup>6</sup> Там же. – С. 7.

<sup>7</sup> Anderson B. *Imagined Communities*. – P. 5 – 7.

<sup>8</sup> James P. *Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community* / P. James. – L., 1996. – P. 46.

<sup>9</sup> Gellner E. *Nations and Nationalism*. – P. 6 – 7.

- 
- <sup>10</sup> Kearney R. *Postnationalist Ireland: Politics, Literature, Philosophy* / R. Kearney. – L., 1997. – P. 3 – 6.
- <sup>11</sup> Более корректное наименование, употребляющееся вместо разговорного слова «уэльсыцы»; созвучно со старорусским «Валлис».
- <sup>12</sup> Kearney R. *Postnationalist Ireland: Politics, Literature, Philosophy*. – P. 3.
- <sup>13</sup> Hechter M. *Containing Nationalism* / M. Hechter. – Oxford, 2000. – P. 15 – 17.
- <sup>14</sup> Kearney R. *Op. cit.* – P. 3.
- <sup>15</sup> *Ibid.* – P. 3.
- <sup>16</sup> Breuilly, J. *Nationalism and the State* / R. Breuilly. – Chicago, 1994. – P. 3.
- <sup>17</sup> Taberner S. *Recasting German identity: culture, politics, and literature in the Berlin Republic* / S. Taberner, F. Finlay. – Boydell & Brewer, 2002. – P. 1, 13, 237.
- <sup>18</sup> Kearney R. *Op. cit.* – P. 4.
- <sup>19</sup> В некоторых зарубежных источниках встречается калькированная немецкоязычная версия данного определения, *Das Volk* – «народ» (нем.)
- <sup>20</sup> См.: *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 7.
- <sup>21</sup> Kearney R. *Op. cit.* – P. 4.
- <sup>22</sup> Abrams L. *Bismarck and the German Empire, 1871 – 1918* / L. Abrams. – L., 2006. – P. 28.
- <sup>23</sup> Soysal Y. *The limits of citizenship* / Y. Soysal. – Chicago, 1994; Soysal Y. *Towards a postnational model of membership* / Y. Soysal // Shafir G. *The citizenship debates: a reader* / G. Shafir. – University of Minnesota Press, 1998.
- <sup>24</sup> Soysal Y. *The limits of citizenship*. – P. 166.
- <sup>25</sup> *Ibid.* – P. 164.
- <sup>26</sup> Lewellen T. C. *The anthropology of globalization: cultural anthropology enters the 21st century* / T. C. Lewellen. – Greenwood Publishing Group, 2002. – P. 151.
- <sup>27</sup> *Ibid.* – P. 151.
- <sup>28</sup> Basch L.G. *Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states* / L. G. Basch, N. G. Schiller, C. S. Blanc. – L., 1994. – P. 7.
- <sup>29</sup> Koopmans R., Statham P. *Challenging the liberal nation-state? Postnationalism, multiculturalism, and the collective claims making of migrants and ethnic minorities in Britain and Germany* / R. Koopmans, P. Statham // *American Journal of Sociology*. – 1999. – Vol. 105. – No 3. – P. 203 – 221.
- <sup>30</sup> Sassen S. *De-Nationalization* / S. Sassen. – Princeton, 2002; Sassen S. *Denationalization: Territory, Authority, and Rights in a Global Digital Age* / S. Sassen. – Princeton, 2003.
- <sup>31</sup> Sassen S. *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization* / S. Sassen. – NY., 1996. – P. 148
- <sup>32</sup> Sassen S. *Denationalization*. – P. 43.
- <sup>33</sup> Cox H. *The secular city: secularization and urbanization in theological perspective* / H. Cox. – New York, 1965.
- <sup>34</sup> Bosniak L. *The Citizen and the Alien: Dilemmas of Contemporary Membership* / L. Bosniak. – Princeton, 2006.
- <sup>35</sup> Bosniak L. *The Citizen and the Alien*. – P. 27.
- <sup>36</sup> Jacobson D. *Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship* / D. Jacobson. – Baltimore, 1996.
- <sup>37</sup> Sassen S. *Denationalization*. – P. 43.
- <sup>38</sup> *Ibid.* – P. 34.
- <sup>39</sup> Soysal Y. *Limits of Citizenship*. – P. 148.
- <sup>40</sup> Jacobson D. *European Citizenship and the Republican Tradition* / D. Jacobson, Z. Kilic. – Penn State University Press, 2003. – P. 32.
- <sup>41</sup> Bosniak L. *The Citizen and the Alien: Dilemmas of Contemporary Membership* / L. Bosniak. – Princeton University Press, 2006. – P. 25.
- <sup>42</sup> Sassen S. *De-Nationalization*. – P. 277.
- <sup>43</sup> Hansen R. *The poverty of postnationalism: citizenship, immigration, and the new Europe* / R. Hansen // *Theory and Society*. – 2009. – Vol. 38. – No 1. – P. 1 – 24.

---

<sup>44</sup> Sassen, S. Towards Post-National and Denationalized Citizenship / S. Sassen // Handbook of Citizenship Studies, by E. F. Isin and B. S. Turner (Eds.). – London: Sage, 2002. – P. 283.

<sup>45</sup> В данном случае Э. Геллнер имеет в виду, прежде всего, государства Центральной и Восточной Европы. – Прим. авт.

<sup>46</sup> Gellner, E. Op. cit. – P. 38 – 52.

<sup>47</sup> Kidd C. British identities before nationalism: ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600 – 1800 / C. Kidd. – Cambridge University Press, 1999. – P. 2.

<sup>48</sup> Здесь имеется в виду хотя бы внешнее сходство людей из стран, непосредственно граничащих друг с другом. Для британцев и ирландцев такой сценарий вполне возможен.

<sup>49</sup> Watt N. Rebranding plan for failed EU constitution / N. Watt // The Guardian. – 2006. – 29 May.

<sup>50</sup> См. Kaelble H. The European way: European societies during the nineteenth and twentieth centuries / H. Kaelble. – New York: Berghahn Books, 2004.

# НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В ДОНАЦИОНАЛЬНУЮ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОМАНИЗИРОВАННЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

*Историография национализма является модернистской. Попытки найти элементы современных наций, нации и идентичности в прошлом доминируют в примордиалистской историографии национализма. Романизация была процессом интеграции новых территорий и ассимиляции местных племен и этнических сообществ в структуру Римской Империи. Автор статьи пытается проанализировать проблемы истории романизации в контексте трансформаций идентичностей.*

**Ключевые слова:** Римская Империя, романизация, провинции, социальные и этнические процессы

*Історіографія націоналізму є модерністською. Спроби знайти елементи сучасних націй, нації і ідентичності у минулому домінують в примордіялістській історіографії націоналізму. Романізація була процесом інтеграції нових територій і асиміляції місцевих племен і етнічних спільнот до структури Римської Імперії. Автор статті намагається проаналізувати проблеми історії романізації в контексті трансформацій ідентичностей.*

**Ключові слова:** Римська Імперія, романізація, провінції, соціальні і етнічні процеси

*Historiography of nationalism develops as dominantly modernist. The attempts to find the elements of modern nations and identities in the past prevail in primordial historiography of nationalism. Romanization was the process of new territories integration and assimilation of local tribes and ethnic communities in the structure of Roman Empire. The author of the article attempts to analyze the problems of Romanization history in the context of identities transformations.*

**Keywords:** Roman Empire, Romanization, , provinces, social and ethnic processes

Определив в самых общих чертах, что представлял собой процесс романизации<sup>\*</sup> и, рассмотрев его важнейшие проявления, например – урбанизацию, следует принимать во внимание, что нигде романизация не только не протекала одинаково и равномерно, но и имела разные формы, проявления. При изучении процесса романизации особо следует остановиться на результатах процесса. Степень романизации во всех провинциях Римской Империи была крайне различной. Процесс романизации протекал быстрее и ощутимее в городах. «Преобладание городского образа жизни»<sup>1</sup> могло играть ведущую роль в романиза-

---

<sup>\*</sup> Настоящий текст продолжает статью «Романизация и трансформации идентичностей в провинциях Римской Империи», опубликованную в № 1 «Российского журнала исследований национализма» за 2012 год.

ции. В таком случае романизация могла проходить на протяжении жизни двух-трех поколений. В сельской местности романизация протекала более медленно.

Несмотря на то, что романизация была процессом длительным она имела ряд важных результатов. После успешного проведения романизации, по словам О.В. Кудрявцева, латинская литература начала свое превращение в литературу мировую<sup>2</sup>. Мнение отечественного историка – одно из самых верных и точных определений последствий и результатов процесса романизации. При анализе культурно-языковых и этнических последствий романизации следует принимать во внимание то, что в рамках Империи можно выделять две группы провинций – западную и восточную. В то время как западные провинции были почти полностью романизированы и урбанизированы, восточные провинции были урбанизированы еще до прихода римлян, но романизация здесь не принесла значительных результатов, а имела поверхностный характер<sup>3</sup>. В первую очередь после романизации мир стал римским. PAX ROMANA стал политической реальностью, населенным особым типом человека – своего рода, человеком римским. Это был человек, часто перемещающийся из одной части империи в другую, он постоянно сталкивался с людьми самого разного этнического происхождения, он быстро терял связи со своими соплеменниками и поверхностно усваивал римскую культуру. Римское гражданство, которое он получал после службы в армии, завершало процесс его романизации. Он, будучи римским гражданином, считался римлянином, а его родным языком должна была стать латынь<sup>4</sup>.

Рассматривая этого «человека», историография, как отечественная, так и зарубежная обратились к проблеме определения его этнической принадлежности. Большинство историков советского периода предпочитали избегать ответа на это сложный вопрос, так как советская историческая традиция выводила национальные общности, в лучшем случае, из средневекового периода. По данной причине, предпочитали писать просто о «романизованном населении», которое говорило на латинском языке<sup>5</sup>. Такое явление в современной историографии оценивается как «лингвистическая романизация»<sup>6</sup>.

Тем не менее, некоторые советские авторы все же позволяли себе рассуждения по данной проблеме, которые, как правило, носили абстрактный характер, так как в их распоряжении не было источников, которые в значительной степени отражали бы этнический компонент их создателей и авторов. Ряд зарубежных историков для обозначения населения Империи, в большей или меньшей степени, романизованного использовал термин «романы». Такой подход, например, пред-

ставлен в работах П. Мутафчиева<sup>7</sup>. Советская историография этот тезис, как правило, не принимала, а подвергала его критике. Советские историки считали, что, несмотря на романизацию, отдельные группы населения сохраняли свои старые этнонимы<sup>8</sup>.

При этом данное утверждение советской историографии во многом уязвимо, так как старые этнонимы представлены, главным образом, в римских источниках и могут рассматриваться как названия ассоциируемые Римом с жителями той или иной территории входящей в состав империи, что вовсе не означает того, что проживавшее там население могло быть в значительной степени отличной от римлян. Кроме этого старые этнонимы в период существования Римской Империи могли изменить свое значение, превратившись из понятий обозначавших ту или иную общность, в понятия, которые использовались для обозначения лишь территории.

Романизация, сделав мир более единым, нередко превращала политическое деление в чисто географическое. Именно романизация приводила к разрушению племенных границ. В романизированной Британии округ стал понятием чисто географическим, так как многие британские племена просто были романизованы, население стало монолитным, а этнические различия исчезли. При этом в Британии все же употребление латыни, по мнению Т. Моммзена, видимо получило меньшее распространение чем на материке<sup>9</sup>.

При изучении культурно-языковых последствий романизации следует принимать во внимание и различие ее результатов и последствий. Ряд территорий был романизован полностью и местные языки через два-три поколения исчезали о чем свидетельствует постепенное исчезновение кельтских имен с римскими фамилиями на территории современной Швейцарии – на смену им пришли как римские имена, так и фамилии.<sup>10</sup> Так же глубоко были романизованы и балкало-дунайские провинции Римской Империи. Наиболее последовательной, длительной и интенсивной романизации были подвергнуты населенные фраками и иллирийцами Далмация, Македония, Верхняя и Нижняя Мёзия.

В меньшей степени была романизована и Дакия, которая в отличие от четырех названных провинций находилась в составе Римской Империи не так долго. Если Далмация, Македония, Верхняя и Нижняя Мёзия, по подсчетам В.И. Козлова, существовали в составе Империи 400 – 500 лет, то Дакия – лишь 169 лет<sup>11</sup>. Известно, что в ряде случаев ее результаты, наоборот, были весьма ограниченными. В ходе романизации римские традиции сочетались с местными, но это не означало обязательного распространения латинского языка и рим-

ской материальной культуры. Порой романизация затрагивала лишь верхи местного общества. В ряде случаев романизация имела в качестве своего элемента варваризацию, так как она затрагивала все местное население, которое предавало римским колонистам определенные элементы своей культуры. Такая ситуация имела место в Дакии, где даки восприняли римскую культуру со значительным сохранением элементов своей собственной культуры<sup>12</sup>.

В советской историографии достаточно сильно было мнение, что романизация была не в силах сломить и разрушить старые этнические общности. Римская Империя никогда не была единой – она не была единым политическим и государственным образованием. Римская Империя не знала политического единства. Она представляла собой совокупность народностей и племен, которые, в свою очередь, в значительной степени были отличными друг от друга, так как имели свою экономическую базу и говорили на различных языках<sup>13</sup>.

Подобное мнение, правда, в несколько измененном виде можно найти в ряде работ современных румыно-молдавских историков. Современная румыно-молдавская историография не признает того, что в ходе романизации местное доримское население подвергалось полному уничтожению. Поэтому, румынские авторы пишут о непрерывности этнического развития гето-дакийского населения в провинции Дакия: «непрерывность исторического развития гето-даков - определяющий фактор в развитии процесса соединения местного населения с населением романским». Более того, «именно непрерывность этнического развития гето-даков на пространстве, населенном ими, и после 106 года служила фундаментом дако-романского синтеза»<sup>14</sup>.

Разнообразие Римской Империи стимулировалась и тем, что разные римские провинции вошли в ее состав в различное время. Кроме этого романизация римских провинций протекала с различными темпами. Например, западные районы современной Швейцарии были романизированы раньше, чем восточные. Это следует объяснять тем, что запад перешел под римский контроль раньше, дороги и города строились там более активно<sup>15</sup>. При этом часть из них тяготела к латинскому Западу (например, Мезия)<sup>16</sup>. Другие (например, балкано-дунайские), вошедшие наиболее поздно, латинскими полностью так никогда и не стали, а, наоборот, сохраняли значительные отличия как друг от друга, так и от массива романизированных провинций. Различия провинций, ограниченность романизации может быть объяснена не только сопротивлением со стороны местного населения, но и тем, что рядом с римскими колонистами, романизированным населением жили племена, сохранившие свою этническую специфику.

Как правило, в первую очередь романизации подвергалась местная знать. Правда, степень данной романизации, что было доказано еще М.И. Ростовцевым, была крайне различной<sup>17</sup>. Наиболее раньше романизации подвергались представители местной племенной знати, которая могла получить римское гражданство еще тогда, когда большая часть населения не говорила на латыни, а сохраняла приверженность местному языку. Именно по данной причине, население нелатинского происхождения с римским гражданством было незначительным<sup>18</sup>. В одной из наиболее старых римских провинций, Испании, несмотря на то, что романизация шла успешно, часть населения все же не была романизирована. Горные области страны не привлекли достаточного количества римских колонистов. По данной причине, в горной Испании процессы романизации и урбанизации не были глубокими, а, наоборот, отличались поверхностностью, так как смогли затронуть лишь верхушку местного населения, оставив в то же время совершенно нетронутыми систему племен и кланов<sup>19</sup>.

В целом, в отечественной историографии, когда речь заходила о степени и глубине романизации, то, как правило, выделялось два типа романизации – социальная и культурная<sup>20</sup>. Процесс романизации предусматривал не просто включение той или иной территории в сферу римского политического влияния. Он требовал полной инкорпорированности, лишения политической независимости. Как правило, этот процесс приобретал форму завоевания, «военного характера колонизации»<sup>21</sup>. Процесс романизации был невозможен без изменения самого облика завоеванной территории. Проявлением этих, привнесенных Римом, изменений были строительство дорог и городов. «Римские власти строили дороги, главным образом, в стратегических целях и придавали огромное значение контролю над ними»<sup>22</sup>, - отмечает Красновская. Например, на территории Швейцарии римское строительство дорог может быть датировано периодом с I века до н.э. по I век н.э. М.Н. Новиков считает, что именно строительство дорог и городов было важным элементом в романизации той или иной территории. «Дороги и города несли в провинции культуру Рима, все достижения римской культуры»<sup>23</sup>.

Наиболее глубокая степень романизации вела и к изменению старого доримского ландшафта. Романизация нередко вела к чисто внешним изменениям ландшафта. Шло его постепенное приспособление под нужды римских колонистов. В качестве образца романизации ландшафта использовалась Италия. Римские власти принимали меры к строительству дорог и мостов. Города строились или перестраивались в соответствии с римскими градостроительными нормами<sup>24</sup>.

Романизация привела к объединению значительной части известных на тот момент земель в рамках одного государства. Многие культуры и цивилизации были включены в состав Римской Империи. Рим взял под контроль Грецию, колыбель античной цивилизации, чем обеспечил ей несколько веков относительно стабильного существования. При этом в историографии существует концепция, согласно которой Рим был инкорпорирован в состав эллинистической культуры, а не наоборот<sup>25</sup>. Наиболее романизованными оказались западные провинции. В наиболее романизованных провинциях местные языки, как правило, погибали, будучи вытесненными латынью, оставляя от себя очень мало следов<sup>26</sup>. Второй по степени романизации регион находился в районе Балкан и Дуная. Молдавский историк В.И. Козлов комментировал это так: «в результате политики романизации на Балканах возникла большая по территории романоязычная область», на территории которой, по его словам, «разноплеменное население развивалось под влиянием римской культуры», что постепенно вынуждало его общаться между собой только при помощи латыни<sup>27</sup>.

Романизация в данном регионе (да и на территории всей Римской Империи вообще) была процессом очень длительным, и на ранних этапах римляне были вынуждены считаться с местными реалиями и условиями. Один из самых ярких примеров такой романизации – романизация Галлии. В Галлии на раннем этапе своего владычества римляне сохранили внутреннее устройство округов и допустили, по словам Т. Моммзена, «нечто вроде национального самоуправления ... даровали кельтам национальное устройство, насколько это было совместимо с суверенитетом Рима», сделав, однако, обязательным употребление латыни. Из-за такой ограниченной романизации «прежний кельтский дух и исконная кельтская неукротимость не исчезли бесследно». При этом в историографии нередко в историографии подчеркивается, что Галлия принадлежала к числу наиболее романизованных провинций, где процесс романизации протекал относительно естественно, без давления извне. Романизация достигла успехов в Галлии повсеместно за исключением ее южных территорий, а сами «галлы менее всего помышляли от того, чтобы не считать себя римлянами, так как тогда уже существовала римская национальность». При этом в романизации Галлии проступала определенная двойственность: на юге римляне смогли создать муниципии, а на севере были вынуждены считаться еще с племенной организацией или ее определенными элементами<sup>28</sup>.

Аналогичные идеи можно найти и в отечественной историографии. Например, Н.А. Чаплыгина подчеркивала, что на захваченных

территориях римляне стремились учитывать сложившиеся отношения и часто шли на сохранение уже существующих традиций<sup>29</sup>. В ряде случаев местное население провинций расставалось со своими национальными традициями с легкостью. В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с традициями не национальными, а племенными. Данная ситуация была характерна, например, для Норика, где местное, по предположению Т. Моммзена – иллирийское, население «не обнаружило привязанности к национальному языку». По данной причине, преобладание римского языка и обычаев началось в данном регионе относительно рано<sup>30</sup>. Как ни была развита римская культура, несмотря на огромную роль латыни, многие провинции смогли сохранить свою национальную неповторимость, обладали определенной спецификой и были этнически выделены из всего массива римских провинций. По словам немецкого историка Т. Моммзена, особую неудачу Рим потерпел в романизации германцев - «вместо романизации германцев мы встречаем германизацию римлян»<sup>31</sup>. Такое развитие ряда провинций следует объяснять тем, что на их территории романизация в первую очередь была урбанизацией, и римская культура не смогла проникнуть дальше городских стен.

В ряду подобных провинций особенно примечательна Дакия, которая, как известно, вошла в состав Империи позже всех остальных провинций. О степени и особенностях романизации Дакии в историографии не существует единства мнений. Часть румынских авторов считала, что римляне полностью истребили даков<sup>32</sup>. Согласно советскому антиковедению, местное дакийское население, продолжавшее жить на территории провинции в сельской местности, говорило не на латыни, а на дакийском языке, точнее – на различных диалектах последнего. Большая часть населения провинции оказалась не в состоянии органически воспринять римскую культуру. Вместо подлинной романизации и латинизации в провинции Дакия имело место скорее элементарное подражание римской культуре, а романизация была поверхностной<sup>33</sup>. Вместе с тем, постепенно романизация дала свои результаты. Польский исследователь Ф.Ф. Зелинский, комментируя это, писал, что «Дакия становилась Романией и это название до сих пор сохранилась в сегодняшней Румынии. И не только название - язык жителей этой страны - потомок латинского; здесь образовался еще один оазис романизации у Черного моря среди славянских племен, мадьяров и турок. Народ этой страны считает Траяна своим перво-предком и творцом культуры»<sup>34</sup>.

Несколько иное, во многом отличное от советской историографии мнение, можно найти в работах румынских историков. Румын-

ский исследователь Д. Берчу был склонен считать, что процесс романизации Дакии не имел поверхностного характера, а был глубоким и последовательным. Более того, процесс романизации не ограничивался одной провинцией Дакия, а затронул и соседнее, родственное дакам, население. Таким образом, романизированные даки в римской провинции сами стали распространителями «романизма». Он считал, что в итоге романизировано было все население вплоть до Днестра. Берчу, отрицая «спекулятивные взгляды некоторых иностранных историков о молдавском народе, сложившимся вне территории Римской Дакии и на несколько иной этнической основе»<sup>35</sup>, проводил прямой континуитет между населением римского времени, романизированными жителями постримского периода и современными румынами Румынии и Молдовы.

По данной причине, создавая новые провинции римляне были вынуждены считаться с местными условиями – именно по данной причине, они шли на порой искусственное сохранение местных племен, правда изменив систему их управления поставив над ними римских военных командиров, что позволяло контролировать жителей провинций, еще в недостаточной степени романизированных<sup>36</sup>. Что касается Дакии, которая стала римской провинцией позднее всех остальных провинций, входивших в состав Империи, усиленная колонизация в форме поселения на ее территории ветеранов и римское господство в целом настолько глубоко затронули территорию, что определили ее развитие на протяжении следующих столетий<sup>37</sup>. Именно в современной Румынии, значительная часть территорий которой расположена на бывших дакийских землях, население говорит на языке, который похож на древнюю латынь гораздо больше, чем итальянский – язык Италии, исторического ядра Римской Империи. Не достигла особых успехов романизации и на территории другой римской провинции – Мёзии. Несмотря на то, что основную часть колонистов на ее территории составили римские ветераны, романизация отличалась в данном регионе, по мнению отечественной исследовательницы Т.Д. Златковской, незначительной степенью завершенности<sup>38</sup>.

Если в рассмотренных европейских провинциях романизация принесла довольно ощутимые результаты, то в азиатских провинциях романизация была поверхностной – сами римляне, скорее всего и не стремились к полной перестройки данного массива территорий по образцу и подобию Италии, так как, видимо, понимали невыполнимость данной задачи. Именно, по данной причине, в азиатском регионе римская цивилизация «представлена слабее и имеет искаженные формы»<sup>39</sup>. В провинции Азия романизация охватила только города, при-

чем привилегированные слои городского населения, а римская культура прививалась с большими сложностями. При этом сами римляне в течение длительного времени предпочитали не вмешиваться в жизнь провинции, не смешиваясь с местным населением, которое, по данной причине, относительно поздно начало осваивать римскую культуру. В другой восточной провинции, в Ликии, римская власть положила конец самостоятельной местной политической жизни, а старый уклад жизни был окончательно разрушен – здесь империя с особенной силой проявила свою нивелирующую силу<sup>40</sup>.

Романизация восточных провинций была более медленной, чем западных – например, в Галатии и Каппадокии, где римляне вовсе не стремились к тому, чтобы считаться с местным укладом и исторически сложившимися этническими и политическими делениями, романизация коснулась незначительных масс населения, а превращение местных городов в города римского типа было очень длительным. Что касается Каппадокии, то в историографии она нередко рассматривается как наименее романизованная провинция Империи. Не смог Рим романизовать и Сирию – романизация коснулась ее крайне слабо, римское влияние было крайне заметно в городах, римляне не смогли подавить влияние местного языка и литературы, они оказались в силах стать законодателями только в строительстве дорог и проведении водопроводов. В Сирии романизации подверглась, главным образом, знать, стремившаяся войти в состав господствующего класса Империи в целом. Для этого ей, правда, пришлось усвоить латынь<sup>41</sup>.

В отечественной и зарубежной историографии процесс романизации нередко завершается тем этапом, на котором местное доримское население перестает быть таковым, так как утрачивает свои национальные черты, превращаясь в какой-то степени в римлян и воспринимает латынь в качестве родного языка. Что касается вывода римской администрации и легионов из некоторых провинций, то этот момент вообще нередко интерпретируется как кризис империи, после которого говорить о дальнейшем развитии римской Империи не приходится. Однако современная румыно-молдавская историография во многом пересмотрела эту точку зрения и рассматривает события данного периода как «продолжение процесса романизации»<sup>42</sup>.

Эвакуация римской администрации из Дакии в 271 году и переселение части романизованного населения в 275 не рассматриваются как завершающие моменты в процессе романизации. Современные румынские и молдавские историки считают, что романизация имела место и после этого, приобретая, правда, иные формы и проявления. Если раньше важнейшими факторами, способствовавшими романиза-

ции были легионы и администрация, то с их исчезновением «основным очагом романизации к северу от Дуная остается римское и романизированное население»<sup>43</sup>.

Современные молдавские историки считают, что романизация и римское влияние знаменует собой не просто «основной этап в формировании румынского народа». Они придерживаются мнения, что романизация не ограничивается исключительно римским периодом, а продолжалось и в дальнейшем «посредством влияния с южно-дунайских территорий Восточной Римской, а позже Византийской империи, а также смешением романизированного населения бывших провинций со свободными гето-даками»<sup>44</sup>.

Если советская историография была склонна рассматривать исчезновение границы как источник проблем для Рима, что выразилось в участвовавших нападениях варварских племен, то современная историография Молдовы считает, что исчезновение границы, наоборот, вовлекло в орбиту романизации новые этнические общности, так как «создала условия для распространения романизации по всей территории бывшей “свободной Дакии”». Согласно выводам большинства современных молдавских историков, свободные даки оказались вовлечены в процесс романизации еще в период существования границы, а с конца III века н.э. эти тенденции к романизации лишь усиливались, из-за чего их противодействие процессу романизации «значительно ослабло», а сами они «переняли язык и более высокую культуру романизированного населения»<sup>45</sup>.

Поэтому, молдавские историки считают возможным писать не только о продолжении процесса романизации после эвакуации войск и администрации, но и развивают теорию прямой дако-римской преемственности. Рассматривая данную проблему, они отмечают, что дако-римский континуитет подтверждается археологическими свидетельствами, данными эпиграфики, нумизматики и данными языка<sup>46</sup>.

Романизация в значительной степени способствовало распространению христианства. Христианство распространилось за Дунай и самым существенным образом повлияло на идентичность местного населения. Христианство не столько вело, сколько способствовало романизации. Именно христианство содействовало росту доверия к ценностям римской культуры, а также к латинскому языку, точнее – народной латыни. Что касается завершения процесса романизации, то его окончание вероятно следует датировать VI – VIII столетиями. Завершение процесса романизации на территории Дунайского региона было связано с формированием новых сообществ, которые позднее трансформировались в румынскую нацию.

- <sup>1</sup> Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 33.
- <sup>2</sup> Кудрявцев О.В. Проблемы периодизации... - С. 292.
- <sup>3</sup> Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 3.
- <sup>4</sup> Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 161.
- <sup>5</sup> Мохов Н.А. Формирование молдавского народа... - С. 7.
- <sup>6</sup> История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 24.
- <sup>7</sup> Mutafciiev P. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens / P. Mutafciiev. - Sofia, 1932.
- <sup>8</sup> Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки формирования нации / В.И. Козлов // Формирование молдавской буржуазной нации. - Кишинев, 1978. - С. 28.
- <sup>9</sup> Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 101 – 102.
- <sup>10</sup> Staehelin F. Die Schweiz in römische Zeit / F. Staehelin. - Basel, 1948. - S. 128, 494 – 496.
- <sup>11</sup> Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки формирования нации. - С. 27 – 28.
- <sup>12</sup> Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 81.
- <sup>13</sup> Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 3.
- <sup>14</sup> История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 22 - 23.
- <sup>15</sup> Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 18.
- <sup>16</sup> Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 147.
- <sup>17</sup> Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 181.
- <sup>18</sup> Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 62, 66.
- <sup>19</sup> Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т.1. - С. 199.
- <sup>20</sup> Колосовская Ю.К. Паннония в I – III веках нашей эры. - С. 3.
- <sup>21</sup> Кудрявцев О.В. Провинции... - С. 147.
- <sup>22</sup> Красновская Н.А. Процессы формирования... - С. 55.
- <sup>23</sup> Новиков М.Н. Ранние этапы этнической истории Швейцарии. - С. 17.
- <sup>24</sup> Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 75.
- <sup>25</sup> См.: Turner D.R. Ruminations on Romanisation in the East or, the Metanarrative in History / D.R. Turner // *Assemblage*. - Vol. 4.
- <sup>26</sup> Мохов Н.А. Формирование молдавского народа... - С. 10.
- <sup>27</sup> Козлов В.И. Историко-этнические предпосылки... - С. 28.
- <sup>28</sup> Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 8 – 17.
- <sup>29</sup> Чаплыгина Н.А. Римляне на Дунае. - С. 20.
- <sup>30</sup> Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 106.
- <sup>31</sup> Там же. - С. 82.
- <sup>32</sup> Daicovicu C. Problema continuității in Dacia / C. Daicovicu // *Anaurul Institutului de studii clasice*. - Cluj, 1936 - 1940; Alfoldi A. Daci e Romani in Transilvania / A. Alfoldi. - Budapest, 1940; Russu I. Daco-geții în Dacia romană / I. Russu // *Contribuții la cunoașterea regiunii Hunedoara*. - Deva. 1956; Protase D. Problema continuității în Dacia / D. Protase. - București, 1966.
- <sup>33</sup> Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 162.
- <sup>34</sup> Зелинский Ф.Ф. Римская Империя. - С. 270.
- <sup>35</sup> Berciu D. Romanitatea romanilor / D. Berciu. - București, 1972.
- <sup>36</sup> Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 46.
- <sup>37</sup> Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. - С. 4, 152.
- <sup>38</sup> Златковская Т.Д. Мёзия в I – II веках нашей эры. - С. 85.
- <sup>39</sup> Моммзен Т. История Рима. Т. 4. - С. 118, 213.
- <sup>40</sup> Ранович А. Восточные провинции Римской Империи в I – III веках. - С. 38 – 39, 94, 111.
- <sup>41</sup> Там же. - С. 116 – 117, 126, 142, 158 – 159.
- <sup>42</sup> Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 38

---

<sup>43</sup> История румын с древнейших времен до наших дней / ред. Д. Драгнев. - Кишинэу, 2003. - С. 27.

<sup>44</sup> Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 38.

<sup>45</sup> История румын с древнейших времен до наших дней. - С. 27.

<sup>46</sup> Ожог И.А., Шаров И.М. История румын. Краткий курс лекций. - С. 39 - 40.

## ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ

*В данной статье рассмотрен процесс формирования самосознания чеченского этноса, влияние на него этнической консолидации, урбанизации, национальной интеллигенции, конструирования этнонимов и историко-этнической мифологии.*

*У даній статті розглянутий процес формування самосвідомості чеченського етносу, вплив на нього етнічної консолідації, урбанізації, національної інтелігенції, конструювання етнонімів і історико-етнічної міфології.*

*In this article is the process of formation of Chechen nation self-consciousness, influenced by ethnic consolidation, urbanization, national intellectuals, ethnonyms construction and ethno-historical mythologies.*

**Ключевые слова:** чеченцы, этническая консолидация, самосознание

**Ключові слова:** чеченці, етнічна консолідація, самосвідомість

**Key words:** Chechens, ethnic consolidation, self-consciousness

Процессы этнической консолидации, происходящие в странах и регионах, борющихся за независимость или автономию, часто сопровождаются мифотворчеством и историческим поиском, цель которых – оправдать применение политически мотивированного насилия. В условиях жесткой межэтнической конкуренции важным становится вопрос о времени и месте возникновения того или иного народа, поскольку в межэтнических конфликтах чаще всего оспариваемым ресурсом является земля. В данной статье речь пойдет о формировании этнической идентичности чеченцев – самого многочисленного и пострадавшего северокавказского народа.

Чеченцы консолидировались в единую этнокультурную общность сравнительно недавно. Так, У. Лаудаев, одним из первых описавших жизнь чеченцев в 1860-х годах, признавал отсутствие у них единого самоназвания. Он отмечал, что самоназвание «нохчи» относилось лишь к населению плоскостной Чечни<sup>1</sup>. Вплоть до XX века чеченцы предпочитали называть себя по своим аулам, лишь изредка используя инклюзивный термин.

Сам термин «чеченцы» был русской транслитерацией кабардинского «шашан» и происходил от села Большой Чечень, где в XIII веке была ставка монгольского хана по имени Сечен<sup>2</sup>. Вначале русские на-

зывали так лишь жителей этого села, а позднее перенесли на всех чеченцев. Уже как этноним название «чеченцы» встречается в русских и грузинских документах с начала XVIII века, а до тех пор русские документы знали чеченцев лишь по названиям их обществ<sup>3</sup>.

В 1920 – 1930 годы века советские чиновники пытались искусственно подтолкнуть процесс слияния двух близких народов – ингушей и чеченцев. Одним из первых на этот запрос откликнулся лингвист Н.Яковлев, предложивший ввести для ингушей и чеченцев инклюзивное название «вайнахи». Он предполагал, что урбанизация обоих народов и слияние их в одной автономии могли бы стимулировать сложение общего литературного языка и культуры и образование единого «вайнахского» народа<sup>4</sup>. Уже в 1930-х годах некоторые местные исследователи объявляли название «вайнахи» в качестве собирательного термина для всех этносов Ингушетии и Чечни<sup>5</sup>.

После образования Чечено-Ингушской автономии в 1934 году ее автохтоны стали считаться частями «единого чечено-ингушского народа», а к 1970-м годам некоторые уже признавали термин «вайнах» своим самоназванием, что сохраняется до наших дней<sup>6</sup>. Таким образом, советской власти удалось до известного предела изменить этническую идентичность чеченцев, обозначив ее через искусственно сконструированный термин. Что касается недавнего прошлого, то время покорения Кавказа рассматривалось как героическая эпоха сопротивления царизму, а имам Шамиль и его наибы рассматривались в 30-е годы XX века как народные герои и предтечи революции 1917 года<sup>7</sup>.

Ситуация принципиально изменилась после депортации. Республика была упразднена, а ее территория разделена между Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР, Грузинской ССР и Ставропольским краем (чуть позднее – Грозненской областью). Насколько мифологизирована депортация в современном массовом сознании, показывает такой факт. Обсуждая ее причины, некоторые чеченские ученые называют планы по созданию «Великой Грузии»<sup>8</sup>, а также территориальные интересы соседних республик – Северной Осетии и Дагестана<sup>9</sup>.

Чтобы уничтожить все признаки существования чеченцев на Кавказе, уничтожались редкие книги и архивы, записи фольклорных текстов, практически любая литература с упоминанием чеченцев, сравнивались с землей родовые башни, гробницы, кладбища, а надгробия использовались для строительных работ, демонтировались памятники героям Гражданской войны и революции. Менялась и топонимика на землях, переданных соседним регионам. Так, отошедший Северо-

Осетинской АССР Пседахский район был переименован в Аланский, а отошедший Дагестанской АССР Ауховский район – в Новолакский. В самой Грозненской области были переименованы все районы и райцентры, а с исторических карт исчезли все упоминания о чеченцах<sup>10</sup>.

Одновременно прежний исторический образ чеченцев, как свободолюбивого и революционно настроенного народа, спешно был заменен на образ векового врага русских. Для оправдания своих действий во время депортации, сотрудники НКВД многократно завышали численность действовавших в Чечне банд, а для обозначения этнической принадлежности (с учетом запрета на упоминание слова «чеченец») был введен эвфемизм «лицо чеченской национальности»<sup>11</sup>. Позднее, в период т.н. первой Чеченской войны подобная практика была восстановлена.

Характерно, что и в местах депортации этническая принадлежность была основанием для преследования со стороны местных жителей и провокаций со стороны властей. О спецпоселенцах даже распускались заведомо ложные слухи<sup>12</sup>, целью которых было вызвать ненависть и насилие со стороны местных жителей. Например, в Лениногорске (восточный Казахстан) слух о том, что чеченцы используют в своих ритуалах кровь младенцев, повлек за собой трехдневный погром (16 – 18 июня 1950 года), в котором по официальным данным погибли 34 человека, все – чеченцы<sup>13</sup>.

Вместе с тем, трагедия депортации, трудности быта и ощущение совершенной несправедливости спланивали народ. Как показывают многие исследования среди беженцев и насильственных переселенцев, нарративы об утраченной родине, истории народа и пережитых страданиях служат мощной основой этнической консолидации<sup>14</sup>. В изгнании чеченцы стали возвращаться к древним обычаям и религиозным обрядам. Это помогало верить в неотвратимость возвращения на родину.

Интересно, что в 1940 – 1950-е годы в самой Чечне изменился и образ казаков. Политика «расказачивания» начала 1920-х годов была заменена на восхваление казаков и преувеличение их роли в продвижении России на Кавказе. Аналогично поступили с образом шейха Мансура, Шамиля и всеми, кто боролся с русской колонизацией, которая теперь рассматривалась как источник цивилизации и прогресса<sup>15</sup>.

После возвращения, историческая роль чеченцев была пересмотрена снова, опять их стали рассматривать как исконных обитателей Чечни, храбро сражавшихся вместе с русскими (а не против них) в Гражданскую и Великую отечественную войну. Наоборот, о «преда-

тельстве и бандитизме» хранилось молчание, равно как и о последствиях депортации, хранилось молчание.

На проблему этнической самоидентификации влияли еще два фактора: образование населения и историческая мифология (особенно касательно происхождения чеченцев и их присоединения к России). По первому фактору важно отметить, что долгое время чеченцы имели низкий уровень грамотности даже на родном языке в сравнении с соседними народами (особенно осетинами) и как следствие, низкий социальный статус. Например, в парторганизации Горской АССР чеченцы, будучи самым многочисленным народом, занимали четвертое место, уступая не только русским и осетинам, но и ингушам<sup>16</sup>. Депортация в середине века и обе чеченские войны в конце века только усилили этот разрыв (таблица 1).

Таблица 1  
Число лиц с высшим образованием, на 1.000 жителей<sup>17</sup>.

год	регион			
	Чеченская Республика	Республика Ингушетия	Республика Дагестан	Республика Северная Осетия – Алания
2002	71	108	120	195
2010	115	164	181	264

Хотя в Чечне наблюдается высшая скорость прироста доли лиц с высшим образованием (из числа рассмотренных регионов), при сохранении темпов отставание от соседей будет ликвидировано не ранее середины тридцатых годов XXI века. Все это заметно осложняет воспитание подрастающих поколений, формирование интеллигенции и укрепление этнического самосознания (для чеченцев до сих пор значительную роль играет тейповая, т.е. родовая идентификация и вирдовая принадлежность).

Более того, построение гражданской, а не этнической нации тесно связано с индустриальным производством и городским образом жизни. С этим у чеченцев тоже есть проблемы. Большая часть их после депортации поселилась в сельской местности, и для этносоциальной структуры восстановленной Чечено-Ингушской АССР была характерна диспропорция, которую условно можно назвать «русский город – автохтонное село»<sup>18</sup>.

На протяжении 1960 – 1980-х годов чеченцы постепенно перебрались в города, но этот процесс был значительно нивелирован в 1990-е годы оттоком русскоязычного населения (которое было основным носителем городской культуры) и начавшейся военно-политической нестабильностью.

Таблица 2  
Изменение доли городского населения

Год / регион	Автономная республика / субъект Федерации			
	Чечено-Ингушская АССР / Чеченская Республика	Чечено-Ингушская АССР / Республика Ингушетия	Дагестанская АССР / Республика Дагестан	Осетинская АССР / Республика Северная Осетия – Алания
1989	46%*	35*	40%	62%
2002	33%	38%	43%	65%
2010	35%	42%	45%	64%

\* Данные по Ингушетии и Чечне за 1989 г. являются оценочными.  
Средний показатель по Чечено-Ингушской АССР – 42%

Развернувшееся в конце 1980-х годов в Чечено-Ингушской АССР этнонациональное движение на первых порах выступало под лозунгом борьбы против загрязнения природной среды<sup>19</sup>. Весной – летом 1988 года началось публичное обсуждение «белых пятен» в истории, включая вопрос о депортации. В течение года на страницах официальной республиканской газеты «Грозненский рабочий» стали появляться публикации, обличающие преступление тоталитарного режима<sup>20</sup>.

Концепция «добровольного вхождения» Чечни в состав России была предложена грозненским профессором В.Б. Виноградовым и поддержана академиком А.Л. Нарочницким<sup>21</sup>. Ее задачей было показать мирный и равноправный характер сотрудничества двух народов в деле освоения Северного Кавказа. Важен был и политический фактор: соседние республики отпраздновали «добровольное вхождение», и руководство Чечено-Ингушетии не хотело отставать в этом «социалистическом соревновании». В.Б.Виноградов писал о «так называемой Кавказской войне» и даже о том, что идея насильственного присоединения создана буржуазными националистами «для взращивания ненависти к русскому народу»<sup>22</sup>. Разумеется, подобный тренд означал и отказ от обсуждения других острых проблем межэтнических отношений, например, депортации.

Между тем, для самих чеченцев, депортация была и остается чем-то вроде «второго рождения». Пожалуй, она сродни теме Победы для русского национального самосознания, и игнорирование такой тематики официальной наукой и властями не могли не способствовать постепенной радикализации. Чеченский кризис начала 1990-х годов породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике чеченского народа. Один из домини-

рующих – миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве, другой – миф об исключительной древности чеченцев<sup>23</sup>. Идея древности подтверждалась родственными связями нахско-дагестанских и хуррито-урартских языков, а изучение чеченского и ингушского языков (по количеству часов уравненных с русским) с первого класса во всех школах сделалось обязательным. Крайне ревизионистские версии древней истории чеченцев поддерживались Джохаром Дудаевым, который способствовал деинтеллектуализации Чечни<sup>24</sup>.

Востребованность подобных версий объяснялась тем, что они отвечали задачи консолидации чеченцев в условиях жесточайшего кризиса. Той же цели служили использование образа тотемного предка (волка), политический ислам и популярный с конца 1980-х годов лозунг «Нас миллион!». Последний, хотя и преувеличивал реальную численность чеченцев (по переписи 1989 года во всей России их было чуть менее 900 тысяч человек), но позволял требовать к себе более уважительного отношения по политическим мотивам.

Дело в том, что советская иерархия этнических образований (союзная республика – автономная республика – автономная область – автономный округ) была в свое время введена И.В.Сталиным на основании довольно-таки волюнтаристских критериев. Среди условий, позволяющих народу претендовать на получение статуса союзной республики были, в том числе, окраинное географическое положение, наличие промышленной базы и численность в миллион человек<sup>25</sup>. Чеченцам именно последнего критерия и не доставало, чтобы обосновать свои повышенные статусные притязания. Рупорами этих и других мифов были чеченские СМИ и публикации чеченских интеллектуалов за пределами Чечни. Отметим, что в основном, это были публикации на русском языке, то есть ориентированные не только на чеченскую аудиторию.

Одной из главных идей, пропагандировавшихся интеллектуалами, состояла в том, что, во-первых, чеченцы никогда не вели агрессивных войн и никогда не посягали на чужие территории, а с другой, никому не давали себя покорить. Подобное «сочетание не сочетаемого» и апелляция к историческому прошлому в своеобразной трактовке является типичным для политического мифотворчества<sup>26</sup>. Любопытно, что в большинстве из альтернативных версий древней истории, созданных вайнахскими интеллектуалами в начале 1990-х годов, ислам почти не находил себе места. Возможно, это вызвано тем обстоятельством, что изначально лидеры «чеченской революции» намеревались

строить светское демократическое правовое государство (как они его понимали)<sup>27</sup>.

Однако после столкновения с оппозицией 31 марта 1992 года Джохар Дудаев стал опираться на происламских традиционалистов. Позднее была оказана поддержка тарикату кадирийя в противовес тарикату накшбандийя. Похоже, что окончательное решение в пользу строительства исламской модели государственности Дж. Дудаев принял к началу 1993 года, навязав в мае парламенту идею об объявлении ислама государственной религией<sup>28</sup>. Первая чеченская война повлекла быструю исламизацию общества, увидевшего в исламе мощную идеологию сопротивления. Именно во время войны в школах Чечни началось преподавание основ ислама, а девушек обязали покрывать голову платком<sup>29</sup>. Постепенно религиозная идентичность стала занимать все большее место в сознании чеченцев. Если в 1990-м году опросы фиксировали почти полное отсутствие предубеждений по отношению к иноверцам, то в 1995-м году их уже было более четверти, особенно среди молодежи. То же касалось и межэтнических отношений: около трети населения винило в бедах чеченцев исключительно русских<sup>30</sup>.

Исламский фактор оказал влияние и на развитие политического мифотворчества в Чечне. Высказывались идеи о том, что ислам не мог возникнуть в таком неблагоприятном регионе, как Аравия, что его родиной является Чечня и именно предки чеченцев привнесли истинную веру в мир. Характерно, что у восточно-европейских народов поиск идентичности сопровождается обращением к языческому периоду истории<sup>31</sup>. Для чеченцев же ислам связан с героическими страницами прошлого, с борьбой за национальную независимость и социальную справедливость.

В период обитания в горах чеченцы делились на многочисленные родоплеменные подразделения, с которыми была связана их идентичность. Сознание этнокультурного единства стало выковываться лишь после переселения на плоскость, а единые самоназвания были приняты массами лишь в XX веке. Мощным катализатором для этого послужили процессы политического объединения чеченцев в рамках отдельных округов или областей, начавшиеся еще в царское время и получившие свое окончательное оформление в годы советской власти.

Гонения на ислам, подавление памяти о депортации и невозможность дать свою героическую версию Кавказской войны не оставляли чеченцам иного пути, кроме культивации романтических версий древнего прошлого. Все это стало полем активности местных ревизионистов. Противостояние друг другу нарративов о прошлом принимает самые жесткие формы там, где отмечается наибольшее расхож-

дением между нарративом колонизаторов и местными идентичностями коренного населения, как это и было в Чечне.

---

<sup>1</sup> Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006. – С. 205.

<sup>2</sup> Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов / И.Ю. Алироев. – Грозный, 1990. – С. 13.

<sup>3</sup> Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / Н.Г. Волкова. – М., 1973. – С. 144 – 148.

<sup>4</sup> Многоликая Ингушетия / под. ред. М. С.-Г. Албогачиевой. – СПб., 1999. – С.5 – 36. Характерно, что термин «вайнах» дословно значит «наши люди» или «наш народ», то есть является существительным множественного числа. Поэтому чеченский государственный танцевальный ансамбль (т.е. коллектив из многих людей) называется «вайнах», а не «вайнахи» (прим. автора).

<sup>5</sup> Базоркин М.М. История происхождения ингушей / М.М. Базоркин. – Нальчик, 2002. – С. 113.

<sup>6</sup> Боков Х.Х.. Слово о вайнахах (взгляд изнутри) / Х.Х. Боков. – М., 2000. – С. 24.

<sup>7</sup> Авторханов А.Г. Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР / А.Г. Авторханов. – М., 1991. – С. 18.

<sup>8</sup> Гакаев Дж.Дж. Очерки политической истории Чечни / Дж.Дж. Гакаев. – М., 1997. – С. 104.

<sup>9</sup> Хатаев А.Ц. Эшелон бесправия / А.Ц. Хатаев. – М., 1997. – С.167 – 168.

<sup>10</sup> Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и борьбе. О трагедии репрессированных народов / Ю.Д. Дешериев. – М., 1995. – С. 160, 245.

<sup>11</sup> Шнирельман В.А. Указ. соч. – С. 231.

<sup>12</sup> О роли слухов в подготовке этнических столкновений см.: Horovitz D. The deadly ethnic riot / D. Horovitz. – Berkeley, University of California Press, 2001. – P. 74 – 88.

<sup>13</sup> Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши / сост. Н.Ф.Бугай. – М., 1994. – С. 87.

<sup>14</sup> См. например: Ballinger P. History in exile. Memory and identity at the borders of the Balkans / P. Ballinger. – Princeton: Princeton University Press, 2003. – P. 170 – 203.

<sup>15</sup> Шнирельман В.А. Указ. соч. – С. 237.

<sup>16</sup> Кохорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917-1944 гг.) / Д.С. Кохорхоева. – Элиста, 2002. – С.40.

<sup>17</sup> Здесь и далее данные Всероссийских и Всесоюзных переписей населения, используемые в таблицах, взяты с официального сайта Госкомстата ([www.gks.ru](http://www.gks.ru)) и сайта «Демоскоп» ([www.demoscope.ru](http://www.demoscope.ru)).

<sup>18</sup> Подробнее см.: Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Г.С. Денисова, В.П. Уланов. – РнД, 2003. – С. 132 – 138.

<sup>19</sup> Bond A., Sages M. Panel on Nationalism in the USSR: environmental and territorial aspect / A. Bond, M. Sages // Soviet Geography. – 1989. – Vol. 30. – No.6. – P. 471 – 184.

<sup>20</sup> Ибрагимов К. Отповедь защитникам Сталина / К. Ибрагимов // Грозненский рабочий. – 1989. – 16 февраля. – С. 3.

<sup>21</sup> Нарочницкий А.Л. В единую семью соединившись... / А.Л. Нарочницкий // Грозненский рабочий. – 1979 – 4 октября. – С. 2 – 3.

<sup>22</sup> История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / под. ред. В.Б. Виноградова. – Грозный, 1988. – С. 7.

<sup>23</sup> Тишков В.А., Беляева Е.Л., Марченко Г.В. Чеченский кризис / В.А. Тишков, Е.Л. Беляева, Г.В. Марченко. – М, 1995. – С. 32 – 33.

<sup>24</sup> Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны / В.А. Тишков. – М, 2001. – С.145.

<sup>25</sup> Сталин И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – М., 1949. – С.167.

- 
- <sup>26</sup> Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа / Т. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 51.
- <sup>27</sup> Малашенко А. Исламское возрождение в современной России / А. Малашенко. – М., 1998. – С. 165 – 172.
- <sup>28</sup> Кудрявцев А.В. Ислам и государство в Чеченской Республике / А.В. Кудрявцев // Восток. – 1994. – № 3. – С. 64 – 71.
- <sup>29</sup> Ротарь И. Ислам и война / И. Ротарь. – М., 1999. – С. 18 – 19.
- <sup>30</sup> Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев / З. Берсанова // Чечня и Россия: общества и государства / под ред. Д.Е. Фурмана. – М., 1999. – С. 247.
- <sup>31</sup> Неоязычество на просторах Евразии / под ред. В.А. Шнирельмана. – М., 2001. – С.130 – 169.

# НАЦИОНАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

## НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ПРОЕКТ («русский вопрос» в современных исторических дебатах на постсоветском пространстве)

*История является важным элементом национального строительства. История использовалась в прошлом для конструирования национальных идентичностей и легитимации различных политических состояний и проектов. Современная историческая наука сохранила эти функции. Распад СССР способствовал росту национализма, национализации прошлого и его мифологизации. Российское интеллектуальное общество в написании русской национальной истории столкнулось со значительными трудностями. Социально-экономические объяснения и версии русской истории продолжают доминировать в России. Автор анализирует проблемы и перспективы написания истории России как национальной.*

**Ключевые слова:** история, history writing, национализм, идентичность, Россия

*Історія є важливим елементом національного будівництва. Історія використовувалася у минулому для конструювання національних ідентичностей і легітимзації різних політичних станів і проектів. Сучасна історична наука зберегла ці функції. Розпад СРСР сприяв зростанню націоналізму, націоналізації минулого і його мифологізації. Російське інтелектуальне співтовариство в написанні російської національної історії зіткнулося зі значними труднощами. Соціально-економічні пояснення і версії російської історії продовжують доминувати в Росії. Автор аналізує проблеми і перспективи написання історії Росії як національної.*

**Ключові слова:** історія, history writing, націоналізм, ідентичність, Росія

*History is an important element of national building. History was used for constructing of national identities and different political states and projects legitimation. Contemporary historical science also saved these functions. Disintegration of the USSR assisted to growth of nationalism, nationalization of the past and its mythologization. Russian intellectual community in Russian national writing history faced with considerable difficulties. Socio-economic explanations and versions of Russian history continue to prevail in Russia. The author analyses problems and prospects of national history writing of Russia.*

**Keywords:** history, history writing, nationalism, identity, Russia

Российская историография в постсоветской России избежала этнизации, несмотря на то, что мифы, связанные с этническими истоками, необычайной древностью наций и развитием приписываемых им государственных и политических традиций, придают легитимность не только существования нации, но и ее государственности. Этнические тренды в современной российской историографии носят в большей степени маргинальный характер. Как во многом справедливо (если не принимать во внимание гипертрофированные попытки преувеличить роль национализма в украинской историографии) полагает российский историк К. Асмолов, среди всех исторических мифов «миф об исключительной древности этноса» играет особую роль, которая в России минимальна: «российский миф ввиду достаточной древности нашей страны не включал в себя посылок такого рода... попытки приравнять скифов к древним славянам были эпизодическими и не входили в официальную советскую парадигму»<sup>1</sup>.

Этнические объяснения истории в современной России не получили достаточного развития в силу того, что на протяжении длитель-

ного времени российская и в особенности советская историография развивались в условиях доминирования государственной парадигмы и преобладания социально-экономических интерпретаций истории. С другой стороны, во внимание следует принимать и фактор определенного консерватизма, который характерен для значительной части общества профессиональных историков, которые не готовы не только пойти на радикальную ревизию российской истории, но и принять ее ревизионистские интерпретации, порожденные вне пределов российской историографии.

Современные российские историки предпочитают создавать преимущественно социально-экономические версии истории России, что характерно в наибольшей степени для специальных изданий, например – для учебников для исторических факультетов университетов, на которых проходит процесс подготовки профессиональных историков, то есть тех, кто не только интерпретирует прошлое, но и участвует в формировании, развитии и сохранении идентичности. Большинство учебников по отечественной истории, которые используются в российских университетах, крайне консервативны. История излагается в них линейно, представлена как последовательная смена эпох и практически каждый раздел написан по устоявшимся схемам, затрагивая проблемы социально-экономической и политической истории, а также важнейшие моменты в развитии культуры того или иного периода. Не является исключением и, например, учебник «История России с древнейших времен до 1861 года», редактором которого стал Н.И. Павленко.

Изданный впервые в середине 1990-х, переизданный в начале 2000-х годов и рекомендованный Министерством образования, учебник продолжает использоваться и в настоящее время. Начало русской истории авторами учебника под редакцией Н.И. Павленко связывается с Киевской Русью – Древнерусским государством. Киевская Русь позиционируется в качестве наиболее раннего русского государства. В этом отношении большие версии русской истории предстают как чрезвычайно политизированные и идеологически выверенные. Комментируя склонность историографии к политизации, некоторые российские историки совершенно справедливо подчеркивают, что «тенденциозность национальных историй начинается уже с вопроса о происхождении нации»<sup>2</sup>. В российском случае подобная тенденциозность еще более усиливается, если принять во внимание тот факт, что географически та территория, которая фигурирует в большинстве «больших» версий русской истории, на современном этапе пребывает вне пределов РФ.

Следующий этап в русской истории авторами учебника связывается с «удельным периодом». При этом авторы усиленно подчеркивают тенденции к единству, что придает подобным попыткам искусственность и надуманность. В частности, утверждается, что в период феодальной раздробленности «не было утрачено сознание единства Русской земли»<sup>3</sup>. В разделе, посвященном раздробленности, присутствуют параграфы о Ростово-Суздальской Земле, Новгородской феодальной республике, а также о Галицко-Волынском княжестве, географически расположенном вне пределов современной РФ, что свидетельствует о неспособности современных российской историков отделить русскую историю от украинской и психологически признать факт украинской независимости. Украинская история не дает покоя авторам «больших» учебников, посвященных русской истории. Присоединение новых территории, некогда входивших в состав Киевской Руси, в середине XVII века российскими историками интерпретируется исключительно как «воссоединение Украины с Россией»; Богдан Хмельницкий позиционируется как исключительно пророссийский политик, который «ни на минуту не забывал, что окончательная цель может быть достигнута только в союзе с русским народом».

В лучших традициях советской историографии современные российские историки продолжают писать о присоединении Украины в контексте «дружбы народов»<sup>4</sup>, само присоединение интерпретируется исключительно в качестве «воссоединения», а все попытки украинских политических деятелей во второй половине XVII века пересмотреть зависимость от России оцениваются крайне негативно – современные российские историки и вовсе утверждают, что «против них боролись лучшие представители украинского народа» и поэтому «все попытки оторвать Украину от России закончились провалом»<sup>5</sup>. Иногда российские историки все же указывают на то, что вхождение украинских земель в состав России было присоединением, но при этом подчеркивается, что «украинский народ сделал свой выбор»<sup>6</sup> в пользу отказа от независимости и ради пребывания в составе России. Иные формулировки украинской истории в российских учебниках не допускаются. Деятельность Ивана Мазепы в российских учебниках также интерпретируется крайне негативно, оцениваясь как измена<sup>7</sup>. Анализируя проблемы украинской истории, российские авторы учебников, как правило, отрицают самостоятельный характер исторического процесса в Украине, видят в украинской истории только составную часть российской, интерпретируют украинское прошлое с назидательных позиций «старшего брата». В целом, украинская проблематика в современных российских учебниках истории интерпретируется в значи-

тельной степени политизировано и в этом контексте идейные построения историков тесно смыкаются с русской националистической идеологией.

Кроме этого для учебника под редакцией Н.И. Павленко характерен значительный москвоцентризм, что особенно заметно в разделах, посвященных объединению русских земель вокруг Москвы. В этом контексте в больших версиях русской истории в свои права вступает своеобразный примордиализм, связанный как с верой в неизбежность объединения именно вокруг Москвы, мессианским преувеличением ее роли, занижением многочисленных региональных факторов, так и актуализацией лояльности исследовательского сообщества Москве как центру. Подобная ситуация не должна вызывать удивления: подавляющее большинство учебников по отечественной истории в современной РФ пишется московскими историками.

Авторы учебника под редакцией Н.И. Павленко внесли немалый вклад в формирование образов Другого. На страницах учебника фигурируют многочисленные Другие – враги и противники России. К таковым авторы отнесли «немецких, шведских и датских феодалов», «немецких крестоносцев», «захватчиков-крестоносцев», монголы, татары, поляки<sup>8</sup>. Учебники по истории России играют одну из центральных ролей в легитимации российских завоевательных войн прошлого. Присоединение Казани и Астрахани связывается, например, не только с желанием обезопасить Русского государство от потенциальных и реальных татарских набегов, но и с тем, что народы Поволжья стремились к «освобождению от ханского гнета»<sup>9</sup>. В этом контексте учебники истории играют особую роль в культивировании имперского мифа и мессианского характера русской внешней политики. Поэтому, не должно вызывать удивления и то, что в российских исторических учебниках агрессивные войны, инициированные Москвой, преподносятся как освободительные.

В целом, развитие современной российской историографии в деле написания истории России как именно национальной в значительной степени отличается от процессов написания истории в постсоветских государствах. В связи с этим многие русские националисты склонны рассматривать РФ как нелегитимное или в лучшем случае как неправильное государство в силу того, что России не строит национальную государственность. Один из теоретиков современного русского национализма П. Святенков полагает, что «Россия генерирует поле отчуждения. Элиты СНГ готовы заключить союз с кем угодно, лишь бы не с Россией... Россия превратилась в носителя Антипроекта... Россия – единственная страна СНГ, которая отказалась от строительства на-

ционального государства. Наша страна является лишь окровавленным обрубком СССР, официальной идеологией которого остается “многонациональность”... По сути, это означает сохранение безгосударственного статуса русского народа, которому единственному из народов бывшего СССР самоопределении»<sup>10</sup>. Отсутствие в составе современной Российской Федерации именно русского государственности самым существенным образом отражается на специфике написания / описания истории русских. Русская истории именно в силу негосударственного и в значительной степени неопределенного статуса русских не то как «государствообразующей нации», не то как просто «молчаливого большинства» пишется как преимущественно социально-экономическая и, поэтому, лишенная национального содержания.

В современной России не сложилась история, написанная в национальной системе координат. В 1936 году латышский историк, один из создателей современной латышской историографии Арведс Швабе, констатировал, что «научная задача латышской истории – отдать латышскому народу его потерянное прошлое»<sup>11</sup>. Задача, поставленная в первой половине XX века латышским историком представляется актуальной и для современной российской историографии в том смысле, что она испытывает немалые трудности с написанием / описанием русской истории. Вместе с тем некоторые российские исследователи полагают, что в стране существуют условия для формирования принципиально новых версий истории России. В частности, Дмитрий Фурман, анализируя специфику национальной атмосферы в России, подчеркивает, что «Россия должна быть переосмыслена как национальное русское государство. Это переосмысление может быть лишь очень трудным процессом, преодолевающим не только привычные имперские мотивы русского национализма и русского национального чувства вообще, но и инстинктивную русофобию либералов и демократов, боязнь всего, напоминающего о русском национализме, – вплоть до самого термина “русский”... Зародыши такого переосмысления и освобождения русского самосознания от имперского плена уже сложились. Их можно увидеть в не всегда внятных идеях Александра Солженицына, мучительно искавшего неимперские основания русской национальной гордости. Элементы их были в смутном и противоречивом сознании русских националистов, поддерживавших российский суверенитет, и в идеалистических проектах радикальных демократов рубежа 1980-х и 1990-х годов (“Конституция Андрея Сахарова”), предполагавших право автономий на независимость и, следовательно, превращение “остальной” России в национальное русское государство»<sup>12</sup>.

Подобное переосмысление в настоящее время, вероятно, невозможно в силу того, что современное российское общество, в отличие от других поставторитарных социумов Восточной и Центральной Европы, оказалось не в состоянии провести радикальную ревизию истории не только Советского Союза, но и всего «большого нарратива» русской истории в целом. Анализируя причины столь неприятной ситуации, во внимание следует принимать и то, что русское историческое сознание (если таковое существует) в значительной степени мифологизировано. Русская идентичность в своей основе имеет множество мифов, важнейшие из которых состоят в мессианской роли русских и концептах некоей пресловутой дружбы народов и многонациональности, которые фактически играют центральную роль в оправдании и легитимации русского империализма и ассимиляционнистских устремлений крайних националистов. В этом контексте представляется интересным рассмотреть перспективу ликвидации этого имперского комплекса или отказа от него. Это возможно исключительно тогда, когда российская / русская история будет выделена из большого восточнославянского контекста, то есть самым радикальным образом отделена от истории Киевской Руси.

Украинская исследовательница Юлия Зерний пишет о необходимости «деконструкции фундаментального мифа восточнославянского единства»<sup>13</sup>. С другой стороны, российский историк А. Зорин полагает, что многие проблемы, связанные с ранней историей славян, в значительной степени политизированы и идеологически выверены: «вопрос: “Где жили славяне или когда возник этот этнос?” – совершенно нерелевантен для решения практических проблем. Что присутствие на той или иной территории данного этноса или культурной группы ни при каких обстоятельствах не может быть аргументом ни в каком политическом споре»<sup>14</sup>. Эта практическая незначимость проблем ранней славянской истории в значительной степени компенсируется политическими спекуляциями относительно киевского наследия и отягощена негативным опытом использования древнерусской истории в политических целях, что неоднократно имело место, например, в советский период. Деконструкции прошлых достижений историографии, которые утратили свое значение, став частью исторического и в большей степени – политического мифа крайне важны для исторической науки.

Комментируя роль деконструкций, российский историк Б. Колоницкий подчеркивает, что «направление, которое мне симпатично – это деконструкция истории, развенчивание тех мифов, которые сидят в нас со школьной скамьи. Сама профессия историка тоже меня к этому толкает. Настоящий историк всё время деконструирует, выявляет

детали, противоречия. Профессиональный историк – заведомо человек подозрительный... я бы назвал ещё одну причину нашего интереса к теме “конструирования” и “деконструкции”: такой подход, осознанно или неосознанно, доказывает историку социальную значимость его профессии. Хотя это может иметь и обратный эффект, историкам могут сказать: “если история как бы придумана – то какая это вообще наука?”. Но, по большому счёту, историки, деконструируя исторические мифы, доказывают обществу важность своего ремесла. Развенчиваемые исторические мифы, мы порой мстим такому обществу, которое не признаёт историков»<sup>15</sup>. Анализируя важность исторических деконструкций Б. Колоницкий описывает идеальный случай: для современной России в большей степени характерна противоположная ситуация. Российское общество стремится избежать деконструкций собственного прошлого, так как в перспективе деконструкции могут вскрыть те болезненные моменты российского прошлого, дискуссия вокруг которых для современных политических элит нежелательна.

Подобная деконструкция восточнославянского историографического мифа для украинской историографии, с одной стороны, значительных последствий, вероятно, иметь не будет: общая схема украинской истории строится на принципах этноцентризма, в рамках которого актуализируется преемственность на территориально-географическом и политико-государственном уровне между Киевской Русью и другими государственными образованиями, существовавшими на территории современной Украины. Последствия для российской историографии, с другой стороны, могут оказаться более чем значительными. Гипотетический отказ от киевского древнерусского наследия (который, как полагает Автор, является маловероятным) может стать важным стимулом для развития национального и исторического воображения, формирования новых версий истории России, которые актуализировали бы то историческое наследие, материальные свидетельства которого расположены в границах современной Российской Федерации.

Другие причины ситуации историографического консерватизма и неспособности российских историков написать или хотя бы предложить национальную версию истории России, вероятно, имеет смысл искать в особенностях развития русских как сообщества. Комментируя этот фактор, современный российский историк М. Ремизов полагает, что «русские – это развитый этнос, который пока не научился устойчиво тиражировать, воспроизводить себя в матрицах современного общества – через массовое образование, СМИ, призывную армию, на-

циональную бюрократию и так далее»<sup>16</sup>. Русские, таким образом, несмотря на то, что они составляют большинство населения современной Российской Федерации, в отличие от других наций постсоветских стран и национальных субъектов самой РФ, не обладают национальной историей или историей, написанной с учетом национального фактора.

Правда, некоторые российские исследователи полагают, что за последние десять лет (на 2008 год) в России имел место «показательный прецедент меняющего дискурса власти по части идентификации русского / российского народа / народов на историко-географическом пространстве начала XXI века. В этом смысле история преподносится как важный аргумент в легитимации позитивной картины настоящего»<sup>17</sup>. История, действительно, активно используется для легитимации тех или иных политических состояний, хотя принципиальных изменений в функционировании исторического дискурса в России не произошло. Известный в прошлом советолог Ричард Пайпс полагает, что «культурное наследие сыграло решающую роль в неспособности России освободиться от своего коммунистического прошлого и уверенно идти вперед. Россия держится за свое прошлое именно оттого, что не знает, куда идти дальше»<sup>18</sup>.

Именно в силу этой своеобразной интеллектуальной дезориентации России в пространстве собственного прошлого и современности российское общество не в состоянии, как достичь компромисса относительно советской истории, так и радикально переписать собственную историю. Современной РФ непросто, сложно и неприятно отказываться от советского наследия и, тем более, расставаться с ним по той причине, что «для России история рухнувшего Советского Союза неотделима от ее собственной истории – таково самосознание большинства ее граждан. Отчасти поэтому, а отчасти из-за того, что Россия объявила себя правопреемником СССР»<sup>19</sup>.

Анализируя особенности историографической и интеллектуальной ситуации в постсоветской России в контексте написания истории как национальной, Ричард Пайпс подчеркивает, что в современной РФ наличествует «слабо развитое национальное чувство». Развивая и уточняя столь спорное для большинства русских националистов предположение, Р. Пайпс указывает на то, что «русские начиная с XIII в. всегда сплывались для обороны своей отчизны от иностранных захватчиков, не должен вводить нас в заблуждение относительно ощущения русскими своей национальной общности. Они вставали на защиту России потому, что видели в противнике “неверных”, которые идут, чтобы захватить их землю и собственность. Вообще для русских характерна привязанность скорее к их “малой родине”, чем к стране в

целом»<sup>20</sup>. Ричард Пайпс, вероятно, очень категоричен в своих интерпретациях русской идентичности. Кризис идентичности, неспособность консолидировать общество, конечно, имеет место в России, но истоки кризисной ситуации следует искать не в общей слабости идентичности, а в недоразвитости политической идентичности, неспособности русских интеллектуалов заменить постсоветский тип идентичностью концептами гражданской нации.

Анализируя трансформации «Отечественной истории» / «Истории Отечества» в условиях 1990 – 2000-х годов, во внимание следует принимать, что в современной России интеллектуальное пространство в значительной степени фрагментировано и развивается в условиях отсутствия внутреннего единства. Автор полагает, что мы можем констатировать существование пока лишь двух тенденций в написании / описании того, что можно называть «Отечественной историей». Первая тенденция связана с постсоветской историографической инерцией и она к настоящему времени безусловно доминирует. Вторая является более альтернативной, но ее границы чрезвычайно размыты. Более того, она представлена единичными попытками поставить под сомнение идеологическую и методологическую монополию несоветских историков в современной России. В данном случае, вероятно, имеет смысл обратиться к сравнению, предпринятому американским историком Питером Берком, который, анализируя книги, посвященные «Великому восстанию» в Индии в 1857 году и сравнивая различные версии описания истории казалось бы одного и того же события, пришел к выводу, что возникает «призрак третьей книги», которая синтезировала бы в себе различные исследовательские практики и методологии<sup>21</sup>. Это в полной мере и относится к историографической ситуации, связанной с написанием / описанием истории России, где первая история, как неосоветская, выписана и описана достаточно четко, вторая, условно – антисоветская или несоветская не имеет четких пределов своего бытования и где нет третьей истории, которая интегрировала бы как различные методологические подходы, так и центральные и региональные уровни русской истории.

Первая и пока единственная попытка после распада СССР актуализировать значение русской истории была предпринята в июле 2011 года. Примечательно то, что инициатива исходила не от профессионального сообщества, а от политических элит, которые запланировали провести в 2012 году юбилей 1150-летия российской государственности.

Комментируя необходимость проведения подобного юбилея, Президент РФ Д.А. Медведев, подчеркивал, что «у меня только что

была довольно интересная дискуссия на эту тему с нашими учёными-историками... этот юбилей, если говорить о юбилее зарождения нашей государственности, будет праздноваться спустя довольно длительный перерыв. Напомню, что в прошлом веке были масштабные празднования, проведённые, по сути, полтора века назад, причём (мы об этом сейчас говорили с представителями исторической науки) 1000-летие России пришлось на один из самых сложных и в то же время динамичных периодов развития нашего государства... Празднование юбилея российской государственности имеет очевидный смысл: консолидация народа в целях дальнейшего развития нашего большого и сложного государства... смысл очевиден: консолидация нашей страны, нашего народа в целях дальнейшего развития нашего большого и очень сложного государства. И ещё одна тема, по которой историки едины: развитие российской государственности изначально происходило на многонациональной основе и пошло не по пути дробления, а, наоборот, по пути объединения. И только поэтому мы имеем сегодня такое уникальное государство. Удельная раздробленность уже в тот период воспринималась как фактор ослабления, и в процессе создания государства не было существенных препятствий для культурного и религиозного многообразия, что опять же предопределило создание такого уникального государства, как Российская империя, впоследствии Российская Федерация. Считаю, что это один из весьма серьёзных, просто фундаментальных исторических уроков. Более того, вхождение в одно государство способствовало и появлению общих ценностей, а на основе общих ценностей складывались новые нормы социальной жизни, складывались общие правила поведения, происходило развитие отношений со странами Европы, впоследствии и странами Азии и, конечно, происходило приобщение к передовым в тот период образцам культуры и современным идеям. Есть ещё один факт, он юридический, что для меня тоже небезразлично как для представителя юридической профессии. Мы говорили об этом с нашими коллегами-историками. Изначально Россия формировалась, если хотите, как правовое государство, то есть как государство, в котором были собственные правила поведения, то, что в современном языке называется законодательство. И эти правила поведения регулировали отношения между людьми, поддерживая общественный порядок, а, стало быть, поддерживая определённый уклад жизни, определённые ценности. И идея правового русского государства того периода как раз была в общей идее справедливости: власть нужна для того, чтобы государство развивалось, чтобы люди жили лучше, и поэтому власть должна учитывать как интересы обычных людей, так и их тра-

диции, традиции разных народов, которые объединены в большой стране. Впоследствии наше право создавало всё новые и новые образцы, возникала всё более сложная система права, включая уже, в конечном счёте, Свод законов Российской империи, и впоследствии, конечно, и в советский период, эта традиция была продолжена, и это обеспечивало опять же правовое развитие нашей государственной жизни. Почему я об этом говорю – потому что всякого рода негативистские концепции, отрицание вообще правовой природы Российского государства, пренебрежение нашими правовыми традициями, ощущение того, что мы какие-то неполноценные, вплоть до того, что нам государство занесли откуда-то из Западной Европы, а сами мы до этого не могли додуматься, – мы все понимаем, что это, конечно, абсолютное заблуждение, и в то же время достаточно вредная вещь. Именно поэтому я считаю, что разговор именно о правовой природе Российского государства также имеет самостоятельную ценность, а если это государство правовое, изначально правовое, даже со всеми его дефектами, то в этом случае такое государство может развиваться по демократическому пути, это то, что, собственно говоря, мы сегодня и хотели бы. В противном случае мы должны прийти к иному выводу, но это бы отбросило нас в развитии на столетие назад»<sup>22</sup>.

Каков смысл столь пространной, приведенной выше цитаты российского президента? Слова президента имеют несколько смысловых измерений. С одной стороны, то, что президент публично обратился к темам истории свидетельствует о том, что российские правящие элиты пытаются выработать некую общую линию в проведении исторической политики. С другой стороны, даже самые общие очертания и направления этой исторической политики в современной России продолжают оставаться неясными. Вместе с тем, в тексте Президента содержится и определенный либеральный подтекст, который, вероятно, свидетельствует о стремлении властей актуализировать гражданскую составляющую русской идентичности. Нельзя исключать, что российские элиты в этом направлении начали конкурировать с русскими националистами, которые в большей степени склонны играть на национальных, а не на политических и гражданских чувствах.

Столь позднее обращение правящих элит к национальной проблематике, вероятно, свидетельствует о правоте одного из интеллектуальных лидеров современного русского национализма Егора Холмогорова, который подчеркивает, что «нынешняя российская элита не хочет действовать в интересах нации, предпочитая выставлять себе какие-то другие цели»<sup>23</sup>. Инициатива властей встретила в российском обществе самые разные оценки. Известный татарский историк Искан-

дер Гилязов подчеркнул, что юбилей должен иметь консолидирующее значение, не став праздником только русских: «юбилей российской государственности – это праздник не только русских, но и всех народов, проживающих в России, поскольку государство наше с самого начала формировалось как многоэтническое. И каждый из народов, принимавших участие в его становлении, внес свой вклад в его развитие»<sup>24</sup>. С другой стороны, внимание акцентируется и на том, что «нельзя говорить, что вся история России – это история русских»<sup>25</sup>. В этом контексте заметна не только защитная реакция со стороны татарской интеллигенции против возможной «приватизации» праздника русскими националистами, но и попытки со стороны представителей национальных интеллектуальных сообществ в современной России актуализировать гражданское содержание юбилейных событий 2012 года, связанное с формированием / развитием политической нации.

Доминирование преимущественно нормативистского написания истории характерно и для России. Нормативистские версии истории России отличаются значительной степенью консерватизма, устойчивости, что вызывает протест со стороны некоторых российских альтернативно мыслящих интеллектуалов. Застойный характер развития современной российской историографии, связанной с изучением истории России, способствует появлению не только весьма оригинальных, но и не менее сомнительных исследований, которые претендуют на характер обобщающих работ и формирование «большого нарратива» в русской истории, что, как полагают некоторые критически мыслящие российские историки, обнажает «инфантилизм»<sup>26</sup>, в значительной степени характерный для современной российской историографии. Комментируя особенности написания истории России, А. Зорин указывает на нехватку альтернативных версий русской истории: «было бы интересно написать “антикарамзина” под названием “История государств Российских”, поскольку российских государств было чрезвычайно много, и ни одно из них не имеет права претендовать на то, что его история и есть единственная история государства российского. Собственно, весь фокус больших исторических нарративов XIX, а потом и XX в. состоял в том, что включалась телеология, исходя из которой наш сегодняшний день есть неизбежный крест»<sup>27</sup>. Недовольство большими синтетическими версиями русской истории ведет к появлению альтернативных версий историописания, которые ориентируются не на создание большой истории, а на фрагментацию прошлого.

Поэтому актуализируется проблема преемственности в русской истории, что особенно важно в контексте утверждения политической

и государственной идентичности новой России, которая в отличие от других постсоветских стран в своем историческом воображении не утруждала себя поиском государственных предшественников, что свидетельствует о неготовности значительной части российской историков радикально переписывать историю, заново расставляя акценты и воображая в качестве своих предшественников признанные государства (например, Московское княжество, Московское царство, Российская Империя), а не несостоявшиеся государства (Новгородская Республика, Тверское княжество) как то, например, делается в других историографиях, которые актуализируют преемственность новейших независимых государств с теми государственными образованиями (Грузинская Демократическая Республика для Грузии, УНР для Украины и т.д.), которые в прошлом не получили возможности состояться. В подобной ситуации складываются условия для отказа от позитивистской версии истории как истории почти исключительно событийной. На смену единой версии русской истории приходит несколько историй, которые могут радикально противоречить друг другу, будучи выстроенными и воображенными в различных системах теоретических и методологических координат.

*М.К.*

---

<sup>1</sup> Асмолов К. Узловые моменты пересмотра истории / К. Асмолов. – (<http://actualhistory.ru/polemics-antirevizionizm-5>)

<sup>2</sup> Савельева И.М., Полегаев А.В. Историческое знание и его функции. – С. 25.

<sup>3</sup> История России с древнейших времен до 1861 года / под. ред. Н.И. Павленко. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – С. 65.

<sup>4</sup> История России с древнейших времен до 1861 года. – С. 224 – 226.

<sup>5</sup> Там же. – С. 228.

<sup>6</sup> История / П.С. Самыгин и др. – Изд. 7-е. – РнД., 2007. – С. 195.

<sup>7</sup> История России с древнейших времен до 1861 года. – С. 258 – 259.

<sup>8</sup> Там же. – С. 79 – 80, 84 – 86, 145, 185 – 187.

<sup>9</sup> История России с древнейших времен до 1861 года. – С. 146.

<sup>10</sup> Святенков П. Россия как антипроект / П. Святенков. – ([http://www.zlev.ru/77\\_144.htm](http://www.zlev.ru/77_144.htm))

<sup>11</sup> Цит. по: Рыжакова С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого / С. Рыжакова // Антропологический форум. – № 11. – С. 216.

<sup>12</sup> Фурман Дм. От Российской империи к русскому демократическому государству / Дм. Фурман. – (<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/2051/2054/>)

<sup>13</sup> Исторична пам'ять як поле змагань за ідентичність: матеріали «круглого столу», 22 квітня 2008 року / за заг. ред. Ю. О. Зерній. – Київ, 2008. – С. 27.

<sup>14</sup> «Запрещать обсуждать победу – значит приравнять ее к поражению». Интервью с историком культуры, профессором РГГУ и Оксфорда Андреем Зориным об исторической политике. – (<http://www.polit.ru/article/2009/10/06/zorin/>)

<sup>15</sup> Борис Колоницкий: «Историки, деконструируя исторические мифы, доказывают обществу важность своего ремесла». – (<http://urokiistorii.ru/current/view/2009/10/kolonitskii>)

<sup>16</sup> Ремизов М. Русский национализм как идеология модернизации / М. Ремизов // Логос. – 2007. – № 1. – С. 198.

- 
- <sup>17</sup> Национальные истории на постсоветском пространстве: 10 лет спустя. – ([http://www.aio-xxi.ru/projects\\_2008/natsionalnii\\_istorii\\_10let/istorii.htm#](http://www.aio-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm#))
- <sup>18</sup> Пайпс Р. Россия проигрывает борьбу с прошлым / Р. Пайпс. – (<http://kavkaz.ge/2011/12/14/rossiya-proigryvaet-borbu-s-proshlym/>)
- <sup>19</sup> О «Национальных образах прошлого» XX век и «война памяти». Обращение Международного общества «Мемориал». – (<http://www.novpol.ru/index.php?id=987>)
- <sup>20</sup> Пайпс Р. Россия проигрывает борьбу с прошлым / Р. Пайпс. – (<http://kavkaz.ge/2011/12/14/rossiya-proigryvaet-borbu-s-proshlym/>)
- <sup>21</sup> Подробнее см.: Володихин Д.М. «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» / Д.М. Володихин // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2002. – Вып. 9. – С. 51.
- <sup>22</sup> Празднование 1150-летия зарождения российской государственности. – ([http://www.youngscience.ru/includes/periodics/news\\_all/2011/0723/00006315/detail.shtml](http://www.youngscience.ru/includes/periodics/news_all/2011/0723/00006315/detail.shtml))
- <sup>23</sup> Холмогоров Е. Русский националист / Е. Холмогоров. – М., 2006. – С. 47.
- <sup>24</sup> Юбилей российской государственности – общий праздник. О чем Президент Дмитрий Медведев говорил с историками. – (<http://www.rt-online.ru/articles/rubric-77/109096/>)
- <sup>25</sup> Юбилей российской государственности – общий праздник. О чем Президент Дмитрий Медведев говорил с историками. – (<http://www.rt-online.ru/articles/rubric-77/109096/>)
- <sup>26</sup> Галеев К. Краткий курс профессора Удо Крафта, или Некоторые новые старые тенденции в отечественной историографии на примере книги «История России. XX век» под редакцией профессора МГИМО А.Б. Зубова / К. Галеев. – ([http://www.scepsis.ru/library/id\\_3089.html](http://www.scepsis.ru/library/id_3089.html))
- <sup>27</sup> Какой должна быть история России. – (<http://polit.ru/article/2005/12/22/krugliystol/>)

## КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА ГАНСА МОРГЕНТАУ В ПРОГРАММАХ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ганс Моргенткау, сформулировал основную идею политического реализма, который заключается в том, что цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой. Основываясь на шести общих принципах теории Г. Моргенткау, праворадикалы Европы строят программы своих политических партий. Праворадикальные партии в Западных странах ЕС отрицательно относятся к наплыву мигрантов, который привел к трансформации традиционного европейского общества. Управление миграционными потоками они рассматривают как политическую цель. Разница между европейцами и не старающимися интегрироваться мусульманами огромна, по мнению крайне правых, и признание этого факта этически неправильно, но политически оправдано. Праворадикалы и основатель теории политического реализма Ганс Моргенткау сходятся в том, что внешняя политика государства должна опираться на физическую, политическую и культурную реальность, помогающую осознать природу и сущность национального интереса, а такой реальностью выступает нация.

**Ключевые слова:** праворадикальные партии Европы, политический реализм, Ганс Моргенткау, национальный интерес, нация, внешняя политика, иммиграция, политические программы, провал политики мультикультурализма, суверенитет, традиционные ценности

Ганс Моргенткау, сформулював основну тезу політичного реалізму, яка полягає у тому, що цілі зовнішньої політики повинні визначатися в термінах національного інтересу і підтримуватися відповідною силою. Грунтуючись на шести загальних принципах теорії Г. Моргенткау, праві радикали Європи пропонують програми своїх політичних партій. Праворадикальні партії в Західних країнах ЄС негативно відносяться до напливу мігрантів, який привів до трансформації традиційного європейського суспільства. Управління міграційними потоками вони розглядають як політичну мету. Різниця між європейцями і не прагнучими інтегруватися мусульманами величезна, на думку правих радикалів, і визнання цього факту етично неправильне, але політично виправдане. Праворадикали і засновник теорії політичного реалізму Ганс Моргенткау сходяться у тому, що зовнішня політика держави повинна спиратися на фізичну, політичну і культурну реальність, що допомагає усвідомити природу і суть національного інтересу, а такою реальністю виступає нація.

**Ключові слова:** праворадикальні партії Європи, політичний реалізм, Ганс Моргенткау, національний інтерес, нація, зовнішня політика, імміграція, політичні програми, провал політики мультикультуралізму, суверенітет, традиційні цінності

Hans Morgenthau has formulated the main thesis of political realism, which states: "The foreign policy goals must be defined in terms of national interest and supported by appropriate force". Right-wing radicals in Europe constitute their programs of political parties, based on six general principles of the Morgenthau's theory. Right-wing parties in Western EU countries are opposed to the influx of migrants, which led to the transformation of the traditional European society. According to the extreme right, the difference between the Europeans and not trying to integrate Muslims is enormous, and this recognition is ethically wrong but politically justified. Right-wing radicals and the proposer of the theory of political realism Hans Morgenthau agree that the state's foreign policy should be based on physical, political and cultural reality, which helps to understand the nature of the national interest; the nation stands such reality.

**Keywords:** right-wing parties of Europe, political realism, Hans Morgenthau, national interest, the nation, foreign policy, immigration, political programs, the failure of multiculturalism, sovereignty, traditional values.

Ганс Моргентау<sup>1</sup>, классик американской политической мысли в области международных отношений, сформулировал широко известный основной тезис политического реализма, который заключается в том, что цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой. Сегодня праворадикальные партии в странах Западной Европы<sup>2</sup> предстают в образе динамичной силы, пытающейся дать ответы на вопросы реалиям современности<sup>3</sup>. В своих основных положениях они опираются на концепцию реализма, ярким представителем которого является Ганс Моргентау. Основываясь на шести общих принципах теории Г. Моргентау, праворадикалы строят программы своих политических партий. И, судя по тому, что число мандатов праворадикальных партий увеличивается как в Европарламенте, так и в национальных парламентах, их мысли и рассуждения вполне соответствуют настроениям в обществе европейских стран.

По мнению Г. Моргентау, политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, укорененными в неизменной и далеко не совершенной природе человека, попытки изменения которых всегда обречены на неудачу. Провал политики мультикультурализма в Европе доказывает, что нельзя заменить идею собственной идентичности моделью толерантности, уважения прав человека и подобной утопической моралью. Праворадикальные партии в Западных странах ЕС отрицательно относятся к наплыву мигрантов, который привел к трансформации традиционного европейского общества. Они ратуют за то, что не должно происходить подмены одних ценностей другими. Ими движет желание сохранить европейский облик европейских же стран. Управление миграционными потоками они рассматривают как политическую цель.

Популистская «Датская Народная Партия»<sup>4</sup>, представляющая собой синтез трех политических составляющих: «Христианских правых», интеллектуальных правых из «Датской Ассоциации» и консерваторов из «Партии Прогресса», именно за счет утверждения ключевыми тезисами борьбу с иммиграцией и исламизацией получала с момента ее основания поддержку на выборах и стала третьей партией в Дании по количеству мест в парламенте. Однако апелляция к настроениям масс «Датской Народной Партии»<sup>5</sup> отличается от «мягкого» скандинавского правого популизма. Интерес к партии среди датчан был вызван скандалом с карикатурами на Пророка Мухаммеда в 2006 года<sup>6</sup>. Случай с карикатурами доказывает предположение Г. Моргентау, что политика идет вразрез с нравственностью. «Датская Народная Партия», взяв под защиту автора карикатур, противостояла всем му-

сульманам, формально отстаивая свободу слова. Но за громкими высказываниями о правах на самовыражение стояла конкретная политическая демонстрация неприятия Исламского культа. Помимо волны протестов мусульман всего мира, это действие «Датской Народной Партии» вызвало бурю критики со стороны либеральных европейцев. Члены партии и рядовые датчане видели в антиисламской акции ответ на попираание их собственного общественного уклада, хотя толерантную политику мультикультурализма назвать попираанием чьих-либо устоев можно лишь с большой натяжкой. Депутаты «Датской Народной Партии» сетуют на возможность уголовной ответственности за богохульство и пропаганду ненависти, считая нужным ее отмену. Возвращаясь к тезису Г. Моргентау, вышеизложенное иллюстрирует, что вмешательство в политический порядок путем внесения основ равенства, справедливости встречает отпор, как бы замечательно и нравственно не звучали лозунги предлагаемых изменений, усовершенствований. Обращение к идеям свободы в отдельно взятой стране – риск для суверенного государства.

Политический реализм учитывает значимость политического действия с моральной точки зрения. Он также учитывает неизбежное противоречие между моральным предписанием и требованиями политического действия. Разница между европейцами и не старающимися интегрироваться мусульманами огромна, по мнению крайне правых, и признание этого факта этически неправильно, но политически оправдано. Можно сказать, что праворадикалы поддерживают закрепление неравноправия, национального неравенства, но рассматривают это как ответ, как реакцию на сложную ситуацию междивизиационного столкновения в Европе. С другой стороны, праворадикалы преодолели классический национализм и защищают идентичность Европы в целом с позиции культурных, религиозных вопросов.

Праворадикальная «Швейцарская Народная Партия»<sup>7</sup> детерминирует проблему, которую несет Ислам для западной демократии не в теологических, а в политических и юридических терминах. В Швейцарии каждый закон демократически легитимизирован в отличие от законодательств других европейских стран. Это означает, что закон может меняться, в зависимости от требований народа. Исламское религиозное право есть непреложная, автономная истина. Шариат не подлежит пересмотру. «Швейцарская Народная Партия» видит не допущение исламизации своей страны как противостояние антидемократическим принципам, так как Ислам – это одновременно религия, государство, общество, организация жизни и закон. «Швейцарская Народная Партия» поднимает не столько вопросы междивизиацион-

ного столкновения, сколько возмущение по поводу контроля над частной жизнью, что ведет к укоренению модели поведения людей, не свойственной гражданам светского государства. Обращение к индивидуалистическому самосознанию прибавляет очки этой праворадикальной партии. Праворадикалы чувствуют требования своих избирателей и следуют им в своих политических речах и действиях, что и закрепил в концепции политического реализма Ганс Моргентау. По инициативе «Швейцарской Народной Партии» введение запрета на строительство минаретов было вынесено на референдум 29 ноября 2009 г.<sup>8</sup>, и его итоги привели к поправке в конституции и отказу в строительстве новых минаретов.

«Национал-демократическая партия Германии»<sup>9</sup> противоположно идеям «Швейцарской Народной Партии» провозглашает отказ от утопии просвещения и демократических свобод, но также настаивает на ликвидации мультиэтнического общества. «Австрийская Партия Свободы» в конфликте нравственного завета и политического требования, описанном Моргентау, придерживается крайности. Она известна тем, что некоторые ее члены симпатизируют нацистскому прошлому Австрии. Хотя наблюдатели считают официальные высказывания этой партии скорее популистскими, чем националистическими, и основанными на шовинистических настроениях публики для привлечения дополнительных голосов.

Соотнеся политические реалии с традиционными фламандскими ценностями, бельгийская партия «Фламандский интерес» стала на позиции пропаганды расизма, за что была привлечена к ответственности апелляционным судом Бельгии 9 ноября 2004 года<sup>10</sup>. Интересно, что партия, программа которой строится на националистических обещаниях была поддержана голосами евреев, потому как много личного внимания «Фламандским интересом» уделялось хасидской общине Антверпена. Политическая власть, по Гансу Моргентау, заключается в психологических отношениях между тем, кто ее осуществляет и тем, над кем она осуществляется. Иногда эта взаимосвязь больше чем просто влияние на умы, и соотношение власти – подчинения, отвечающие за иерархию в обществе, уходя в архаическое значение слова «власть» перверсируется в антагонизм сильного и слабого. Сегодня в Европе на ролях слабых выступают те слои населения, которых отличает инаковость. В размышлениях об иммигрантах как о других, непохожих забываются принципы равенства и справедливости в угоду выходу энергии масс, вспомнивших про активную гражданскую позицию. С одной стороны, оборона против иммиграции спланирует нацию, что делает ее авторитетным игроком на международной арене,

исходя из трактовки Ганса Моргентау. С другой стороны, втягивание в националистическую полемику отвлекает внимание от всех остальных проблем.

Властями Португалии «Партии Национального Обновления»<sup>11</sup> вменялись распространение идей дискриминации по расовому, религиозному и сексуальному признаку, в пропаганде насилия против отдельных групп, таких как иммигранты и гомосексуалисты. Также партия была обвинена в связях с ультраправыми вооруженными группами. Деятельность «Партии Национального Обновления» – пример консолидации против групп, отличных от большинства.

Аморально называть каждого приезжего нарушителем закона, но норвежская «Партия прогресса» прославилась тем, что на плакате своей предвыборной кампании изобразила преступника, направляющего пистолет на смотрящего, подписав: «Преступник – иностранец». Даже несмотря на такой казус и вероятное соответствующее отношение к мигрантам, выступая за ужесточение иммиграционного контроля и дозволения пребывать на территории Норвегии только тем, кто нуждается в защите согласно Конвенции ООН по беженцам, «Партия прогресса» удается балансировать между политикой и моралью.

Интерес, определяемый как власть / сила, – объективная, универсально обоснованная категория, но не потому, что она якобы установлена раз и навсегда; содержание и способ властвования обусловлены политическим и культурным контекстом. Крайне правые понимают и принимают в определенной мере тенденции современности. Так, они в своих настроениях адаптировались под ЕС. ЕС – новая модель политического существования. Праворадикалы не против политического блока как такового, но против его бюрократической, чиновничьей формы.

Ответом на устаревшие социалистические лозунги было создание во Франции партии «Национальный Фронт»<sup>12</sup>. Ее основатель Жан-Мари Ле Пен учел доказанную исторически несостоятельность социализма и предложил альтернативу – нечто вроде гремучей смеси революционного национализма и консерватизма. Сегодня главный аргумент в программе партии «Национальный Фронт» – это цифры числа приезжего населения и сумм миллиардов евро, которые уходят из годового бюджета на иммиграцию. Пожалуй, самым важным элементом программы «Национального Фронта» является его откровенно антиевропейская позиция. Лепеновцы уверяют, что институты ЕС проникают повсюду, и при содействии европейских государств прибирают себе их компетенции практически во всех областях жизни, в политике, экономике, социальной и культурной жизни.

Норвежская «Партия прогресса»<sup>13</sup> дистанцировалась от антиисламских настроений после теракта, совершенного Андерсом Брейвиком, который был членом этой партии. Хотя жертвами теракта в большинстве были не мусульмане, «Партия прогресса» предпочла отстраниться от любого намека на экстремизм. «Британская Национальная Партия», французский «Национальный Фронт», голландская и австрийская «Партии Свободы», «Истинные финны» и другие влиятельные европейские праворадикалы перешли на активную вербовку сторонников в рядах евроскептиков, число которых быстро растет по мере углубления кризиса в ЕС. Вместо нападок на хиджабы и минареты ультраправые сосредоточились на критике Брюсселя и евробюрократов. Конфликт религии – светскости трансформировался в противостояние Севера – Юга. Дефолт еврозоны заменил разговоры об исламизации Европы, а нежелающие затягивать пояса греки — нежелающих интегрироваться мигрантов-мусульман.

Основной признак политического реализма – концепция интереса, определяемого в терминах власти/силы, которая рационально упорядочивает предмет политики, тем самым делая возможным ее теоретическое понимание. Защита национальных интересов – приоритет политических программ праворадикальных партий. Одним из пунктов предвыборной программы «Датской Народной Партии» является увеличение расходов на оборону. Во внешней политике «Датская Народная Партия» руководствуется позициями сохранения суверенитета всеми возможными способами. Члены партии категорично против вступления в зону евро, за сохранение национальной валюты. Весомым шагом в сторону защиты национальных интересов не только в своей стране, но и во всем мире можно считать требование «Датской Народной партии» международного признания независимости Тайваня, Тибета.

Мотивируя реформы в иммиграционном законодательстве Франции переизбытком иностранцев из бедных стран, «Национальный Фронт» рекомендует ввести в привычку проведение евроафриканских конференций для выработки мер, способствующих постепенному оттоку иммигрантов домой, не только Франции, но и сопричастных стран. Как это ни парадоксально, защита национальных интересов может выходить за рамки одного государства. Вроде бы, государство должно отстаивать не только свои интересы, но и принимать другие. Но в концепции политического реализма Г. Моргентау международные отношения определяются как борьба за власть и влияние, внешняя политика строится на лоббировании исключительно своих интересов. Государство может уважать интересы других госу-

дарств не сами по себе, а исходя из выгоды взаимного уважения собственных интересов другими странами.

Ганс Моргентау провозгласил отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами, т.е. ни одно государство не обладает монопольным правом на добродетель, на установление того, «что хорошо, а что плохо» с моральной точки зрения; именно концепция интереса предотвращает злоупотребления такого рода. В связи с этим праворадикалы Западной Европы признают наличие и главенство интереса каждого из игроков международной арены без геополитического господства Европы в целом. Все страны Европы роднит идентичность, но интересы у всех разные. Политическая партия «Истинные финны» критически относится к ЕС и НАТО, поскольку считает, что Финляндия обладает всеми необходимыми ресурсами для обеспечения благосостояния своих граждан. В лозунгах «Истинных финнов», прерогатива для суверенного государства – иметь возможность максимально противостоять влиянию извне и самостоятельно решать, как создать условия для процветания своей страны.

«Шведские демократы» расценивают либеральную миграционную политику, исламизацию, глобализацию, распространение американских культурных стандартов как угрозу для шведской культуры. Их пугают признаки сверхдержавности, приписываемые Европейскому Союзу. Бывший лидер «Австрийской Партии Свободы» Йорг Хайдер возмущался тем, что ЕС бездействовал в отношении кавказского вопроса в России, но вмешивался в результаты демократического волеизъявления австрийских граждан.

Строительство мирового порядка на фундаменте универсальных ценностей представляется для Г. Моргентау эфемерным. Невозможно назначить государство-полицейского или государство-судью в том смысле, чтобы оно исполняло обязанности инстанции, которая контролирует и наказывает по справедливости. Poleмика о справедливости вообще носит философский характер. В некоторых случаях вопрос о беспристрастности осуждения того или иного действия может быть снят ввиду очевидной однозначной оценки. И все равно плюрализм мнений подкрепляет пункт Г. Моргентау о тщетности создать систему взаимоотношений, основанную на добродетели. Существование разносторонних связей с противоположными требованиями позволяет сконструировать базис, сочетающий сдержки и противовесы, устанавливающий баланс интересов. Поэтому изоляционистские силы, не поддерживающие глобальные институты, тоже имеют возмож-

ность выражать свои мысли, и проводником изложения их мировоззрения выступает партия.

Политическая сфера является автономной. Политика – самостоятельная сфера действий, отдельная от экономики, этики, эстетики и религии. В политике нет места чувствам. Европейские праворадикалы допускают межгосударственные конфликты как площадки встреч суверенных интересов, в то же время ставя себе цель максимальную безопасность своего государства. «Национальный Фронт» указывает на правомерность отделения Франции от ЕС. Ключевой момент, который забывается в речах о глобализации и интеграции, – это суверенность территории государства. Шенгенское соглашение передает Евросоюзу полномочия в области политики иммиграции, что непозволительно для Франции. Возврат национальных границ – приоритетный пункт программы партии.

Лидер нидерландской «Партии Свободы» бывший либерал Герт Вилдерс считает главной идеей партии запрет иммиграции. В своих речах он говорит о крестовом походе против исламизации Голландии. По Моргентау, в политике достижение целей проектируется с позиции силы. В международных отношениях угроза применения военных сил является важнейшим материальным ресурсом, определяющим мощь нации. Неизвестно, мог бы Герт Вилдерс дойти до вооруженного конфликта, если бы у него были ресурсы, ведь он был обвинен в оскорблении религиозных объединений мусульман и разжигании ненависти к иммигрантам. О возможности открытых столкновений можно судить по его фразе: «Старый Свет с его торжеством клинического пацифизма расплодившимися гуманистами и «общечеловеками» превратился в главный бастион бесплатных адвокатов и ментальных союзников исламистов»<sup>14</sup>.

Вопрос об угрозе реанимации фашистского режима в странах Европы на повестке дня не стоит. Имеет место угроза националистического популизма. Факт провала политики мультикультурализма в странах Старого Света усугубляет положение, но отражается только в лозунгах и программах политических партий. Толерантность как культурная практика поддерживается большинством населения европейских стран, вне зависимости от их партийной принадлежности. Праворадикалы и основатель теории политического реализма Ганс Моргентау сходятся в том, что внешняя политика государства должна опираться на физическую, политическую и культурную реальность, помогающую осознать природу и сущность национального интереса, а такой реальностью выступает нация.

---

<sup>1</sup> О Гансе Моргентгау см.: Bain W. Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered / W. Bain // Review of International Studies. – 2000. – Vol. 26. – No 3. – P. 445 – 464; Behr H., Heath A. Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism / H. Behr, A. Heath // Review of International Studies. – 2009. – Vol. 35. – P. 327 – 349.

<sup>2</sup> О правых партиях в Европе см.: Тэвдой-Бурмули А.И. Правый радикализм в Европе / А.И. Тэвдой-Бурмули. – (<http://right-world.net/news/475>)

<sup>3</sup> В качестве своеобразного введения в изучение правых партий можно использовать интернет-проект «Правый мир», хотя большая часть опубликованных в его рамках материалов носит проправый характер. Тем не менее, проект содержит общую информацию о правых партиях, краткие сведения о лидерах и ссылки на официальные сайты партий. См.: Правый мир. – (<http://right-world.net/>)

<sup>4</sup> О Датской Народной Партии см.: Датская Народная Партия. – (<http://right-world.net/countries/dansk/dfp>)

<sup>5</sup> <http://www.danskfolkeparti.dk> – официальный сайт партии

<sup>6</sup> Церкви закрываются, минареты строятся. – ([http://religion.ng.ru/events/2009-09-16/3\\_mecheti.html](http://religion.ng.ru/events/2009-09-16/3_mecheti.html))

<sup>7</sup> <http://www.svp.ch> – официальный сайт партии

<sup>8</sup> Запрет на строительство минаретов в Швейцарии. – (<http://www.dibit.ru/gday/day/11/29/index.html>)

<sup>9</sup> <http://www.npd.de> – официальный сайт партии

<sup>10</sup> Бельгия: иммигранты – это Троянский конь! – (<http://sworntometal.livejournal.com/173101.html>)

<sup>11</sup> <http://www.pnr.pt> – официальный сайт партии

<sup>12</sup> <http://www.frontnational.com> – официальный сайт партии

<sup>13</sup> <http://www.frp.no> – официальный сайт партии

<sup>14</sup> Необыкновенный фашист. – ([http://www.chaskor.ru/article/neobyknovennyj\\_fashist\\_20707](http://www.chaskor.ru/article/neobyknovennyj_fashist_20707))

## НАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ РЕРИХА

*Вопросы национального самосознания всегда интересовали учёных и общественных деятелей. Данная статья посвящена рассмотрению идеи национального в контексте литературного творчества видного мыслителя, художника и общественного деятеля Николая Рериха. Автор показывает, что идеи Н.Рериха сложились под воздействием его детских впечатлений и развивались преимущественно в идеалистическом ключе.*

**Ключевые слова:** Николай Рерих, образ отечества, национализм, интеллектуальная история

*Питання національної самосвідомості завжди цікавили вчених і громадських діячів. Ця стаття присвячена розгляду національної ідеї в контексті літературної творчості відомого мислителя, художника і громадського діяча Ніколая Реріха. Автор показує, що ідеї Н. Реріха склалися під впливом його дитячих вражень і розвивалися переважно в ідеалістичному ключі.*

**Ключові слова:** Ніколай Реріх, образ вітчизни, націоналізм, інтелектуальна історія

*Scientists and political figures are always interested in aspects of national self-consciousness. This paper is devoted to the study of national ideas in the context of outstanding thinker, artist and public figure Nicolay Roerich' literary work. The author outlines that the ideas of Nicolay Roerich have formed under the influence of his childhood impressions and developed mainly in idealistic key.*

**Keywords:** Nikolai Roerich, image of motherland, nationalism, intellectual history

Интеллектуалы всегда интересовались поиском и конструированием образов народов и наций<sup>1</sup>. На рубеже XIX – XX вв. подобные рефлексии становятся особенно популярными. Доктрина европоцентризма, колониальная политика европейских держав, идеи превосходства одних наций над другими подвергаются тщательному осмыслению в умах учёных. С ростом колониальных завоеваний росло национальное самосознание. Отечественная исследовательница Е.Н.Моисеева, анализируя феномен национализма, подчёркивает, что «и сторонники колониальной экспансии, и её противники считали себя патриотами, использовали националистические призывы, оперировали в своих речевых оборотах концептом “нация”. Без этого они не могли рассчитывать на поддержку в обществе»<sup>2</sup>. Одним из таких патриотов гражданского толка, интересующихся поисками места России и русского народа в мировом сообществе, был видный художник, мыслитель, общественный деятель и просветитель Николай Константинович Рерих.

Тексты Николая Рериха (дневники, легенды, сказки, личная переписка и пр.) и национальное в них не стали предметом исследования отечественных учёных-историографов. Доминировавшая в СССР марксистско-ленинская парадигма занималась изучением и популяриза-

цией преимущественно политической истории / истории Коммунистической Партии СССР, оставив в стороне такой пласт исторической науки, как интеллектуальная история. Позднее, с исчезновением «железного занавеса» интерес к творчеству Рериха возобновляется, однако отсутствие культуры исследований и профессиональных переводов его работ на русский язык значительным образом повлияли на восприятие Рериха его соотечественниками: одни считали его пророком, другие – белым эмигрантом, третьи – масоном, четвёртые – предателем и беглецом...

Данная статья является попыткой проанализировать суть литературного творчества Николая Рериха в контексте конструирования образа отечества и национального самоопределения русского этноса.

Патриотизм Рериха тесно связан с природой его малой родины, имения отца Извара. В своих дневниках он с большой теплотой пишет о речке Изварке, о живописных окрестностях имения. Общение Рериха с природой пробуждает заложенный в нём творческий потенциал. Именно в Изваре художник создаёт свои первые полотна. Особенно часто, как бы переосмысливая и оценивая свой жизненный путь, Рерих в своих дневниках возвращается к отцовскому имению: «Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях. При этом нередко названия относятся к какому-то уже неведомому, неупотребляемому языку. <...> Конечно, если люди обычно уже не знают, как сложилось название их дедовского поместья, то насколько же невозможно уловить тысячелетние причины». Тема природы проходит красной нитью через всю жизнь мыслителя. Рерих искренне не понимает, как живую природу можно подменять природой, искусственно созданной человеческими руками: «Сильно в человеке безотчётное стремление к природе. <...> человек не гнушается пользоваться пародиями на природу – садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека»<sup>3</sup>. В одном из дневников Рерих вспоминает свою беседу с индийцем, который пожаловался художнику на отсутствие в Индии архитекторов: «Если нет архитектора, - возразил Рерих, - дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы»<sup>4</sup>.

Уже в раннем, русском периоде творчества Рериха<sup>5</sup> прослеживается ностальгия по прошлому, в своём сознании он как бы абстрагируется от текущей действительности, регрессирует в прошлое, к истокам отечества, к Древней Руси. Рерих предполагает, что всё то лучшее, что было в прошлом, можно перенести в настоящее. Это касается

духовных традиций, национальной памяти, фольклора, древних городищ<sup>6</sup>. Историческое время, по мнению Рериха, должно быть организовано таким образом, чтобы ни при каких условиях не стиралась национальная память, «память предков». Анализируя процесс историко-написания, С.И.Маловичко указывает на то, что «историческое прошлое известно нам не одно, и оно является риторическим конструктом настоящего. Поэтому образы, а не события становятся объектами изучения историков постмодерна»<sup>7</sup>. Уточним, к образам как объектам исследования интеллектуалы обращались во все эпохи, и одним из таких интеллектуалов был Николай Рерих.

Историческая память Н.Рериха формировала его национальную идентичность. Неутолимая жажда самообразования Рериха-исследователя (его юношеские увлечения археологией, всеобщей историей, мифологией, философией) толкала его на поиски себя, своей идентичности и места в историческом процессе. П.Ф. Беликов, оценивая творчество Рериха, говорит: «Опираясь на исторические источники, Николай Константинович писал о достижениях славянских племён в далёком прошлом, об их общественно-государственной структуре и высоком уровне культурной жизни»<sup>8</sup>.

Рерих убеждён, что в первую очередь традиции определяют духовную атмосферу города и нации. Культурный прогресс и сохранение культурных ценностей нации первичны. Культурное развитие, по мнению Рериха, невозможно без осознания своей национальной идентичности. Именно поэтому художник ратует за сохранение культурных объектов несмотря на политическую обстановку в мире<sup>9</sup>, а после происшествия в Синцзяне в 1926 году завещает свои картины супруге, Елене Ивановне, «после же неё всё указанное имущество завещаю Всесоюзной Коммунистической партии. Единственная просьба, - продолжает живописец, - *чтобы предметам искусства было дано должное место* [курсив мой – А.Д.], соответствующее высоким задачам коммунизма».

Рериху близок тезис Л.Н.Толстого о «непротивлении злу насилием». При том что художник выступает за сохранение культурного наследия наций, он проявляет себя как решительный противник национализма гражданского толка, ведущего к разобщённости и человеческим жертвам. В своём дневнике, говоря о единстве наций, Рерих в присущей ему образной манере описывает национальное самосознание народов: «Мрачный Сэт разбросал по всему миру части тела Озириса. Неутешная Изида собирает воедино это тело – какая же радость возникает, когда вновь всё расчленённое соберётся вместе, целостно»<sup>10</sup>. Объединение наций должно основываться на примате духовно-

го: «О каком же таком целостном теле, о каком единении всемирном говорится от древнейших времён? Ведь не в том дело, чтобы все люди стали как один телесно. Не в том дело, чтобы порушились все стены домов и жизнь всемирная стала бы как в стеклянной бутылке. Очевидно, всегда, испокон веков, мыслилось о духовном единении».

Ещё один сюжет, связанный с конструированием образа отечества, представлен в литературном творчестве Николая Рериха рассуждениями о языке как некоей пластичной конструкции, которая влияет на будущее/прошлое и может меняться с течением времени сама. Русский язык Рерих сравнивает с певучим древнегреческим и санскритом. По мнению Рериха, из всех славянских языков русский самый красивый и выразительный, русский язык – «кормило» языков славянских.

Рериха-мыслителя не может не волновать тема образования. «Государство, направленное к созиданию, к позитивному решению житейских проблем, не может игнорировать положение учителя, – утверждает учёный, – Игнорируя положение педагога, государство будет игнорировать положение всего своего юношества. Конечно, педагог, погружённый в образовательную, требующую сосредоточения работе, – продолжает учёный, – является наименее протестующим элементом... Ведь люди хотят, чтобы учитель не только преподавал хорошо, чтобы не только обладал постоянно пополняемыми сведениями, но чтобы учащиеся любили своего учителя. Любовь неразрывна с уважением, и само государство обязано создать для педагогов особо уважаемое положение»<sup>11</sup>.

На наш взгляд, Николая Рериха не совсем корректно считать пророком или мессией. Основываясь на собственном опыте, личностном восприятии / конструировании действительности и глубочайших познаниях в самых разных областях человеческой мысли, Рерих-исследователь обозначает ряд мировоззренческих вопросов, актуальных во все времена и эпохи. Рерих предполагает, что решением поставленных им проблем будут заниматься грядущие поколения. При некоторой субъективности его взглядов, нравственные максимы Николая Рериха не потеряли своей актуальности и в наши дни.

---

<sup>1</sup> См. например: Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М., 2001

<sup>2</sup> Моисеева Е.Н. Националистическая риторика во французском национальном дискурсе последней трети XIX в. / Е.Н. Моисеева // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 25-27 апреля 2008 г.). – Ставрополь – Пятигорск – Москва, 2009. – С.192

<sup>3</sup> Рерих Н.К. Боль планеты. Гималаи / Н.К. Рерих // Рерих Н.К. Держава света / Н.К. Рерих. – М., 2007. – С. 246.

- 
- <sup>4</sup> Рерих Н. Алтай – Гималаи: дневники, статьи / Н. Рерих. – М., 2010. – С.155.
- <sup>5</sup> Исследователи творчества Рериха условно разделяют его жизнь на русский и индийский периоды. Об этом подробнее см.: Сидоров В. На вершинах. Творческая биография Н.К.Рериха / В. Сидоров // Врата в будущее. – М., 1990. – С. 21 – 24.
- <sup>6</sup> Подобным занимались и другие националисты по всей Европе. См. например: *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge University Press, 1983.
- <sup>7</sup> Маловичко С.И. Государственная история в ситуации (пере)осмысления / С.И. Маловичко // Национальная идентичность в проблемном поле... – С.38
- <sup>8</sup> Беликов П.Ф. Н.К. Рерих. Биографический очерк / П.Ф. Беликов // Н.К.Рерих. Из литературного наследия. – М., 1974. – С.21.
- <sup>9</sup> Во время Первой мировой войны Рерих выступает с резкой критикой уничтожения культурных памятников на оккупированных территориях.
- <sup>10</sup> Обращение Рериха к египетскому, буддийскому, славянскому пантеону богов шло вразрез с официальным марксистско-ленинским дискурсом, по этой причине литературное творчество учёного в СССР долгое время было под запретом; рериховские общества и кружки подвергались гонениям, их участники жёстко преследовались.
- <sup>11</sup> Рерих Н. Учительство / Н. Рерих // Держава света. – С. 252.

# ОБЗОРЫ

И.В. Форот

## ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

статья первая

### Западные и восточные национализмы

*В данной статье анализируются основные проблемы национализма, наций и идентичности в работах воронежского исследователя Максима Кирчанова. Максим Кирчанов – автор нескольких монографий о национализме. Тематика и география работ Максима Кирчанова широка. Кирчанов анализирует проблемы национализма, идентичности, националистического воображения в Бразилии, Индонезии, Латвии, Беларуси и других странах. Методологически и теоретически работы М. Кирчанова принадлежат к модернистскому (конструктивистскому) дискурсу.*

*У цій статті аналізуються основні проблеми націоналізму, націй і ідентичності в роботах воронезького дослідника Максима Кирчанова. Максим Кирчанів – автор декількох монографій про націоналізм. Тематика і географія робіт Максима Кирчанова широка. Кирчанів аналізує проблеми націоналізму, ідентичності, націоналістичної уяви в Бразилії, Індонезії, Латвії, Білорусі і інших країнах. Методологічно і теоретично роботи М. Кирчанова належать до модерністського (конструктивістському) дискурсу.*

*The main problems of nationalism, nations and identity in the works of Voronezh scholar Maksym W. Kyrchanoff is analyzed in this article. Maksym Kyrchanoff is the author of a few monographs about nationalism. The works of Maksym Kyrchanoff is characterized by wide subject and geography. Kyrchanoff analyses the problems of nationalism, identity, nationalistic imagination in Brazil, Indonesia, Latvia, Belurus and other countries. Methodologically and theoretically the works of Maksym Kyrchanoff belong to modernistic (constructivist) discourse.*

**Ключевые слова:** историография, исследования национализма, Россия, конструктивизм, модернизм

**Ключові слова:** історіографія, дослідження націоналізму, Росія, конструктивізм, модернізм

**Keywords:** historiography, nationalism studies, Russia, constructivism, modernism

Кирчанов М.В. Imagining England. Национализм, идентичность, память / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 204 с.

Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.

Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 295 с. ISBN 978-5-98222-365-4

- Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação*. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с. ISBN 978-5-98222-364-7
- Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – 163 с.
- Кирчанов М.В. *Zemnieki, latvieši, pilsoņi*: идентичность, национализм и модернизация в Латвии / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 204 с. ISBN 978-5-98222-461-3
- Кирчанов М.В. Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 250 с. ISBN 978-5-98222-472-9
- Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 179 с. ISBN 978-5-98222-487-3
- Кирчанов М.В. «И снова утвержу свой Сион»: религиозный и секулярный национализм в Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2010. – 211 с. ISBN 5-00-001635-1
- Кирчанов М.В. [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ. 2010. – 183 с.
- Кирчанов М.В. Интеллектуальная история белорусского национализма. Краткий очерк / М.В. Кирчанов / под ред. А.Е. Тараса. - Смоленск: "Посох", 2011. - 212 с.: Иллюстрации (Неизвестная история)

Среди динамично развивающихся направлений гуманитарного знания в современной России особое место занимают исследования национализма. Возникшие в начале 1990-х годов, пришедшие на смену критике буржуазного национализма, испытавшие мощнейшее теоретическое и методологическое влияние западных гуманитарных наук, к концу 2000-х годов национализмоведаческие штудии превратились в одну из наиболее динамично развивающихся отраслей гуманитарного знания. В современной России выходят несколько специализированных изданий, посвященных национализму: в 1998 году началось издание первого специально посвященного проблемам национализма журнала «Ab Império», в 2010 году начал выходить общественно-политический и научный журнал «Вопросы национализма», с 2012 года издается «Российский журнал исследований национализма». В России защищаются диссертации, посвященные национализму. Национализм стал популярной темой исторических и политических исследований. В центре настоящего обзора – публикации воронежского исследователя М.В. Кирчанова, посвященные проблемам национализма и развития идентичности.

Работы М.В. Кирчанова, посвященные национализму, затрагивают широкий круг вопросов, их характеризует широкая география. В центре внимания М.В. Кирчанова – различные вопросы и проблемы

развития и функционирования национализмов и идентичностей в Латвии, Бразилии, Англии, Индонезии, Средней Азии, на Балканах, в различных регионах Российской Федерации.

Остановимся на особенностях восприятия и анализа национализма М.В. Кирчановым, которые отражены в его исследованиях.

В книге посвященной английскому национализму (2008) М.В. Кирчанов стремится позиционировать себя как убежденный конструктивист, сторонник преимущественно модернистского понимания и прочтения нации, хотя книга открывается разделом, посвященным проблемам развития идентичности в тексте «Церковной истории народа англов». В последующих разделах М.В. Кирчанов описывает основные проблемы и направления развития идентичности в Англии, рассматривая процесс формирования английской нации. По мнению М.В. Кирчанова, особую роль в формировании английской идентичности играл религиозный фактор, а также связанные с ним события – Реформация, создание Англиканской Церкви, Английская Революция. Особое внимание в работе М.В. Кирчанова было уделено событиям XVI столетия, которые, по мнению автора, стимулировали развитие английского национального самосознания. В связи с этим М.В. Кирчановым анализируются как художественные, так и религиозные тексты, например – проповеди Х. Лэтимэра – источник, который не относится к числу популярных и часто цитируемых российскими исследователями национализма.

Рассматривая проблемы развития английской идентичности в Раннее Новое Время и в Новое Время, М.В. Кирчанов предпринимает попытку использовать теории сосуществования «высоких» и «низких» культур, культур разных сословий, которые рассматриваются в контексте трансформации традиционных культурных и религиозных ценностей в протонационализм, приведший в итоге к формированию английской современной нации. Формирование последней М.В. Кирчанов связывает с Английской революцией, которая в его книге предстает не как буржуазная, а как национальная. Анализируя революцию XVII века, М.В. Кирчанов отходит от доминирующих в российской историографии социально-экономических и политических объяснений, полагая, что революция стимулировалась преимущественно религиозными причинами, приведя к формированию новые концептов и версий английской идентичности, которые развивались в преимущественно религиозной системе координат. Интересна и попытка М.В. Кирчанова рассматривать Английскую Республику как прообраз современного Государства-Нации, национального государства. Значительной оригинальностью отличаются и те страницы в книге, которые посвящены

проблемам психического здоровья англичан в XVII столетии в контексте небывалого роста религиозности и религиозного фанатизма. Бесспорно, интересными следует признать попытки М.В. Кирчанова связать формирование национализма с динамикой развития религиозности и массовых религиозных представлений.

Некоторые работы М.В. Кирчанова имеют в качестве своей цели изучение национализма в Латинской Америке.

Исследование «*Ordem e Progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке*» (2008), хотя и имеет бразильский текстообразующий стержень, тем не менее, носит в значительной степени обзорный характер. В исследовании 2008 года М.В. Кирчанов предпринимает одну из своих первых попыток соединить, казалось бы, несоединяемое – латиноамериканистику и исследования национализма. Поэтому в книге и содержатся теоретические разделы, в которых М. Кирчанов пытается показать возможность и правомерность национализмоведаческих штудий в латиноамериканистской перспективе. Например, М. Кирчанов, используя методы, применяемые при изучении европейских национализмов, пытается анализировать проблемы развития национальной и исторической памяти в Чили. Особое внимание М. Кирчановым, активно использующим, по собственному признанию и определению «нарративные» источники (в данном случае речь идет о художественных текстах), уделено и бразильской проблематике: им, в частности, рассматриваются проблемы и направления развития нации в Бразильской Империи, особенности формирования образов Другого, историческое воображение.

Эти сюжеты получили свое дальнейшее развитие в монографии «*Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)*», опубликованной также в 2008 году. «*Império, Estado, Nação*» стало первой попыткой описать и проанализировать основные проблемы, связанные с историей Империи в Бразилии, на русском языке. Книга содержит главы как теоретического, так и конкретно исторического характера. М. Кирчанов дает краткий очерк методологии имперских штудий, рассматривая возможность их использования для изучения истории Империи в Бразилии. Особое внимание в этой работе М. Кирчанова уделено использованию теоретического подхода, предложенного в первой половине 1980-х годов Б. Андерсоном в ставших классическими «*Воображаемых сообществах*». М. Кирчанов анализирует как и каким образом Бразильская Империя «воображалась» бразильскими и иностранными интеллектуалами. В исследовании М. Кирчанова, посвященном Империи, затронуты также проблемы соотношения на-

ционального, социального, расового и гендерного факторов. М. Кирчанов анализирует различные формы идентичности, их отражение в интеллектуальной традиции, в первую очередь – в литературных произведениях.

В 2009 году имперская проблематика получила развитие в монографии «Руритания vs Мегаломания», в которой вновь рассматривается возможность использования западных теорий национализма для изучения Бразилии. Основное внимание в этом издании М. Кирчанов уделяет столь любимыми им нарративным источникам – литературным произведениям болгарских писателей XX века, которые, по его мнению, отражают основные направления развития идентичности и национализма в Бразилии, но и широкий круг проблем (расовый вопрос, социальные противоречия, гендер и т.д.), которые характеризовали развитие бразильской политической нации. В 2009 году вышла другая «бразильская» монография М.В. Кирчанова «Авторитаризм, национализм и политический протест». В этом издании автором рассматриваются различные проблемы, связанные с развитием и функционированием бразильской политической, гражданской нации в XX столетии. В центре внимания М. Кирчанова – проблемы и направления политической модернизации. Гражданская нация позиционируется им как не только воображаемое сообщество, но и как результат сложных и противоречивых социальных трансформаций, культурных перемен и политических процессов. Кирчанов анализирует различные концепции и теории развития бразильской нации, уделяя особое внимание как правой, так и левой политической традиции.

В своих исследованиях М.В. Кирчанов уделяет немалое внимание и проблемам развития восточноевропейских национализмов.

В 2009 году вышла монография М. Кирчанова «*Zemnieki, latvieši, pilsoņi*: идентичность, национализм и модернизация в Латвии», которая написана на основе его кандидатской диссертации, защищенной в 2006 году. В этой книге представлен краткий очерк зарождения и развития современной латышской нации. Особое внимание М.В. Кирчановым уделено проблемам генезиса и возникновения нации, трансформации традиционных крестьянских сообществ. М. Кирчанов полагает, что нация в Латвии стала результатом деятельности латышских националистически ориентированных интеллектуалов. В книге анализируются различные аспекты отношений латышских националистов с балтийскими немцами и русской имперской администрацией, рассмотрены проблемы функционирования латышской тематики в русском имперском националистическом воображении начала XX столетия, показан процесс постепенной активизации латышского нацио-

нального движения в годы первой мировой войны, его радикализация и борьба за создание независимого государства.

В 2011 году в Смоленске вышла книга М.В. Кирчанова «Интеллектуальная история белорусского национализма». Эта книга в значительной степени отличается от других работ М. Кирчанова своим научно-популярным характером, возникшем в результате значительной, порой – радикальной, правке, которой был подвергнут текст книги ее редактором – белорусским книгоиздателем А. Тарасом. Анализируя «беларуский» [так в тексте М.В. Кирчанова – И.Ф.] национализм, используя при этом преимущественно художественные тексты, М. Кирчанов кратко рассматривает проблемы его генезиса, сосредотачивая основное внимание на различных теориях и концепциях, которые на протяжении XX века предлагались, выдвигались и развивались белорусскими националистами. В книге рассмотрены не только классические теории белорусского национализма, но и их современные версии. Особое внимание уделено проблемам развития национализма в среде белорусской эмиграции. Интересной следует признать попытку М.В. Кирчанова проанализировать постколониальные формы и измерения современного белорусского национализма.

Часть работ, опубликованных М.В. Кирчановым, затрагивает вопросы, связанные с развитием национализма на Востоке.

В 2008 году вышла работа «Воображая и (де)конструируя Восток», посвященная как теоретическим проблемам формирования и развития восточных образов в России, так и некоторым восточным национализмам. Особое внимание в этой книге уделено теории – ориентализму, а также различным отечественным – советским и российским – восприятиям Востока. М. Кирчанов предпринимает интересную, но спорную попытку, проанализировать некоторые интеллектуальные течения, связанные с восприятием Востока и восточного в Европе (в Болгарии и Сербии), а также в России. Из условно «восточных» национализмов особое внимание уделено проблемам развития индонезийского национализма. Интересными и безусловно оригинальными следует признать те разделы книги, которые посвящены Балканам. М.В. Кирчанов анализирует интеллектуальные дебаты между болгарскими интеллектуалами, рассматривая, как менялась «воображаемая география» в этом регионе.

Индонезийская тематика получила развитие в монографии М.В. Кирчанова «Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке», опубликованной в 2009 году. Как и в других случаях, эта книга начинается со своеобразных методологических оправданий, видимо, настолько у автора велик страх оказаться непонятым коллегами. Именно

поэтому во Введении М. Кирчанов пытается объяснить причины использования методов западного национализмоведения для изучения Индонезии. Анализируя индонезийский национализм, М.В. Кирчанов ограничивается почти исключительно XX столетием, начиная с роста националистического движения в 1920-е годы. Особое внимание автор уделяет проблемам соотношения и одновременного развития различных политических культур в будущей Индонезии. Центральными сюжетами в книге являются те, что связаны с проблемами политической модернизации во второй половине XX века. Значительное место отведено анализу авторитарной модели политической модернизации. Рассматривая проблемы, связанные с развитием индонезийского национализма, М. Кирчанов не мог не уделить внимание и исламскому фактору. В книге представлен широкий спектр сюжетов, связанных с изменением роли ислама в трансформирующемся и модернизирующемся обществе Индонезии – от радикального ислама как одной из альтернатив политическому авторитаризму до либеральных течений в исламе 2000-х годов. По прочтении этой монографии невольно может возникнуть ощущение несоответствия заглавия и тематики – может показаться, что эта книга о модернизации, но не о национализме. Это, вероятно, иллюзия, вызванная спецификой рецензируемой работы, которая действительно посвящена национализму, формирования индонезийской политической нации. Этот диссонанс ожиданий и результатов, вероятно, вызван тем, что сама манера авторского анализа описываемых проблем основана на западных теориях нации как явления политического и гражданского.

В 2010 году выходит очередная монография М.В. Кирчанова «[Пост]колониальные ситуации», которая продолжает развивать только намеченные в книге 2008 года среднеазиатские сюжеты. В этой книге М. Кирчанов не оригинален только во Введении – остальные части работы представляют собой оригинальные и интересные попытки изучения среднеазиатских национализмов. Во Введении М. Кирчанов в очередной раз пытается обосновать теоретическую возможность использования методов национализмоведения для изучения среднеазиатской проблематики. Используя, с одной стороны, методы постколониализма, предложенные Эдвардом Саидом, и методологический инструментарий истории идей, М. Кирчанов рассматривает, как в политическом воображении интеллектуалов среднеазиатских республик СССР развивались образы самости и концепты инаковости. Особое внимание М. Кирчанов уделит фактору исторического воображения, попыткам наделения среднеазиатских наций национальными историями, пусть – и усеченными, выдержанными и написанными в

соответствии со всеми формальными и негласными требованиями советского историографического канона. Оригинально и безусловно чрезвычайно интересной следует признать главу, посвященную развитию среднеазиатских республик СССР в контексте теории государства и права. Иными словами, М. Кирчанов поставил вопрос, в какой степени и насколько советские республики можно считать национальными государствами.

Среди работ М.В. Кирчанова выделяется книга «И снова утвержу свой Сион», опубликованная в 2010 году, и посвященная проблемам развития национализма в США. М. Кирчанов анализирует как светские, так и религиозные тенденции в развитии американского национализма. Во Введении М. Кирчанов дает краткий очерк возникновения и истории двух изучаемых им трендов – светского национализма, представленного «Обществом Джона Бёрча» и религиозного, носителем которого, как полагает М. Кирчанов, следует признать Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней, больше известную как мормоны. Анализируя роль мормонов в развитии американского национализма, М.В. Кирчанов подтверждает, что для него, как законченного постмодерниста, не существует и, поэтому, он с пристрастием патологоанатома особое внимание уделяет «Книге Мормона», которую не столько изучает, сколько препарирует, воспринимая не как «сакральный» текст для части американских верующих, а как просто дискурс. «Книга Мормона», центральный элемент в религиозной и моральной системе координат мормонов, «препарирована» М. Кирчановым (то же самое он, впрочем, делает и с другими литературными текстами в своих работах) и представлена как проект институционализации американской идентичности в ее религиозной версии. М. Кирчанов также анализирует тексты мормонских теоретиков в контексте развития националистического воображения и воображаемой географии. Особое внимание уделено и роли мормонов в формировании американской гражданской нации. Наряду с религиозным национализмом М. Кирчанов анализирует и светские течения в американском национализме, уделяя особое внимание проблемам американизма, идеям американского мессианизма и избранности, связи национализма с ценностями демократии.

Научный метод М.В. Кирчанова отличает стремление к синтезу подходов, которые используются в разных гуманитарных науках. С этим, вероятно, следует связывать и те особенности, которые характерны для корпусов источников, используемых М.В. Кирчановым при написании своих работ. Анализируя различные проблемы, связанные с функционированием наций и национализма, М.В. Кирчанов выходит

за пределы традиционного исторического или политического поля, вторгаясь в сферу ведения истории литературы. Следует признать, что художественные тексты – интереснейшие порождения своей эпохи и исторического времени – не самый любимый источник историков. Вероятно, активное использование самых разных художественных текстов придает не только оригинальность, но и некоторую маргинальность текстам М.В. Кирчанова. С другой стороны, следует признать, что эта маргинальность заметна исключительно в сравнении с отечественными, российскими публикациями, посвященными национализму.

Если сравнивать работы М.В. Кирчанова о национализмах и идентичностях с многочисленными западными, преимущественно – англоязычными, публикациями, посвященными национализму, то складывается впечатление, что М.В. Кирчанов и его зарубежные коллеги теоретически и методологически говорят на одном языке, центральным принципом которого является междисциплинарный синтез. Вместе с тем, работы М.В. Кирчанова следует признать все же маргинальными на фоне большинства исследований, выходящих в России и посвященных национализму. Эта маргинальность становится еще в большей степени очевидной, если взглянуть на отношения М.В. Кирчанова, этого *infant terrible* российского национализмоведения, с научным сообществом. В некоторых текстах М.В. Кирчанова присутствует критика т.н. нормативной историографии, консерватизма и косности российского научного сообщества гуманитариев.

В целом признавая обоснованность критики, проводимой М.В. Кирчановым по некоторым направлениям, приходится констатировать, что его голос остается неуслышанным. Критика М.В. Кирчанова остается без внимания, вероятно, и в силу необычайной тематической и географической широты его интересов, что дает возможность обвинять его в поверхностности и дилетантизме. В свою очередь М.В. Кирчанов не скупится на обвинения в мелкотемье и методологической беспомощности сторонников т.н. нормативной историографии. Вызывает непонимание и то, что в исследовании, посвященном, например, Юго-Восточной Азии М.В. Кирчанов использует тексты и исследования на болгарском языке. Активное использование исследований на болгарском, хорватском, украинском языках, вероятно, иногда может показаться и неуместным, но современные гуманитарные науки развиваются в условиях постепенного и неизбежного размывания границ, а М.В. Кирчанов волен использовать те тексты, которые методологически и теоретически ему более близки.

При чтении работ М.В. Кирчанова невольно возникает ощущение, что он не только пытается расшатать сложившиеся традиции, или как он сам называет, «канон» гуманитарного знания, но и сознательно идет на использование научной и интеллектуальной провокации. Классическая форма подобной провокации в исполнении М.В. Кирчанова – применение теорий, связанных с изучением национализма и идентичностей, в тех случаях, где, как может показаться, они вовсе неприменимы. Это, например, относится к использованию М. Кирчановым постколониализма и методов изучения империй. Первый применяется им в изучении Болгарии, второй – Бразилии. В обоих случаях М. Кирчанов приходит к интересным, но вместе с тем спорным и дискуссионным выводам.

Рассматривая тексты М.В. Кирчанова, становится очевидно, что их автор – сторонник конструктивистского понимания и модернистского прочтения феномена наций и национализма. Склонность М.В. Кирчанова к конструктивизму в его ортодоксальных формах проявляется и в том, что нации рассматриваются им не более чем искусственные конструкты, созданные и возникшие в воображении националистически ориентированных интеллектуалов. В этом отношении, анализируя феномен наций и национализма, М.В. Кирчанов становится «более святым, чем Папа Римский» и то ли от буквалистского отношения к текстам классиков Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, то ли от метаморфоз развития и преломления классических теорий на российской почве – в работах М.В. Кирчанова размышляются некоторые формально существующие исторические отличия между нациями, что превращает столь часто описываемые и анализируемые М.В. Кирчановым политические нации – латышей, бразильцев, чувашей, македонцев, индонезийцев, грузин – в явления почти одного плана и порядка – в сознательно созданные и искусственные в независимости от ситуации (русские и грузины в этом случае не являются исключением) конструкты и институты.

Конструктивизм относится к числу методов, безусловно, интересных и продуктивных, но все же и в его использовании следует знать меру. Для М.В. Кирчанова, как сторонника конструктивистских пониманий и объяснений нации, нет «ничего святого». В его текстах не только чуваша – искусственный конструкт, возникший в результате активности чувашских националистически ориентированных интеллектуалов и советской национальной политики, но и более исторически нации, например – грузины, англичане или русские – тоже в значительной степени случайные конструкты. И русские, и англичане, и грузины в работах М.В. Кирчанова – результат деятельности нацио-

налистов и всякого рода интеллектуалов – историков, филологов, лингвистов. Даже описывая средневековые английские тексты, в М.В. Кирчанове в большей степени говорит исследователь национализма, который отталкивается от конструктивистского понимания нации, а не историк. Порой М.В. Кирчанов столь радикален, что чувство меры ему отказывает и русские и грузины как нации превращаются в продукты советской национальной политики. В этом отношении М.В. Кирчанов выступает не только как последовательный модернист и конструктивист, но и как критик примордиализма и собственно национализма, для которого нация не является современным явлением, а существует как некая данность и внеисторическая (в смысле – универсальная и всегда существовавшая) ценность.

Вероятно, у М.В. Кирчанова не простые отношения с объектом своего исследования и изучения – национализмом. Начав как исследователь латышского национализма как явления географически близкого к России, занимаясь на протяжении некоторого времени анализом украинского национализма (подчеркнем, что М.В. Кирчанов относится к числу немногих российских авторов, которые в состоянии писать свои работы, как на русском, так и украинском языке), о чем свидетельствуют некоторые статьи М.В. Кирчанова, к сожалению так и не оформленные в единое целое и не изданные в виде монографии, Кирчанов перешел к изучению национализмов географически более далеких и поэтому и более экзотических – индонезийского и бразильского. Вероятно, делая этот выбор, он полагал, что изучение, например, индонезийского национализма дает меньше поводов для политизации конечных результатов исследований, оформленных в статьи и монографии.

В целом, исследования М.В. Кирчанова, посвященные нациям, национализмам и идентичностям следует признать написанными в рамках почти безусловного доминирования модернистского и конструктивистского подходов, интересными, оригинальными, связанными и соотносящимися с классическими и современными теориями национализма. Теоретически работы М.В. Кирчанова в большей степени интегрированы в западный, нежели отечественный канон научного знания о национализме. Принимая во внимания склонность М.В. Кирчанова к почти анатомическому исследованию изучаемых им национализмов, нельзя исключать и появления новых работ, что приведет к расширению индекса уже каталогизированных им случаев развития наций и национализмов.

## КРИТИКА \*

В 1990 – 2000-е годы в российских гуманитарных науках доминировала негативная динамика. Разрыв связей с бывшими социалистическими государствами стал одним из ее проявлений. Переводы с языков стран, которые до 1991 года были «младшими» партнерами СССР, прекратились, прервались связи между библиотеками в России и их партнерами в Центральной и Восточной Европе. Развитие исследований национализма в Болгарии, Хорватии, Сербии, Латвии оказалось за пределами внимания российских историков, политологов, культурологов. В 1990 – 2000-е годы гуманитарные науки в этих странах развивались динамично, возникли новые направления в изучении наций, национализмов и идентичностей. Рецензии, публикуемые в «Российском журнале исследований национализма» будут посвящены наиболее значимым публикациям в сфере изучения национализма, которые вышли на протяжении 1990 – 2000-х годов, но остаются практически неизвестными в российском сообществе исследователей национализма.

Впродовж 1990 – 2000-х років в російських гуманітарних науках домінувала негативна динаміка. Розрив зв'язків з колишніми соціалістичними державами став одним з її проявів. Переклади з мов країн, які до 1991 року були «молодшими» партнерами СРСР, припинилися, урвалися зв'язки між бібліотеками в Росії і партнерами в Центральній і Східній Європі. Розвиток досліджень націоналізму в Болгарії, Хорватії, Сербії, Латвії виявився за межами уваги російських істориків, політологів, культурологів. У 1990 – 2000-і роки гуманітарні науки в цих країнах розвивалися динамічно, виникли нові напрямки у вивченні націй, націоналізмів і ідентичностей. Рецензії, опубліковані в «Російському журналі досліджень націоналізму» будуть присвячені найзначущішим публікаціям у сфері вивчення націоналізму, які вийшли впродовж 1990 – 2000-х років, але залишаються практично невідомими в російському співтоваристві дослідників націоналізму.

The negative dynamics prevailed in the Russian liberal arts in the 1990s and 2000s. The break of communications with the former socialistic states became one of its forms. Translations from the languages of countries, which before 1991 were the «junior» partners of USSR, were halted, communications between libraries in Russia and their partners in Central and East Europe were also intermitted. The development of Nationalism Studies in Bulgaria, Croatia, Serbia, and Latvia was outside of Russian historians, political scientists, and Cultural Studies scholars' attention. In the 1990s and 2000s liberal arts in these countries developed dynamically and new directions in the nations, nationalism and identities studies appeared. The reviews, published in «Russian Journal for Nationalism Studies» will be devoted to the main books in Nationalism Studies published in the 1990s and 2000s which remain practically unknown in Russian community of Nationalism scholars.

---

\* Принимая во внимание тот факт, что значительная часть рецензируемых в настоящем разделе книг остается малоизвестными в российском научном сообществе, в издание включены рецензии на книги, изданные в начале 2000-х годов. Часть рецензий носит исключительно обзорный характер, что вызвано целью ознакомления российского исследователя с выводами зарубежных исследователей национализма, работы, которых, изданные, например, на болгарском или латышском языке, к сожалению, практически недоступны в библиотеках российских региональных университетов.

## **«БОЛЬШОЙ НАРРАТИВ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРИИ**

Цветков П.С. Народностно потекло и национално самосъзнание / П.С. Цветков. – София: Нов Български Университет, 2007. – 552 с. ISBN 978-954-535-454-0

На протяжении 1990 – 2000-х годов болгарская историческая и политическая наука не только испытала значительное влияние со стороны западных теорий наций и национализма, но и смогла выработать собственные научные школы, связанные с изучением проблем наций, национализмов, этничностей и идентичностей как в Болгарии, так и за ее пределами – на Балканах и в мире в целом.

Среди работ болгарских исследователей национализма следует упомянуть монографию профессора, Д-ра Пламена С. Цветкова «Этническое происхождение и национальное самосознание»<sup>1</sup>, в которой отражен широкий круг вопросов и проблем, связанных как с теоретическими подходами к изучению наций и национализму, так и конкретных форм и проявлений развития идентичности и функционирования национализма.

Исследование, изданное в 2007 году, претендует на фундаментальность. В центре авторского внимания – широкий круг проблем. Автор анализирует применимость различных дефиниций, среди которых «этнос», «народность» и «нация». Особое внимание уделено проблемам типологии наций, существованию «политических» и «этнических» наций. Пламен Цветков пытается проследить сложные пути нации и национализма в истории, как на Западе, так и на Востоке. Автор не мог обойти вниманием и проблемы развития национализма на Балканах, славянских национализмов и, разумеется, процессов развития национализма и национального строительства в самой Болгарии. Отдельные разделы в книге посвящены новым нациям – как результатам национального конструктивизма, сознательного творчества и политического эксперимента правящих элит.

Анализируя в первой части книги проблемы развития национализма, Пламен Цветков исходит из тезиса о том, что, несмотря на успехи глобализации, национальное государство и стоящие за ним нации и национализмы оказались достаточно конкурентоспособными и не собираются сходить с исторической арены. При этом Пл. Цветков подчеркивает, что единая, общая дефиниция нации и национализма, которая описывала бы все стороны этих феноменов, вряд ли возможна. В целом стремясь найти компромисс между западными теориями нации<sup>2</sup> и собственно болгарскими работами<sup>3</sup> в этой области Пл. Цветков указывает на необходимость всестороннего и разноуровневого анализа феноменов нации и национализма, который учитывал как региональную специфику, так и то, что современная нация неотделима от ценностей гражданского общества, демократии, прав и свобод человека.

При этом, рассматривая проблемы возникновения нации, Пл. Цветков пытается соединить примордиалистские и модернистские понимания нации, находя отдельные элементы наций в прошлом – в древности, Античности (Рим), Средних Веках (Византия, Священная Римская Империя, Киевская Русь), Новом Времени (Османская Империя, Российская Империя). Подобная интерпретация – весьма рискованный маневр, порожденный в значительной степени переходным характером современной болгарской историографии, которая несет в себе наследие преимущественно социально-экономической историографии БНР (вероятно, именно отсюда и использование термина «этнос») и различные западные модернистские интерпретации и понимания национальной проблематики в истории.

Кроме этого Пламен Цветков пытается проанализировать, как и каким образом проявлялись и артикулировались национальные чувства в рамках различных государственных устройств (монархия, республика), которые существовали на протяжении истории. Вместе с тем, для Пл. Цветкова характерно использование терминологического инструментария явно заимствованного из западных исследований национализма. В подобной ситуации политическая нация интерпретируется им как сообщество граждан, объединенных общими ценностями и общими принципами управления. В качестве классических примеров гражданской, политической нации Пл. Цветковым позиционируются США и Канада. Пл. Цветков вынужден констатировать, что Квебек «выбивается» из универсальности политической нации Запада, так как квебекский сепаратизм и национализм в большей степени апеллируют к этнической составляющей идентичности франкоканадцев, к идее языкового родства.

Латинская Америка, как полагает Пл. Цветков, является более сложным случаем: с одной стороны, страны региона возникли в результате колонизации и фактической трансплантации европейских политических институтов; с другой. Они не столь близки Европе, как, например, Канада. В подобной ситуации процесс развития национализма и появления наций был отягощен различными расовыми и социальными противоречиями. Поэтому политическая нация в государствах Латинской Америки вынуждена решать и многочисленные социальные и экономические проблемы, связанные, в том числе, и с формированием в регионе феномена «этносоциальных каст». В качестве классического примера последовательной реализации проекта именно политической и гражданской нации Пл. Цветков склонен рассматривать Францию, где идеи республики и гражданства стали не только политическими лозунгами, но той питательной средой, в которой формировалась французская политическая идентичность.

Помимо европейских наций и национализмов Пламен Цветков в своем обобщающем исследовании рассматривает и феномен восточных национализмов. Анализируя феномен нации в Китае, Пл. Цветков предпочитает интерпретировать ее едва ли не в примордиалистских категориях, прослеживая преемственность между различными этапами китайской истории. В

аналогичном ключе интерпретируется и история японской нации. В целом, Китай и Япония «помещаются» Пл. Цветковым в модель этнической нации. С другой стороны, Индия и Пакистан рассматриваются им в категориях политической, гражданской нации. Иран и Афганистан в концепции Пл. Цветкова предстают как переходные случаи, связанные как с наличием развитых государственных и исторических традиций, так и наличием значительного числа проблем, вызванных архаичностью местных обществ. Страны Экваториальной и Южной Африки рассматриваются болгарским ученым как совершенно особый случай, порожденный европейской колонизацией и попытками стран Запада привнести в Африку некоторые европейские элементы, нормы и институты политической организации, что привело, в отличие от Южной Америки, не к развитию новых национальных политических институтов, а только к их имитации, отягощенной многочисленными социальными и экономическими проблемами.

Особое внимание Пламен Цветков уделяет проблемам развития наций и национализма на Балканах. По мнению болгарского ученого, балканский опыт национализма и национального строительства отягощен, как кровавыми этническими и религиозными конфликтами, так и традициями политического авторитаризма. Анализируя особенности развития греческого национализма, Пл. Цветков указывает на тесное переплетение этнических и религиозных компонентов в греческой идентичности, отягощенных мессианскими и имперскими идеями, «византийским» наследием и связанным с ним политическими комплексами элит Греции. Албанский национализм, как полагает болгарский историк, активно использует историческое наследие с целью доказать то, что албанцы, как потомки иллиров, являются не только самой древней нацией, но и имеют право претендовать на новые территории на Балканском полуострове. В значительной степени аналогичная идея имеет место и в румынском национализме, одним из центральных политических мифов которого является миф об особой культурной и языковой близости современных румын и их римских предков.

Вторая часть книги Пламена Цветкова посвящена проблемам нации и национализма в Болгарии. Эта часть монографии отличается последовательным этноцентризмом и стремлением интерпретировать болгарский случай в категориях примордиализма. Особое внимание Пл. Цветков уделяет как источникам по истории болгар, так и основным проблемам истории болгарского языка, а также болгарской традиционной народной культуре и проблемам генезиса болгарского народа, что превращает эту часть книги в аморфную и сложно читаемую. Рассматривая развитие болгарского национализма, Пл. Цветков кратко останавливается на наиболее значимых фигурах в интеллектуальной истории болгарского национализма. Начало современного болгарского национализма Пл. Цветков (и в этом он не оригинален) связывает с деятельностью Паисия Хилендарского. Марин Дринов (1838 – 1906) рассматривается Пл. Цветковым как автор, который пытался применить к болгарской истории «русскую модель» интерпретации, осно-

ванную на идее ассимиляции и растворения незначительного неславянского элемента в славянском населении. Ганчо Ценов предстает как талантливый манипулятор историей, который внес значительный вклад в наделение славянской идентичностью неславянских предков болгар, Георги Раковски – как один из первых популяризаторов арийской идеи в Болгарии, Димитр Сысыллов – теоретик болгарской мессианской идеи.

Третья часть книги сфокусирована на новейших процессах национального строительства. По мнению Пл. Цветкова, следует выделять два пути формирования новых / новейших наций. Первый связан с естественными процессами политического развития, усиления гражданского общества, разрушения старых империй, утверждения принципов прав и свобод. Такой путь национального строительства, как полагает Пл. Цветков, в большей степени характерен для Европы, а также бывшей Османской Империи. Второй путь связан с принудительным созданием новых наций в рамках недемократических, авторитарных, как правило, коммунистических режимов. Пламен Цветков склонен позиционировать некоторые нации как новейшие образования и сознательно сконструированные искусственные конструкции. Среди таковых наций он выделяет бельгийцев, люксембуржцев и голландцев, которые позиционируются им как гражданские нации, возникшие в результате изменений политической карты Европы, развития европейского общества и принципов реализации прав и свобод гражданина. Кроме этого среди новых наций в концепции болгарского историка фигурирует Австрия и Кипр. Особое внимание Пл. Цветков уделяет и «национальному строительству по коммунистически». Одним из достижений подобного «строительства» следует признать появление на политической карте Македонии. В целом, для Пламена Цветкова характерно традиционное для болгарской историографии восприятие Македонии как исторически и примордиально (изначально) болгарской территории, а македонская нация и македонский язык позиционируются им как искусственные конструкции, созданные югославским коммунистическим руководством.

В целом, книга профессора Д-ра Пламена С. Цветкова оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, следует отдать должное автору за попытку охватить столь проблемно и географически обширный материал, проанализировать процессы развития наций, национализма и идентичностей в различных регионах Европы, Востока и Америки. Следует приветствовать и стремление использовать западные теории наций и национализма для изучения национальной проблематики. С другой стороны, широкая тематика книги привела к тому, что некоторые ее разделы носят описательный характер, представляя собой фактически краткие исторические очерки, посвященные развитию национального чувства в тех или иных регионах. Кроме этого текст рецензируемой книги в значительной степени страдает от методологической непоследовательности автора, который колеблется между модернистскими / конструктивистскими и примордиальными интерпретациями нации.

Примордиализм и склонность описывать изучаемые проблемы в этноцентричной системе координат в большей степени характерна для тех разделов книги, которые посвящены Болгарии. Восприятие македонской проблематики автором и вовсе выводит книгу за пределы научного дискурса, приближая ее к политическому тексту. Тем не менее, несмотря на все критические замечания следует признать, что книга проф. Д-ра Пламена С. Цветкова представляет собой оригинальное (пусть – и спорное и в значительной степени – дискуссионное) исследование, в рамках которого отражена как национальная (болгарская), так и мировая (зарубежная) проблематика, связанная с развитием наций и национализма. Появление этой книги свидетельствует о том значительном пути, который на протяжении 1990 – 2000-х годов прошли гуманитарные науки в современной Болгарии, что привело к появлению столь значительных обобщающих работ, аналоги которых, посвященные национальной и региональной проблематики, к сожалению, отсутствуют в России.

*М.К.*

---

<sup>1</sup> Цветков П.С. Народностно потекло и национално самосъзнание / П.С. Цветков. – София, 2007.

<sup>2</sup> Смит А. Национална идентичност / А. Смит. – София, 2000; Шнапер Д. Общността на гражданите (върху модерната идея на нация) / Д. Шнапер. – София, 2001.

<sup>3</sup> Тодоров В. Етнос, нация, национализъм. Аспекти на теорията и практиката / В. Тодоров. – София, 2000.

## ПРОБЛЕМЫ ГЕТЕРОГЕННОЙ БОЛГАРИИ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Карахасан-Чънар И. Этническите малцинства в България. История. Култура. Религия. Обреден календар / И. Карахасан-Чънар. – София, 2005. – 251 с. ISBN 954-607-678-3

Болгария, подобно региону Балкан в целом, никогда не принадлежала к числу гомогенных обществ. На протяжении своей истории Болгария практически всегда развивалась как гетерогенная страна, на территории которой помимо болгар проживали и другие этнические и религиозные сообщества. С другой стороны, отношения болгарских политических элит с этими неболгарскими сообществами развивались крайне неравно. На протяжении длительного времени предпринимались попытки построить гомогенное, болгарское и православное, общество, что автоматически вело к ужесточению политики в отношении меньшинств, их принудительной ассимиляции. Политические перемены 1990-х годов, демократизация, выбор европейской модели развития, стремление элит сделать Болгарию частью Европы не только географически, но институционально, привели к определенным переменам в политике в отношении меньшинств, что нашло свое отражение и в изучении неболгарских групп населения Болгарии. Попыткой синтетического и комплексного описания и осмысления истории и современного состояния меньшинств стало издание в 2005 году книги болгарского писателя и журналиста турецкого происхождения Ибрахима Карахасана-Чынара «Этническите меньшинства в Болгарии»<sup>1</sup>.

Своеобразная энциклопедия этнической структуры общества Болгарии середины 2000-х годов открывается очерком об армянском сообществе<sup>2</sup>. Ибрахим Карахасан-Чынар связывает появление на болгарской территории армян с периодом Раннего Средневековья, с попытками завоевания территории Византией, в войске которой было немало и армян. С другой стороны, армяне попадали в болгарские земли в результате переселений, миграций, а также династических браков болгарских царей. Основа современного армянского сообщества бала получена Болгарией после восстановления независимости в виде своеобразного османского политического наследия. Анализируя роль армян в болгарской социально-экономической истории, Ибрахим Карахасан-Чынара подчеркивает их значительное участие в становлении и развитии капитализма в стране, так как среди первых армянских фабрикантов было немало армян.

Значительное внимание Ибрахим Карахасан-Чынар уделяет и неболгарским сообществам романского происхождения – арумынам<sup>3</sup> и влахам<sup>4</sup>. Исторически появление подобных групп на Балканском полуострове связывается с римским завоеванием и политикой романизации, проводимой Римом. К настоящему времени арумыны и влахи – малочисленные группы, которые являются потомками некогда романизованного населения Бал-

кан, завоеванных позднее славянами, радикально изменившими этнический облик региона.

В исследовании Ибрахима Карахасана-Чынара нашлось место и для краткого очерка истории и современного состояния еврейского сообщества в Болгарии<sup>5</sup>. Появление евреев на территории будущей Болгарии связывается болгарским автором с трагической историей еврейского народа, который подвергался преследованиям в других странах и был вынужден переселяться и постоянно менять свое место жительства. Определенное число евреев переселилось в Болгарию из Византии, средневековой Испании и германских государств. Ибрахим Карахасан-Чынар указывает, что накануне Освобождения софийские евреи сохраняли испанский и немецкий язык, а в независимой Болгарии смогли найти свое место в болгарском обществе. Анализируя историю болгарских евреев, Ибрахим Карахасан-Чынар вынужден признать, что и в Болгарии они становились жертвами антисемитизма, возникшего под русским политическим влиянием, что вело к эмиграции болгарских евреев в США.

В книге Ибрахима Карахасана-Чынара особое внимание уделено меньшинствам тюркского происхождения. Автор полагает, что болгарские каракачане возникли в результате смешения различных иллирийских, греческих, романизированных, славянизированных и тюркизированных групп населения. Ибрахим Карахасан-Чынар так же затрагивает проблемы истории и современного состояния татарского сообщества. Не мог автор обойти вниманием и турок<sup>6</sup>, которые живут в Болгарии.

Особое внимание в исследовании Ибрахима Карахасана-Чынара уделено помакам – сообществу с крайне сложной историей и трагической судьбой. Помаки, потомки этнических болгар, которые приняли ислам<sup>7</sup>, но сохранили болгарский язык и культуры, крайне сложно адаптировались в независимой Болгарии, где православное большинство относилось к ним негативно. С другой стороны, Ибрахим Карахасан-Чынар признает, что болгар и помаков объединяет общность языка и культуры. По мнению болгарского исследователя, принятие ислама помаками не стало уникальным явлением и не было вызвано ассимиляторской политикой Османской Империи, став в большей степени результатом изменения социально-экономической ситуации, что и толкало болгар на смену веры. При этом Ибрахим Карахасан-Чынар старается избегать категоричных оценок, описывая попытки насильственной христианизации помаков в начале XX века, а также политические репрессии коммунистического периода<sup>8</sup>.

Из славянских меньшинств в сферу внимания Ибрахима Карахасана-Чынара попали только русские<sup>9</sup>, которые позиционируются в качестве одно из поздних неболгарских сообществ, появившихся в Болгарии только после войны 1877 – 1878 года. Позднее на территории Болгарии появились русские старообрядцы и белоэмигранты. По подсчетам болгарских историков, после гражданской войны в России в Болгарии проживало около ста высших офицеров Белой Армии, которые принимали участие и в войне за ос-

вобождение Болгарии. Наиболее сложные времена в истории русского общества в Болгарии наступили во второй половине 1940-х годов, когда в стране установился коммунистический просоветский режим.

Завершая настоящий обзор, следует остановиться как на сильных, так и весьма спорных, дискуссионных аспектах книги Ибрахима Карахасана-Чыныра. Следует приветствовать эту книгу как одну из первых попыток систематического и научного изложения основных проблем истории и современности различных этнических групп. Работу И. Карахасана-Чыныра, вероятно, можно определить и как путеводитель в этническую структуру, национальную организацию болгарского общества середины 2000-х годов. Книга претендует и на определенную энциклопедичность. Близость с энциклопедическими изданиями очевидна и на фоне алфавитной организации работы болгарского автора, состоящей из очерков, посвященных неболгарским группам от армян до турок. Объективность тексту придает и наличие разделов, посвященных помакам и туркам – тем группам, которые на протяжении истории нередко отторгались болгарскими элитами, подвергаясь принудительной ассимиляции.

С другой стороны, рецензируемая работа не лишена и определенных недостатков. Как ни странно это звучит, но для книги, написанной автором турецкого происхождения, характерен болгарский этноцентризм. Это, например, проявилось в отсутствии раздела, посвященного македонцам: известно, что болгарские как политические, так и интеллектуальные элиты не признают факт существования отдельной македонской нации и идентичности, македонского языка и видят в македонцах исключительно одну из этнографических групп болгар. Кроме этого в книге болгарского автора не нашлось места и другим национальным меньшинствам, которые проживают на территории Болгарии, например, украинцам. Нельзя исключать, что история украинцев в Болгарии интерпретировалась автором как составная часть истории русского сообщества.

Эти замечания, тем не менее, не умоляют научного и прикладного значения рецензируемой книги. Анализирую это издание, следует подчеркнуть, что его появление свидетельствует о значительной адаптивной способности современного болгарского общества, элиты которого пытаются пересмотреть противоречивую политику своих предшественников, направленную, в том числе, и на ассимиляцию национальных меньшинств. Вероятно, появление книги И. Карахасана-Чыныра и актуализация проблем меньшинств свидетельствует не только об осознанном европейском выборе политических и интеллектуальных элит Болгарии, но и активизации процесса формирования гражданской болгарской нации, которая включала бы в себя не только болгарское большинство, но потенциал миноритарных сообществ.

*М.К.*

- 
- <sup>1</sup> Карахасан-Чънар И. Етническите малцинства в България. История. Култура. Религия. Обреден календар / И. Карахасан-Чънар. – София, 2005.
- <sup>2</sup> Об армянах в Болгарии см.: Барбалов Г. Историята на армяните и взаимоотношенията им с българите / Г. Барбалов. – София, 2000; Бохосян М. Арменците в София / М. Бохосян. – София, 1999.
- <sup>3</sup> Об арумынах см. по-подробнее: Арденски В. Арумънска антология / В. Арденски. – София, 2001.
- <sup>4</sup> По-подробнее об этом сообществе см.: Балкански Т. Западнодопските власи / Т. Балкански. – София, 1996.
- <sup>5</sup> О болгарских евреях см.: Евреите по българските земи. Родова памет и историческа съдба / съст. Е. Барух. – София, 2000.
- <sup>6</sup> О турках в Болгарии см.: Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика / В. Стоянов. – София, 1998; Между адаптацията и носталгията. Българските турци и Турция / съст. А. Желязкова. – София, 1998.
- <sup>7</sup> О мусулманах в Болгарии по-подробнее см.: Мюсюлманската култура по българските земи / съст. Р. Градева, С. Иванова. – София, 1998.
- <sup>8</sup> О национальной политике БКП см. по-подробнее: Бюксеншютц У. Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци, 1944 – 1989 / У. Бюксеншютц. – София, 2000.
- <sup>9</sup> О русских в Болгарии см.: Къосева Ц. Руската емиграция в България / Ц. Къосева. – София, 2002.

## ЮГОСЛАВСКАЯ ТЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БОЛГАРИИ

Енчев В. Югославската идея. Исторически, политически и международни аспекти на доктрината на национално освобождение и държавно обединение на южните славяни / В. Енчев. – София: Издателство «Захарий Стоянов», 2009. – 671 с. ISBN 978-954-09-0267-8

Особое внимание болгарскими историками и специалистами в международной проблематике уделяется региону Балкан в целом, особенностям его регионального, социального, экономического, политического, культурного развития и, хотя для болгарской историографии в значительной степени характерен этноцентризм, тем не менее, в 2000-е годы появились оригинальные и интересные исследования, посвященные другим балканским государствам, а также тем политическим идеологиям и интеллектуальным течениям, которые в прошлом претендовали или могли претендовать на универсальный статус. Среди таких доктрин, которая вызывает значительный интерес со стороны болгарских исследований, находится и югославская идея.

В 2009 году издательство «Захарий Стоянов» опубликовало книгу Д-ра международного права и международных отношений, посла Болгарии в Хорватии (1997 – 2002) Велизара Енчева. Книга В. Енчева, который начал заниматься изучением Югославии еще в период существования НРБ<sup>1</sup>, является объемным (671 стр.) исследованием, претендующим на то, чтобы стать первой обобщающей масштабной работой о югославизме, опубликованной на болгарском языке<sup>2</sup>.

Особое внимание в работе В. Енчева уделено проблемам генезиса югославской идеи. По мнению болгарского историка, югославизм возникает в XIX веке, когда новые балканские государства делали первые шаги в своем независимом развитии, испытывая мощное влияние со стороны европейских империй. Ситуация осложнялась и тем, что стремления к свободе и независимости одних народов в корне противоречили интересам других. Например, политические стремления сербских элит серьезно ударяли по интересам болгар, черногорцев и хорватов. Ситуация обострялась и взаимными сербско-черногорскими и сербо-хорватскими противоречиями, отягощенными религиозными спорами. Противоречия на Балканах стимулировались и тем, что, как полагает В. Енчев, национальные движения в регионе с самого начала преследовали свои узконациональные и конкретные цели, что в дальнейшем негативно сказалось на стремлении тех или иных политических элит объединить различные славянские народы. С другой стороны, Велизар Енчев, анализируя основные направления балканской истории в XIX столетии, указывает и на то, что интересы элит различных наций практически всегда имели мало общего: сербы и черногорцы стремились построить свои национальные государства, хорваты были заинтересованы в

расширении своих прав и в получении новых в Империи Габсбургов. Часть балканских славянских стран вообще оказалась исключенными из югославского политического проекта по той причине, что они получили независимость позднее, чем Черногория и Сербия. Это, например, относится к Болгарии. Другие регионы также не смогли принять значительного и серьезного участия в развитии югославизма, так как были разделены между существующими странами, что, например, относится к Македонии, ставшей ареной борьбы между сербским, болгарским и греческим национализмами. Кроме этого, В. Енчев, анализируя особенности политической и интеллектуальной истории Сербии в XIX веке, показывает, что центральным стержнем Сербии как государства была доктрина этнического сербского национализма, основанная на вере сербских элит в необходимость расширения Сербии за счет отторжения территорий Османской Империи и Империи Габсбургов, а также на противостоянии влиянию Российской Империи, которая рассматривалась в качестве угрозы для потенциального территориального расширения Сербии. Среди представителей хорватского интеллектуального сообщества в XIX веке были как сторонники, так и противники югославской идеи. Реакцией хорватских авторов на усиление Сербии стал концепт Великой Хорватии, которая в большей степени обращалась к хорватскому национальному чувству, а не мифической идее единства балканских славян. Позже всего в развитие, точнее в критику, югославской идеи включились болгары, интеллектуальные элиты которых осознали, что в случае реализации сербского проекта для Балкан болгарские земли станут только частью Великой Сербии. В подобной ситуации различные славянские нации на территории Балкан сталкивались со многими объективными сложностями и вызовами перед лицом возможной консолидации, будучи нередко вынужденными бороться друг с другом.

Условия для реализации югославской идеи, как полагает В. Енчев, сложились исключительно в результате первой мировой войны, которая разрушила Османскую Империю, Империю Габсбургов и временно вывело из большой политической игры Болгарию, воевавшую на стороне Германии и ее союзников. В результате плодами войны смогли воспользоваться почти исключительно сербские политические элиты, которые инициировали в 1918 году создание Королевства СХС. Это королевство было не более чем вывеской для сербских элит, которые в Королевстве видели не новое государство, а только «Расширенную Сербию» и, поэтому, достаточно быстро выдвинули идею югославизма – слияния всех наций Королевства СХС в новый народ – югославов. В подобной ситуации в Королевстве СХС, которая в результате переворота 1929 года, была переименована в Югославию, не было места для неславян, македонцев и мусульман. Поэтому жертвой политики, которую проводил Белград, оказались албанцы в Косово, мусульмане в Боснии и славянское население в Македонии, национальная идентичность которого оставалась неопределенной. Анализируя специфику национальной политики в Югославии, В. Енчев полагает, что именно дей-

ствия сербских элит, который устанавливали в некоторых регионах, например – в Македонии<sup>3</sup>, «репрессивный режим», спровоцировали радикальные национальные движения, направленные против Белграда. В подобной ситуации убийство короля Александра в 1934 году оценивается болгарским ученым как едва ли не естественная реакция угнетенных народов на поражение со стороны Белграда. С другой стороны, В. Енчев не отрицает хорватского и болгарского участия в убийстве потому, что политика короля «была несовместима» с интересами хорватов и болгар. Попытки сербских и хорватских политиков достичь компромисса во второй половине 1930-х годов практически не привели к результату, а решение Белграда в результате соглашения Цветковича – Мачека о создании отдельной хорватской бановины оказалось слишком запоздалым и не спасло Югославию от военного поражения. Велизар Енчев полагает, что падение Югославии было вызвано национальными противоречиями в армии и нерешенным национальным вопросом на государственном уровне, а также наличием многочисленных территориальных проблем с соседними государствами. Период второй мировой войны стал временем ослабления югославской идеи в великосербском варианте: Хорватия смогла получить независимость, территории Сербии были значительно сокращены, а Болгария получила кратковременный контроль над Македонией.

Второе рождение политического югославизма В. Енчев связывает с результатами второй мировой войны, что привело к восстановлению Югославии как единого, но в значительной степени измененного, государства, которое, тем не менее, унаследовало многочисленные национальные проблемы и противоречия. Первыми объектами преследования со стороны сербского национализма стали косовские албанцы, преследование которых началось во второй половине 1950-х годов. На территории созданной в Югославии СР Македонии развивался конфликт между македонцами и албанцами. Кроме того, В. Енчев полагает, что в Македонии был проведен политический эксперимент, направленный на замену болгарской идентичности македонской<sup>4</sup>. По мнению В. Енчева, болгарское население в Югославии подвергалось принудительной ассимиляции. Нерешенными продолжали оставаться национальные проблемы и религиозные противоречия в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине. В целом, политика Белграда позиционируется как просербская и направленная на усиление сербского национализма, а СФРЮ в целом рассматривается болгарскими исследователями как искусственно созданное государство с многочисленными нерешенными национальными проблемами. Поэтому, В. Енчев считает неизбежным политическое перерождение сербского коммунистического руководства во второй половине 1980-х годов и выбор сербского национализма в качестве универсальной политической тактики. Анализируя динамику развития СФРЮ в конце 1980-х годов, болгарский автор полагает, что ее распад оказался неизбежным в силу нерешенности национальных проблем<sup>5</sup>, радикали-

зации сербского национализма и нежелания националистов в республиках мириться с сербской гегемонией.

Анализируя историю югославизма, Велизар Енчев полагает, что югославская идея на протяжении длительного времени использовалась исключительно ради реализации политических целей сербских националистов, а позднее – коммунистов. В целом, югославизм болгарским историком позиционируется как форма сербского национализма, основанная на сохранении и культивировании национального и религиозного неравноправия различных народов, которые жили на территории Югославии и позднее СФРЮ. В целом, крах югославизма в начале 1990-х годов позиционируется В. Енчевым как историческое предупреждение тем политикам, которые не отказались от идеи объединения южных славян в рамках одного государства.

Завершая обзор настоящей книги, во внимание следует принимать несколько факторов. Книга Велизара Енчева представляет собой в принципе оригинальное и интересное исследование, но написанное в духе традиционной нормативной историографии. Автор, используя разнообразные источники на языках бывшей Югославии, верно следует избранной им концепции и манере изложения и анализа описываемых событий, сочетая анализ внутренних и внешних факторов, уделяя особое внимание национальной проблематике. Книга В. Енчева представляет собой добротное и качественное исследование, написанное в стиле нормативной историографии без модных среди некоторых болгарских исследователей западных теорий нации и национализма, хотя обращение, например, к концепции Бенедикта Андерсона могло бы привести к появлению новых и интересных уровней в изучении югославской идеи. Кроме этого для В. Енчева, особенно – в освещении македонской тематики, характерен традиционный для болгарской историографии этноцентризм. Завершая обзор, следует выразить сожаление, что работа В. Енчева не переведена на русский язык. Возможное русскоязычное издание этого фундаментального исследования вероятно могло бы позитивно повлиять на развитие славяноведения в России и особенно истории Сербии, в изучении которой доминируют исключительно просербские интерпретации.

*М.К.*

---

<sup>1</sup> Енчев В. Югославия 1988. Хронология на една година / В. Енчев. – София, 1989.

<sup>2</sup> Болгарскими авторами написаны и другие, не столь масштабные работы, в той или иной степени затрагивающие проблемы югославизма. См.: Лалков М. Югославия (1918 – 1992). Драматичният път на една държавна идея / М. Лалков. – София, 2000; Манчев Кр. Югославия и международните отношения на Балканите, 1933 – 1939 / Кр. Манчев. – София, 1989.

<sup>3</sup> Македонская тематика традиционна для болгарской историографии, основанной на отрицании существования особой македонской нации, идентичности македонского языка. См.: Боярджиев Ст. Македония под сръбско иго 1913 – 1941 / Ст. Боярджиев. – София, 1999.

<sup>4</sup> О болгарском восприятии Македонии см.: Гоцев Д., Германов Ст., Илчев И., Митев Т. Македония – история и политическа съдба / Д. Гоцев, Ст. Германов, И. Илчев, Т. Митев. – София, 1996; Димитров Б. Десетте лъжи на македонизма / Б. Димитров. – София, 2003; Драгнев Др. Скопската икона Блаже Конески / Др. Драгнев. – София, 1998.

---

<sup>5</sup> Национальным проблемам, особенно в конце XX века, болгарскими исследователями уделяется особое внимание. См.: Манчев Кр. Национални проблеми и противоречия на Балканите в края на XX век / Кр. Манчев. – София, 2007.

## НАЦИОНАЛИЗМ И МИФ В СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Николай Аретов, Национална митология и национална литература. Сюжети, изграждащи българската национална идентичност в словесността от XVIII и XIX век / Н. Аретов. – София: Кралица Маб, 2006. – 548 с. ISBN – X: 954-533-066-X

Монография известного болгарского историка Николая Аретова «Национальная мифология и национальная литература», посвященная проблемам национального движения в Болгарии в XVIII и XIX веке, вышла в Софии (издательство «Кралица Маб») в 2006 году<sup>1</sup>. На протяжении длительного времени в российской болгаристике эти два века изучались преимущественно с позиций социально-экономической истории, хотя определенное внимание уделялось национальному движению, которое позиционировалось как преимущественно национально-освободительное, а не националистическое. Аналогичная ситуация существовала и в болгарской историографии до конца 1980-х годов, когда та развивалась в условиях привнесённой из СССР идеологизированной схемы истории, хотя национальный компонент в работах болгарских историков был представлен в большей степени.

Монография Н. Аретова демонстрирует степень и глубину тех перемен, которые пережила болгарская гуманитарная традиция в условиях демократического транзита.

Методологически Николай Аретов ориентируется на западные теории наций и национализма. Н. Аретов полагает, что такие понятия как «нация», «идентичность» и «литература» в Болгарии XIX века были связаны самым тесным образом. Анализируя специфику развития болгарской идентичности в условиях отсутствия собственной и независимой государственности, Н. Аретов, следуя за западными классиками национализмоведения<sup>2</sup>, полагает, что процесс ее постепенной трансформации в виде мифологизации оказался неизбежным. Рассматривая основные направления развития идентичности и процессов национального строительства на Балканах Николай Аретов полагает, что особую роль в качестве конструирующего те или иные идентичности фактора играло христианство. Вопросы, связанные с верой, играли особую роль в развитии болгарской идентичности. Христианский, в частности – православный, фундамент идентичности в принципе большинством болгарских интеллектуалов не ставится под сомнение, но общность веры болгар и греков вызывает немалые сложности, связанные с тем, что в Болгарии XVIII и XIX веков православие как вера воспринималось как «своя», но институционально, как церковь позиционировалась как Другая – греческая<sup>3</sup>. В XIX столетии идеологическая монополия Церкви была в значительной степени ослаблена и подорвана модернизацией, кото-

рая породила новые светские идеологии, важнейшей из которых стал национализм.

В связи с этим Н. Аретов подчеркивает, что «под влиянием мощных социальных процессов и сильных внешних влияний большая христианская общность на Балканах распалась на отдельные национальные образования»<sup>4</sup>. Анализируя особенности развития идентичности на Балканах<sup>5</sup>, Николай Аретов полагает, что многие из них начинали развиваться в схожих стартовых условиях – инокультурном политическом доминировании и отсутствии независимой национальной государственности<sup>6</sup>. Именно подобные новые нации, ставшие «результатом сознательных усилий элит» и нуждались в новых основаниях, которыми и стала «национальная мифология», основанная, с одной стороны, на видоизмененном христианском мифе, а, с другой, на традиционной народной болгарской этнической культуре<sup>7</sup>. Именно эта уникальная культура, болгарская этничность и идентичность, в различных формах и образах была интегрирована в национальный миф, одним из центральных сюжетов которого следует признать миф о похищении.

Николай Аретов полагает, что «центральный болгарский национальный миф имеет следующую схему: болгарам принадлежит нечто исключительно ценное, Другие это похищают, а болгары прилагают усилия (успешные или нет), чтобы это спасти»<sup>8</sup>. Такой главной похищенной и украденной Другими болгарской ценностью оказалась независимость, которая пребывала в качестве центральной темы как фольклорных, так и многочисленных авторских произведений, написанных деятелями национального Возрождения<sup>9</sup> и актуализирующих роль болгар как жертвы Других. Анализируя специфику и основные направления развития национальной мифологии, Николай Аретов полагает, что ее создатели были склонны конструировать четко структурированную картину миру, создавая иерархии образов, статус которых зависел бы от их степени правильности или неправильности.

В подобной ситуации в болгарской национальной мифологии возникли многочисленные образы, связанные с развитием концепта самости, на котором основывалась динамично трансформирующаяся в XIX столетии болгарская идентичность. Генезис подобных образов представляется чрезвычайно неясным, а многие вопросы, связанные с происхождением тех или иных концептов в болгарской национальной мифологии, продолжают оставаться дискуссионными. Вероятно самым важным событием, связанным с появлением национальной мифологии стала «Травма», которые пережили болгары в прошлом. «Центральным травматичным событием в болгарской истории и национальной мифологии (и в мифологии других балканских народов) стало подпадение под власть османов, которое является частью в комплексе исторических событий, в результате которых христиане потерпели поражение от мусульман»<sup>10</sup>, – подчеркивает Н. Аретов, комментируя особенности возникновения центральных образов в болгарской национальной мифологии.

Классическими болгарскими образами, призванными актуализировать самость, стали образы «Героев» и «Воинов» в абстрактной светской версии и «Борцы против неверных»<sup>11</sup> в религиозной системе координат. На протяжении XVIII и XIX эти образы подверглись значительным трансформациям, чему способствовали деятели Национального Возрождения, которые прилагали немалые усилия к мифологизации прошлого<sup>12</sup>. Помимо этих образов в болгарской национальной мифологии сложились образы «Отца», «Апостола», «Мученика», которые были призваны актуализировать маскулинное начало болгарской идентичности. С другой стороны, не менее важными стали концепты «Других», которые актуализировались в образах «Похитителя», «Варвара», «Религиозного другого»<sup>13</sup>. Поэтому «новые» нации и прилагали значительные усилия к созданию «своих мифологических систем», которые «реконструируют и сокращают прошлое». В этом отношении интерпретации истории Болгарии XIX века в значительной степени близки к концепции воображаемых сообществ, предложенной Бенедиктом Андерсоном<sup>14</sup>.

О бесспорном методологическом влиянии Б. Андерсона на болгарские гуманитарные исследования свидетельствуют и многочисленные ссылки на его работы, в том числе – и в исследованиях Н. Аретова, который следуя парадигме, предложенной в первой половине 1980-х годов Б. Андерсоном, полагает, что болгарские деятели в XIX столетии фактически выработали различные «идентификационные модели», связанные с использованием прошлого с целью его последовательной национализации. Не менее важным фактором для развития идентичности и национальной мифологии стала и выработка «стратегии общения с мировой культурой»<sup>15</sup>, которая ставила вопрос интеграции болгарской культуры в европейский контекст. В целом, западное влияние весьма четко просматривается в методологии Н. Аретова. Болгарская историография XVIII и XIX столетий рассматривается им не просто как часть развития национальной историографии, но анализируется в контексте развития национализма<sup>16</sup>. В этом отношении болгарский историк методологически близок британцу Э. Смиту<sup>17</sup>, который был одним из первых, кто поставил вопрос связи истории и национализма.

Подводя итоги настоящего обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. Книга Николая Аретова, вышедшая в 2006 году, стала важным этапом в развитии болгарского гуманитарного знания. Отличительной особенностью работы Н. Аретова, написанной на грани истории и литературоведения, является ее междисциплинарный характер. С одной стороны, в методологическом и теоретическом плане работа Николая Аретова демонстрирует радикальный разрыв между современной болгарской гуманистикой и ее более ранней версией, которая была вынуждена развиваться в условиях существования многочисленных идеологических ограничений. С другой стороны, книга Н. Аретова носит в положительном смысле деструктивный характер, связанный с попыткой радикального пересмотра нормативной историографии и предложением новых интерпретаций болгарской истории. В

этом контексте, анализируя мифологизацию болгарского прошлого, Н. Аретов фактически демантирует многочисленные мифы, связанные с функционированием болгарской идентичности. На смену схематической и автоматической истории как смены событий и социально-экономических формаций, последовательной смены одних доминирующих литературных стилей и жанров другими приходит история лишенная внутренней структурной целостности, история как проблема, история как миф, история как курс. Вместе с тем, работа Н. Аретова указывает и на глубину структурных изменений в болгарском гуманитарном знании, его последовательной и глубокой интеграции в западный научный контекст.

*М.К.*

---

<sup>1</sup> Аретов Н. Национална мифология и национална литература. Сюжети, изграждащи българската национална идентичност в словесността от XVIII и XIX век / Н. Аретов. – София: Кралица Маб, 2006.

<sup>2</sup> На протяжении 1990 – 2000-х годов на болгарский язык были переведены тексты, которые составляют классический корпус источников, необходимых для изучения национализма. См.: Андерсън Б. Въобразените общности. Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998; Бърк П. Народната култура в зората на модерна Европа / П. Бърк / прев. Д. Господинов. – София, 1997; Ганди Л. Постколониална теория / Л. Ганди / прев. М. Атаносова. – София, 2005; Гелнър Ъ. Условията на свободата. Гражданското общество и неговите съперници / Ъ. Гелнър / прев. Л. Шведова. – София, 1996; Гелнър Ъ. Нации и национализъм / Ъ. Гелнър / прев. Ив. Ватова, Алб. Знеполска. – София, 1999; Улф Л. Изобретяването на Източна Европа. Картата на цивилизацията в съзнанието на Просвещението / Л. Улф / прев. Л. Дуков. – София, 2004; Хобсбом Е. Нации и национализъм от 1780 до днес. Програма, мит, реалност / Е. Хобсбом / прев. М. Пипева, Е. Георгиев. – София, 1996;

<sup>3</sup> Аретов Н. Национална мифология и национална литература. – С. 234.

<sup>4</sup> Там же. – С. 33.

<sup>5</sup> На протяжении 1990 – 2000-х годов в Болгарии вышел ряд переводных текстов, связанных с теоретическими и методологическими (в частности – христианским фактором) проблемами изучения национализма на Балканах. См.: Китромилидис П. От кръста към флага. Аспекти на християнството и национализма на Балканите / П. Китромилидис / състав., прев., науч. ред. В. Тодоров. – София, 1999.

<sup>6</sup> Аретов Н. Национална мифология и национална литература. – С. 84 – 90.

<sup>7</sup> Там же. – С. 43 – 45.

<sup>8</sup> Там же. – С. 63.

<sup>9</sup> Там же. – С. 156 – 220.

<sup>10</sup> Там же. – С. 52.

<sup>11</sup> Там же. – С. 47.

<sup>12</sup> Там же. – С. 300 – 301.

<sup>13</sup> Там же. – С. 49.

<sup>14</sup> Андерсън Б. Въобразените общности. Размишления върху произхода и разпространението на национализма / Б. Андерсън / прев. Я. Генова. – София, 1998.

<sup>15</sup> Аретов Н. Национална мифология и национална литература. – С. 69.

<sup>16</sup> Там же. – С. 101 – 121.

<sup>17</sup> Смит А. Националната идентичност / А. Смит / прев. Н. Аретов. – София, 2000.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ\*

**Александр БОЛДЫРИХИН** – аспирант Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, [commando@inbox.ru](mailto:commando@inbox.ru)

**Анна ДАРКИНА** – к.и.н., [anna\\_darkina@mail.ru](mailto:anna_darkina@mail.ru)

**Максим КИРЧАНОВ** – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, [maksymkyrchanoff@gmail.com](mailto:maksymkyrchanoff@gmail.com)

**Виктория КУЗНЕЦОВА** – бакалавр регионоведения (ВГУ, 2011), магистрант кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, [robada-888@mail.ru](mailto:robada-888@mail.ru)

**Александр ПОГОРЕЛЬСКИЙ** – к.и.н., доцент Кафедры философии, истории и социологии Воронежского Государственного Архитектурно-Строительного Университета, Воронеж, Россия

**Евгений ПОЛЯКОВ** – к.полит.н., преподаватель Кафедры социологии и политологии Исторического Факультета Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия, [irshakhchan@mail.ru](mailto:irshakhchan@mail.ru)

**Ирина ФОРЕТ** – к.и.н., преподаватель Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, Воронеж, Россия,

---

\* Сведения об авторах приведены по состоянию на ноябрь 2011 – март 2012 года, т.е. период формирования и подготовки номера к печати

## INFORMATION ABOUT CONTRIBUTORS

- Alexander BOLDYRIKHIN** – *aspirant* / PhD Student of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, [commando@inbox.ru](mailto:commando@inbox.ru)
- Anna DARKINA** – *kandidat istoricheskikh nauk* / PhD in History (Voronezh State University, 2011), [anna\\_darkina@mail.ru](mailto:anna_darkina@mail.ru)
- Maksym KYRCHANOFF** – *kandidat istoricheskikh nauk* / PhD in History (Voronezh State University, 2006), *dotsent* / Associate Professor of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, [maksymkyrchanoff@gmail.com](mailto:maksymkyrchanoff@gmail.com)
- Viktoriia KUZNETSOVA** – *bakalavr regionovedeniia* / Bachelor of Regional Studies (Voronezh State University, 2011), *magistrant* / Master Student of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia, [pobeda-888@mail.ru](mailto:pobeda-888@mail.ru)
- Aleksandr POGORELSKY** – *kandidat istoricheskikh nauk* / PhD in History, *dotsent* / Associate Professor of Department of philosophy, history and sociology, Voronezh State Architectural University, Voronezh, Russia
- Evgenii POLIAKOV** – *kandidat politicheskikh nauk* / PhD in Political Science (Voronezh State University, 2008), *prepodavatel'* / lecturer of Department of sociology and political science of Historical Faculty, Voronezh State University, Voronezh, Russia, [irshakhchan@mail.ru](mailto:irshakhchan@mail.ru)
- Irina PHORET** – *kandidat istoricheskikh nauk* / PhD in History (Voronezh State University, 2007), *prepodavatel'* / lecturer of Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Voronezh State University, Voronezh, Russia

---

*Научное издание*

Российский журнал исследований национализма  
2012 / 2

*Периодическое издание*

На русском языке  
Публикуется в авторской редакции

---

Подписано в печать 18.04.2012 г.  
Тираж 100

---

394000, г. Воронеж  
Воронежский государственный университет  
Московский пр-т, 88, корпус № 8, ауд. 105, 107  
Факультет международных отношений  
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

---